„О ВѢХАМЪ...

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

объ интеллигенціи и „національномъ лицѣ“.

2-е изданіе.

МОСКВА.—1909.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„СОТРУДНИКЪ ПРОВИНЦІИ“

(Москва, уг. Тверского бульв. и М. Бронной, д. 1).

Высылаетъ въ провинцію всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги.

НА СКЛАДѢ:

ВЪ ЗАЩИТУ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. Сборникъ статей: *К. Арсеньева, М. Бикермана, П. Боборыкина, Вл. Боцяновскаго, Н. Валентинова, И. Геккера, И. Игнатова, Н. Іорданскаго, Д. Левина, Ф. Мускатблита, Григ. Петрова.* Цѣна 75 коп.

КРИТИЧЕСКІЙ АЛЬМАНАХЪ. Кн. I. **Статьи и очерки:** Ю. Айхенвальда, П. Когана, Н. Абрамовича, В. Высоцкаго, Е. Загорскаго, Георга Брандеса и др. Цѣна 1 руб.

Н. Я. Абрамовичъ. ВЪ ОСЕННИХЪ САДАХЪ. Литература сегодняшняго дня. „Полъ и характеръ“ *Вейнингера.* „Синяя птица“. „Литер. распадъ“. Л. Андреевъ и Б. Зайцевъ, М. Арцыбашевъ, А. Купринъ и др. Цѣна 1 руб.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ БЕЛЬШЕ. Собр. сочиненій. Томъ I. „Религія нашего времени“.—„Въ нѣдрахъ земли“.—„Гибель міра“.—„Тайна Южнаго полюса“. Цѣна 1 руб.

Т. II печатается и выйдетъ въ августѣ.

Н. Валентиновъ. ФИЛОСОФСКІЯ ПОСТРОЕНІЯ МАРКСИЗМА. Діалектическій матеріализмъ, эмпиріомонизмъ и эмпиріокритическая философія. Критическіе очерки. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПО ВѢХАМЪ...

662 ПѢШАЯ
№ 1597
НИЖЕГОРОДСКАЯ ДРУЖИНА
597

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

объ интеллигенціи и „національномъ лицѣ“:

Боборыкина, А. Васильева, М. Винавера, В. Голубева, Владиміра Ж., И. Жилкина, Е. К., Д. Левина, А. Максимова, Милюкова, Н. Минскаго, М. Могилянскаго, Ф. Мускатблита, проф. А. Погодина, Алексѣя Порошина, В. Поссе, Рославлева, М. Славинскаго, П. Струве и В. Хижнякова.

Ф2071
2

2-е изданіе.

МОСКВА.—1909.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
367
31

Типографія «**Общественная Польза**». Бол. Тверская-Ямская, д. 26.

Къ 2-му изданію.

Настоящее изданіе отличается отъ предыдущаго нѣкоторыми измѣненіями во вступительной статьѣ, касающимися формы изложенія.

Кромѣ того опущенъ полемическій очеркъ Homo novus'a „22 несчастія", какъ носившій сугубо-личный характеръ.

Редакція глубоко сожалѣетъ объ этомъ, допущенномъ ею ранѣе lapsus'ѣ и считаетъ своимъ долгомъ принести П. Б. Струве свое извиненіе.

У „разбитаго корыта“...

(Вмѣсто предисловія).

„Piccoli cosi, grandi effetti“...

Прошелъ „въ состояніи запальчивости и раздраженія“ неуспѣхомъ послѣдняго этапа своего творчества г. Чириковъ, который незадолго до того выступилъ съ публичнымъ одобреніемъ своей же „Бѣлой вороны“.

И слегка задѣлъ нервъ, извѣстный въ общественной медицинѣ подъ названіемъ „Judaicus“.

Несмотря на то, что изъ него и кустарнымъ способомъ, и на канатныхъ фабрикахъ всего міра неоднократно вили веревку, точнѣе—именно благодаря этому онъ сталъ чрезвычайно чувствительнымъ. И, если хотите, пожалуй, даже сверхъ мѣры. Пора было бы привыкнуть... Гиперестезія. Такъ что на прикосновеніе къ нему ничтожной пылинки даетъ сильнѣйшій разрядъ.

Въ яркой искрѣ этого послѣдняго и освѣтилось „національное лицо“ съ его „отталкиваніемъ“ и „притяженіемъ“...

Можно, какъ это было заявлено по адресу г. Милюкова, осудить „старую манеру дискредитировать и идею, которую не раздѣляешь, и личность, ее провозглашающую, скернымъ намекомъ, что это-де встрѣтитъ полное сочувствіе въ „Новомъ Времени“ и въ „Русскомъ Знамени“ [1]).

---

[1]) „Слово“, № 739.

Но когда приставка „де“ отметается самимъ фактомъ—его же не прейдеши,—иначе: когда „скверный намекъ,—а это-то и произошло,—превращается въ дѣйствительность [1]), то тутъ ужъ ничего не возразишь. Приходится признать ее, не преувеличивая и не преуменьшая. Въ натуральную величину. И на сей разъ—отмѣнно скверной...

Мнѣ поэтому вполнѣ понятна антипатія къ „звону скрещиваемыхъ газетныхъ шпагъ, къ фехтованію, гдѣ часто существо дѣла приносится въ жертву эффектному сближенію или разсчитанному на слабые нервы полуистерическому выкрику, или же, наконецъ, любезному нѣкоторой части публики забавному подхихикиванію съ примѣсью ловко пущенной инсинуаціи“ [2]).

Однако, врядъ ли „читатель-другъ“ станетъ настаивать на отводѣ меня, хоть и „газетной шпаги“, если я, отрекшись отъ какого бы-то ни было профессіональнаго лицепріятія, замѣчу, что въ такихъ случаяхъ, какъ анализируемый, „существо дѣла“ лучше всего обнажается, на мой взглядъ, какъ-разъ въ ежедневной прессѣ, ибо въ ней дается на опредѣленное явленіе непосредственная реакція, т.-е. то, что въ такихъ по основѣ эмоціональныхъ вопросахъ, какъ именуемый еврейскимъ, наиболѣе цѣнно.

„Національное лицо“ оказалось — въ пылу полемическаго турнира—растянутымъ въ „державную народность“.

Этотъ терминъ значительно утратилъ въ дальнѣйшемъ изложеніи свой колоритъ даже при той предусмотрительной поправкѣ, что „русскую національность, какъ державную“, еще нужно до этой степени „поднять“ [3]).

---

[1]) „Новое Время“, № 11853, и „Русское Знамя“, № 51.
[2]) „Слово“, № 734.
[3]) Ibidem.

Дѣйствительно, „державная народность“, которая почти ничего не держитъ, но которую въ то же время почти цѣликомъ держатъ въ объятіяхъ всевозможныхъ „положеній“, „временныхъ правилъ“ и „обязательныхъ постановленій“ вплоть до употребленія лишь административно - угодныхъ анестезирующихъ препаратовъ (Толмачевъ), — подобное сочетаніе представляетъ собой чистѣйшій non sens [1]).

Само собою разумѣется, эти выступленія оказались вполнѣ въ тональности еврейскаго націоналиста Владиміра Ж., который нѣсколько ранѣе—по поводу работы г. Чуковскаго объ „Евреяхъ въ русской литературѣ“—вскрылъ свой націонализмъ въ слѣдующей формѣ:

„Наша окаменѣлая, сгущенная, холодно-бѣшеная рѣшимость — удержаться на посту, откуда сбѣжали другіе, и служить еврейскому дѣлу, чѣмъ удастся, — головой, и руками, и зубами, правдой и неправдой, честью и местью, во что бы то ни стало. Мы стиснемъ зубы и крикнемъ всему міру въ лицо изъ глубины нашего сердца, что одинъ малышъ, болтающій по древне-еврейски, намъ дороже всего того, чѣмъ живутъ ваши хозяева отъ Ахена до Москвы. Мы преувеличимъ свою ненависть, чтобы она помогла нашей любви“ [2]).

Пусть скульпторъ отольетъ это credo въ маску. И она поразитъ васъ своей чудовищностью, которая можетъ найти себѣ нѣкоторое объясненіе, но ни въ коемъ случаѣ не оправданіе въ томъ, что въ ней отсвѣчиваютъ Одесса, Сѣдлецъ, Бѣлостокъ, Кишиневъ и Кіевъ...

Эпизодъ съ г. Чириковымъ подвинулъ его на другой, болѣе хладнокровный шагъ, но и въ немъ звенѣлъ тотъ же, подтвержденный со стороны рефренъ: я всегда утверждалъ, что по отношенію къ намъ имѣет-

---

[1]) Ibidem.
[2]) „Современныя Мысли“, № 46.

ся „отталкиваніе“, а потому оттолкнемся въ Палестину,—рѣшеніе, къ слову сказать, значащееся и въ символѣ вѣры нашей крайней реакціи.

Такъ, съ поворотнаго пункта, установленнаго „Письмомъ“ г. Чирикова [1]) и на почвѣ изложенія гг. Струве, Голубева и Владиміра Ж., взошла начавшаяся нѣсколько ранѣе полемика о государственности и національности.

Отъ листьевъ къ корнямъ. И отчасти... отъ корней къ листьямъ. Одинъ изъ нихъ, поколебленный г. Поссе, зашелестѣлъ, но съ фактической точки зрѣнія не обратилъ на себя, какъ я ни наблюдалъ, ничьего вниманія въ смыслѣ отклика.

Восполняю этотъ пробѣлъ. И съ тѣмъ большой охотой, что этюдъ вышеупомянутаго публициста покоится на особенно непростительномъ для него незнаніи.

Знать, — вотъ что прежде всего необходимо! — гремѣлъ въ свое время, трактуя о вопросѣ, именуемомъ еврейскимъ, Щедринъ.

Приведя обвиненіе евреевъ-журналистовъ въ томъ, что они „тянутъ“ [2]) другъ друга, а русскихъ „отстраняютъ“, г. Поссе скрѣпляетъ:

— Въ этомъ есть доля правды.

Отмѣтивъ упрекъ въ ихъ слишкомъ легкомъ приспособленіи къ требованіямъ „хозяевъ печати“ и покладистомъ „примѣненіи къ подлости“, а также въ „высокомѣріи“, принимающемъ форму „наглости“ и „нахальства“, г. Поссе отзывается:

— И здѣсь есть небольшая доля правды.

Наконецъ, сославшись на указаніе о порчѣ ими русскаго языка привнесеніемъ въ него „жаргоннаго стиля“, г. Поссе устанавливаетъ:

— Обвиненіе кажется правдоподобнымъ.

---

[1]) См. Приложеніе.
[2]) Кавычки вездѣ г. Поссе.

Доля правды... Небольшая доля правды... Кажется правдоподобнымъ...

Въ итогѣ — не слишкомъ ли много правды? Не думаю. Въ крайнемъ случаѣ ровно столько же, сколько ея оказалось бы въ аналогичныхъ резолюціяхъ о такихъ же дѣятеляхъ и вообще людяхъ, которымъ „ничто человѣческое не чуждо“, любой національности.

Но если тутъ г. Поссе подписывается со всяческимъ воздержаніемъ, то одно положеніе принимается имъ цѣликомъ.

А такъ какъ оно — основное, то съ его проваломъ должна сорваться и вся, какъ на крюкѣ подвѣшенная на немъ, цѣпь только-что упомянутыхъ.

Указавъ на отзывъ, по которому „процентное отношеніе издателей и писателей еврейскаго происхожденія къ таковымъ происхожденія русскаго неизмѣримо выше процентнаго отношенія еврейскаго населенія къ русскому“, г. Поссе констатируетъ:

— Это фактъ, котораго не могутъ оспаривать ни русскіе, ни евреи.

А я утверждаю, что г. Поссе „взялъ кусокъ жизни и сотворилъ изъ него легенду“.

Пусть только г. Поссе вспомнитъ:

Кто такіе въ „Новомъ Времени“ Суворинъ, Меньшиковъ, А. Ст—инъ, Буренинъ, Валишевскій, Поповъ, Прокофьевъ, Глазенапъ, Павловскій, Горячковская, Новикова и Смирнова?

Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ кн. Ухтомскій, Рославлевъ, Хряпинъ и Вакуловскій?

Въ „Свѣтѣ“, „Русскомъ Знамени“ и „Гражданинѣ“ Дубровинъ, Булатовичъ и кн. Мещерскій?

Въ „Новой Руси“ Порошинъ, Боцяновскій, Рокотовъ, Кривцовъ и Емельяненко?

Въ „Рѣчи“ изъ 139 поименованныхъ сотрудниковъ?

Наконецъ, въ „Словѣ“ изъ 82?

О Москвѣ скажу лично.

„Вѣче“ 0
„Московскія Вѣдомости“ 0
„Голосъ Москвы“ 0
„Русское Слово“ 0
„Московскій Листокъ“ 1
„Русскія Вѣдомости“ 4
„Раннее Утро“ 9

Обслѣдуйте все Поволожье, начиная съ Саратова съ его „Вѣстникомъ“ (Лопуховскій, Архангельскій) и „Листкомъ“ (Лебедевъ, Горизонтовъ, Патрашкинъ).

Поѣзжайте въ Харьковъ съ его „Утромъ“ (Риттеръ, Жмудскій, Фатѣевъ, Шальневъ, Вольскій, Смоляновъ, Герасимовъ, Епифанскій) и „Южнымъ Краемъ“ (Воронецкій).

Навѣдайтесь въ Кіевъ съ „Кіевлянином“ (Пихно) и „Кіевскими Вѣстями“ (Саликовскій) [1]).

Спуститесь въ Одессу съ „Резиной“ (Глобачевъ), „Русской Рѣчью“ (Пеликанъ), „За Царя и Родину“ (гр. Коновницынъ) и „Одесскимъ Листкомъ“ (Навроцкій, Попандопуло, Лучинскій, Борманъ, Александровскій, Солодовъ) [2]).

Загляните въ Елисаветградъ съ „Голосомъ Юга“ (Горшковъ) и „Новороссійскимъ Краемъ“ (Тепловъ, Пржевальскій).

И, прослѣдовавъ чрезъ Екатеринославъ съ „Приднѣпровскимъ Краемъ“ (Копыловъ, Буяковичъ), на Ростовъ съ „Пріазовскимъ Краемъ“ (Арутюновъ), скажите:

— Кто такіе стоящіе во главѣ „Русской Мысли“, „Вѣстника Европы“, „Русскаго Богатства“, „Современнаго Міра“ и „Образованія“ Струве и Кизеветтеръ; Арсеньевъ, Ковалевскій и Кузьминъ-Караваевъ; Короленко, Пѣшехоновъ, Мякотинъ, Южаковъ, Иванчинъ-Писаревъ, Мокіевскій, Петрищевъ и Елпатьевскій;

---

[1]) Исключеніе — „Кіевская Мысль“.
[2]) Исключеніе — „Одесскія Новости“.

Батюшковъ, Ник. Іорданскій, Невѣдомскій и М. и А. Куприны; Карышовъ, Васильевичъ, Игнатьевъ, Кудринъ, Морозовъ и Новорусскій?

— И какой національности Суворинъ, Сытинъ, Саблинъ, Сойкинъ, Зелинскій, Парамоновъ („Донская Рѣчь“), Сегонъ („Буревѣстникъ“), Паліевъ („Молотъ“), Мягковъ („Колоколъ“), Распоповъ („Молодая Россія“), Марія Малыхъ, Риккеръ, Вольфъ, Девріенъ и покойные Попова, Павленковъ и Марксъ?

Тогда станетъ ясно, въ какой мѣрѣ „фактъ, который не могутъ оспаривать ни русскіе, ни евреи“, отвѣчаетъ дѣйствительности.

И искренно жаль, что объ еврейскомъ засиліи можно толковать лишь въ кавычкахъ. Ибо что можетъ быть вмѣнено любому народу въ бо́льшую честь, чѣмъ его интенсивное участіе въ литературѣ?

Конечно, г. Меньшиковъ не оставитъ учинить въ виду сего закономѣрно-цѣлесообразный выводъ... Но... „волковъ бояться—въ лѣсъ не ходить“.

Суть въ томъ, что уже одно появленіе въ теченіе весьма краткаго времени и только въ столичной прессѣ до 30 откликовъ различныхъ оттѣнковъ свидѣтельствуетъ о приподнятости интереса къ темѣ.

Въ виду этого, смѣю думать, предлагаемый сборникъ, изъ котораго мной исключено все побочное и представляющій собой комплексъ всего, что вышло—исключительно съ прогрессивной стороны—существеннаго,—что онъ, давая аудиторіи возможность выслушать всѣхъ спорщиковъ, отвѣчаетъ, какъ пишутъ трафаретные журналисты, „назрѣвшей потребности“.

Долженъ оговориться: упомянувъ—въ примѣненіи къ происшедшему—о „психическомъ измѣненіи“ въ нѣкоей части отечественной интеллигенціи, я, конечно, имѣлъ въ виду не его, какъ таковое, а наличность его прежде не обнаруживавшагося проявленія.

Какъ душевный плодъ того многовѣтвистаго древа, кора котораго срослась изъ мало сознанныхъ капризовъ расоваго темперамента, легенды, предразсудковъ,

ирраціональнаго воспитанія и среды [1]),—„асемитизмъ“ существовалъ въ лучшемъ слоѣ у насъ (и вездѣ) всегда.

Но если свѣтъ разума пока не смогъ его попрать („опустите умъ въ глубину познанія и вы подымете сердце до небесъ“ — Гюго), то по крайней мѣрѣ соблюдалось извѣстное приличіе молчанія въ въ домѣ повѣшеннаго о веревкѣ... Нынѣ же и этотъ декорумъ растаялъ. Почему? Отчего? Какъ? Недоумѣніе находитъ себѣ естественную разгадку въ поразительно — до буквальнаго совпаденія выраженій — согласномъ отвѣтѣ такого просвѣщенца, какъ г. Мережковскій, и его антагониста, Хама.

Одинъ сказалъ:

— Только-что начинаемъ пятиться, каяться, отдаваться реакціи—находимъ себя, становимся „истинно-русскими людьми“, не на головѣ ходимъ, а на рѣзвыхъ ножкахъ бѣгаемъ. Мы—„Ванька-встанька“: какъ бы ни завалила насъ революція, реакція выпрямитъ [2]).

Другой:

— Спасибо все-таки реакціи: не будь ея, никогда бы не началась грызня въ лѣвомъ станѣ. Реакція, какъ ни бранятъ ее, чудеса творитъ [3])...

Хамъ, естественно, ликуетъ. А у г. Мережковскаго, по его собственному признанію, какъ и у другихъ,—подобно больному Васютѣ въ „Черномъ по бѣлому“ З. Н. Гиппіусъ,—„головка такъ и виснетъ, такъ и виснетъ“:

— Молочка бы ты мнѣ, мамка,—да не хоцца...

Андрей Бѣлый протягиваетъ это, лишенное вѣры въ творческую силу народа, разслабленное „не хоцца“ до пожеланія:

---

[1]) *Салтыковъ-Щедринъ*. Недоконченныя бесѣды. Двадцативѣковая трагедія.

[2]) *Д. С. Мережковскій*. Головка виснетъ. „Рѣчь“, № 79.

[3]) „Русское Знамя“, № 58.

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея,—
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя!

Наглядный примѣръ mania grandiosa съ головокруженіемъ отъ отсутствія, притупленія или утраты историческаго чувства.

Господа, мережи кующіе, могутъ „съ душевнымъ прискорбіемъ извѣстить родныхъ, друзей и знакомыхъ“, что Россія безъ кавычекъ, вопреки ихъ воплямъ, въ отставку не подастъ. Они по ошибкѣ приняли ее за Академію а себя — за Ломоносовыхъ.

Что же до глубочайше убѣжденныхъ въ непреложность поступательнаго—подъ всѣми широтами—хода историческаго процесса, то они остаются подобной прострації совершенно чуждыми.

Имъ „хоцца“ и Россіи, даже въ ея настоящемъ состояніи, „чтобъ мыслить и страдать“ по Россіи грядущаго, культурно-правовой Россіи.

„Хоцца“ и усовершенствованныхъ „психическихъ измѣненій“ личности, которыя шли бы рука-объ-руку съ созвучными измѣненіями, „такъ сказать, политической техники человѣческихъ общежитій“.

„Хоцца“, наконецъ, и „молочка“ въ формѣ такого разрѣшенія государственной и національной проблемы, которое отвѣчало бы категорическому императиву:

— Не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ!

Велѣніе, совмѣстимое со всяческимъ волевымъ напряженіемъ какъ націи, такъ и индивидуума въ сторону самоопредѣленія.

Пока ничего подобнаго нѣтъ. И мы,—хочется воскликнуть вмѣстѣ съ г. Мережковскимъ [1]),—мы „еще смѣемъ говорить о „Великой Россіи“, о нашемъ „честномъ и добромъ національномъ лицѣ“, смѣемъ спрашивать, куда оно дѣлось, почему его не видно. Къ плахѣ пригнулъ палачъ,—вотъ почему не видно“...

Тяжкій періодъ...

---

[1]) Когда воскреснетъ? „Рѣчь“, № 86.

Всѣ черты его незакончены,—писалъ о немъ въ примѣненіи къ своей родинѣ въ 40-хъ годахъ, сатирикъ Ларра.

„Это одинъ лишь профиль: онъ ни сидитъ, ни стоитъ. Наполовину — день. Наполовину — ночь. И бѣлый. И черный. Короче—онъ весь выражается словомъ „quasi". Испанія имѣетъ quasi-конституцію. Правительство — quasi-умѣренное. Quasi-просвѣщеніе распространено повсюду. Наше время переходное. И все у насъ переходное".

Въ такую-то пору нѣкая часть отечественной интеллигенціи, очутившись у „разбитаго корыта", пришла къ тому безусловно правильному выводу, что „въ данный часъ исторіи интеллигенція въ массѣ нуждается не въ самовосхваленіи, а въ самокритикѣ. Къ новому сознанію мы можемъ перейти черезъ покаяніе и самообличеніе" [1]).

Рекомендованная „самокритика" не замедлила вступить въ силу.

И обнаружилось, что „въ цѣломъ интеллигентскій бытъ ужасенъ, подлинная мерзость запустѣнія, ни малѣйшей дисциплины, ни малѣйшей послѣдовательности даже во внѣшнемъ; день уходитъ неизвѣстно на что, сегодня такъ, а завтра — по вдохновенію, все вверхъ ногами; праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность въ личной жизни, грязь и хаосъ въ брачныхъ и вообще половыхъ отношеніяхъ, наивная недобросовѣстность въ работѣ, въ общественныхъ дѣлахъ—необузданная склонность къ деспотизму и совершенное отсутствіе уваженія къ чужой личности".

Выражаясь проще, интеллигенція это—олицетворенная нечесть съ гноящейся душой, положительно обязанная „благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждаетъ насъ отъ ярости народной" [2]).

---

[1]) *Н. А. Бердяевъ.* Философская истина и интеллигентская правда. „Вѣхи". Москва. 1909, стр. 7.

[2]) *М. О. Гершензонъ.* Творческое самосознаніе. Ibidem, стр. 80—81 и 88.

Конечно, подъ такимъ видомъ дальше жить нельзя. Необходимо внутренне облагообразиться. Сначала—„новое сознаніе“, а потомъ—путное бытіе.

Такова формула олеандроваго идеализма, отливающая цвѣтомъ основоположенія другого идеализма, крапивнаго: сначала—успокоеніе, а потомъ—реформы...

Это раньше можно было помышлять о такихъ благоглупостяхъ, какъ всеобщее и т. д., въ сектантской грезѣ о томъ, что въ условіяхъ хотя бы и одной лишь реформы учрежденій—надежнѣйшій залогъ пріобщенія націи къ сознательной жизни со всѣми вытекающими отсюда этическими слѣдствіями индивидуальнаго и соціальнаго свойствъ.

Не то нынѣ.

Теперь ужъ, какъ день Божій, ясно, что „реформа учрежденій,—реформа, измѣняющая, такъ сказать, политическую технику человѣческихъ общежитій,—сама по себѣ совершенно недостаточна... Силой вещей передъ этимъ обществомъ ставится великая проблема національнаго оздоровленія“ [1]).

Не успѣла проповѣдь необходимости „новаго сознанія“ реализоваться въ посвященныхъ ей „Вѣхахъ“, въ которыхъ національный вопросъ не затронутъ, какъ пришлось констатировать, что оно уже созрѣло...

Во времени полемика по національному вопросу нѣсколько упредила „Вѣхи“, развернувшись, когда этотъ сборникъ находился, такъ сказать, in statu nascendi.

Но для всякаго мало-мальски исправно мыслящаго тѣсная внутренняя связь между ними, ихъ психо- и просто логическая концепція—выше всякой достовѣрности.

Такъ именно и, на мой взглядъ, совершенно правильно взглянула на это и критика, коснувшаяся настоящей книги и другой — „Въ защиту интеллигенціи“ вмѣстѣ.

---

[1]) *С. А. Котляревскій.* Успокоеніе и оздоровленіе. „Московскій Еженедѣльникъ“, № 13, стр. 5.

Такимъ образомъ, иниціаторъ предлагаемой книги, полагаю, имѣлъ полное право назвать ее „По вѣхамъ“...

Ф. Мускатблитъ.

P. S. Считая юридическое право перепечатки произведеній размѣромъ не свыше 1 печатнаго листа недостаточнымъ вообще, а въ сборникѣ—тѣмъ болѣе, я обратился къ ихъ авторамъ съ мотивированной просьбой объ ея разрѣшеніи. Приношу имъ всемѣрную признательность за послѣдовавшее на мое обращеніе полное согласіе и даже болѣе—сочувствіе.

Такъ, П. Н. Милюковъ высказался въ томъ смыслѣ, что „чѣмъ шире распространятся его статьи, тѣмъ лучше“.

Н. Минскій по своей иниціативѣ любезно предоставилъ мнѣ для возстановленія нѣсколько выпавшихъ изъ первоначальнаго текста мѣстъ, что въ мѣру „не зависящихъ отъ редакціи обстоятельствъ“ и сдѣлано.

В. С. Голубевъ выразилъ желаніе пріобщить къ его изложенію представляющую для него большое значеніе „Интеллигентскую обособленность“.

В. А. Поссе — „Національнизмъ и соціализмъ“ — просьбы съ готовностью исполненныя.

А. Л. Погодинъ и А. А. Стаховичъ были столь предупредительны, что предложили мнѣ воспользоваться: А. Л. вмѣсто воспроизведеннаго наброска—скорѣе болѣе обстоятельнымъ очеркомъ „Петербургъ и Вѣна“ [1]); А. А.—тогда еще не вышедшимъ въ свѣтъ этюдомъ о молодой Турціи.

При всей содержательности этихъ монографій и представляемомъ ими поэтому интересѣ, я не счелъ, однако, возможнымъ привести ихъ, какъ матеріалъ, нѣсколько выходящій за рамки этого сборника, во главу угла котораго положено отношеніе интеллигенціи къ семитизму.

Ф. М—тъ.

---

[1]) „Московскій Еженедѣльникъ“, № 10.

Интеллигентская обособленность.

Герой одного изъ замѣчательнѣйшихъ романовъ Достоевскаго „Подростокъ“, человѣкъ 40-хъ годовъ, помѣщикъ-идеалистъ Версиловъ даетъ весьма любопытную характеристику русскаго интеллигента. „У насъ,—разсказываетъ онъ,—создался вѣками какой-то еще нигдѣ не виданный высшій культурный типъ, котораго нѣтъ въ цѣломъ мірѣ,—типъ всемірнаго болѣнія за всѣхъ“. „Насъ, можетъ-быть, всего только тысяча человѣкъ,—можетъ-быть, болѣе, можетъ-быть, менѣе, — но вся Россія жила лишь пока для того, чтобы произвести эту тысячу“. Эта тысяча, или, можетъ-быть, „болѣе“, оставалась у насъ таковой же вплоть до послѣднихъ лѣтъ. И такой же „тысячей“, но уже по другимъ мотивамъ хотятъ ее оставить и дальше тѣ, кто, какъ, наприм., литературный критикъ г. И. въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, продолжаютъ видѣть въ интеллигенціи классъ, обособленный отъ другихъ классовъ. Полемизируя со Струве о новомъ міросозерцаніи интеллигенціи, г. И. утверждаетъ, что проповѣдь Струве о личной годности, о „принципіальномъ идейномъ измѣненіи отношенія интеллигенціи къ производительному процессу въ обществѣ“ *теперь* не будетъ имѣть успѣха и найдетъ сейчасъ откликъ только „въ наиболѣе усталой части современниковъ, руководствующейся въ своихъ исканіяхъ правиломъ: подальше отъ того, что не оправдало надеждъ“.

Эта ссылка на „усталость“ — весьма характерный аргументъ, какъ характерно и это, объединяющее интеллигенцію въ особый классъ, „теперь“, подъ которымъ разумѣется „желѣзный кругъ“, стягивающій всю русскую жизнь.

И вотъ такъ просто рѣшаетъ г. И. проблему нынѣшнихъ исканій интеллигенціи и весь этотъ споръ о новомъ міровоззрѣніи. Съ одной стороны „уста-

лость", съ другой — реакція. Ищутъ новаго міровоззрѣнія тѣ, кто „устали", и уходятъ подальше „отъ того, что не оправдало надеждъ". А искать нечего, ибо исключительныя положенія и реакція — достаточныя условія, чтобы интеллигенція по-прежнему оставалась обособленнымъ классомъ и была объединена одной цѣлью и задачей. Пути къ достиженію цѣли, очевидно, для г. И. тоже такъ же просты и ясны,—они все тѣ же, ибо цѣль та же.

И если бы дѣло обстояло такъ просто, то дѣйствительно не о чемъ было бы спорить. Но мы думаемъ, что дѣло много сложнѣе и вопросъ объ обособленности интеллигенціи—вопросъ, сейчасъ именно требующій обсужденія по существу.

Дѣйствительно, долгіе годы Россія жила „чтобы произвести эту тысячу", т.-е. эту россійскую интеллигенцію — носительницу міровыхъ идеаловъ. Было время, когда можно было сказать, что не слѣдуетъ „негодовать", что „на тысячу человѣкъ истрачено столько вѣковъ и столько милліоновъ народу". Берсиловъ говорилъ, что, по его мнѣнію, „тысяча"—это „не мало". Интеллигенція, русская многострадальная интеллигенція отдавала себя народу и міровымъ идеаламъ цѣликомъ, отдавала свою жизнь, больше того— отдавала свою мысль, чувство и волю. И все-таки кто рѣшится сказать, что она отплатила за себя сторицею. Теперь интеллигенціи уже не одна тысяча, она разгруппировалась уже по партіямъ, находящимся между собою даже въ рѣшительной враждѣ. И тѣмъ не менѣе отъ обособленности она все еще не отдѣлалась.

Это обособленіе русской интеллигенціи въ отдѣльный классъ съ ея космополитическими идеалами много содѣйствовало тому, что и наша россійская революція получила безплодную космополитическую идеологію, имѣвшую немало вредныхъ послѣдствій для „освободительнаго движенія" съ одной стороны и классовую подкладку съ классовой же идео-

логіей въ борьбѣ противъ стараго режима — съ другой.

Въ недавно вышедшемъ сборникѣ г. Минскаго „На общественныя темы“ эти двѣ черты русской революціи изображены съ поразительной ясностью. „Французская революція, — справедливо замѣчаетъ г. Минскій, — вся насквозь была пропитана духомъ патріотизма и воинственнаго воодушевленія, между тѣмъ какъ русская революція насквозь антипатріотична и антивоинственна“. Восхищаясь такимъ характеромъ русской революціи, г. Минскій имъ же объясняетъ и то обстоятельство, что русская революція была тѣсно связана съ еврействомъ. И надо отдать справедливость г. Минскому, что и констатированіе факта и объясненія его такому явленію во многомъ сдѣланы вѣрно, если имѣть въ виду вліяніе на русскую революцію русской интеллигенціи, какъ одушевленной по преимуществу космополитическими идеалами.

Но когда г. Минскій писалъ свои статьи объ „Идеѣ русской революціи“, онъ не переживалъ еще того, что переживаемъ мы сейчасъ, иначе онъ съ большей осторожностью написалъ бы слѣдующія строки: „Нѣмецкая свобода, прогуливавшаяся подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ германскаго единства, должна была неминуемо угодить въ желѣзныя объятія Бисмарка, равно какъ французская революція, отправившись въ путь съ пѣсней: „Allons enfants, de la patrie“, неминуемо должна была придти въ объятія къ „père de la patrie“, къ новому цезарю. Ни та, ни другая опасность не угрожаетъ, кажется, нашей революціи, какова бы ни была ея судьба“.

Бисмаркъ положилъ основаніе германскому единству, благодаря которому Германія стала и богатой, и сильной. Франція съ Наполеономъ I разнесла идеи политической свободы по всей Европѣ и разрушила феодальный порядокъ, а что сдѣлали мы и что творится послѣ революціи у насъ въ настоящее

время? Къ сожалѣнію, мы пришли къ несравненно худшему, чѣмъ судьбы германской и французской революцій.

„Одна Россія,—говоритъ тотъ же Версиловъ изъ „Подростка“,—живетъ не для себя, а для мысли, и согласись, мой другъ, знаменательный фактъ, что вотъ уже почти столѣтіе, какъ Россія живетъ рѣшительно не для себя, а для одной лишь Европы!“ Подъ Россіей Версиловъ разумѣлъ, конечно, русскую интеллигенцію. Къ сожалѣнію, многіе изъ интеллигентовъ и теперь продолжаютъ думать, что Россія должна жить для Европы. И въ этомъ одна изъ серьезнѣйшихъ причинъ нашего неустройства. Европеецъ—прежде всего французъ, нѣмецъ, англичанинъ. Русскій, конечно, интеллигентъ — прежде всего европеецъ и даже всечеловѣкъ, а потомъ уже русскій.

Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключалось въ значительной мѣрѣ безсиліе русскаго „освободительнаго движенія“, безсиліе и русской интеллигенціи, безсиліе и русскаго обывателя противъ того „желѣзнаго кольца“, которое давитъ насъ. Не этою же ли обособленностью русской интеллигенціи отъ другихъ классовъ, при отрицаніи ею идеаловъ „личной годности“, національнаго подъема производительныхъ силъ страны и при классовыхъ идеалахъ, облеченныхъ въ одежды космополитизма, объясняется и то обстоятельство, что мы такъ легко попадаемъ въ это „желѣзное кольцо“ и такъ долго въ немъ насъ держатъ. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ стоитъ подумать, а не отдѣлываться ссылкой на „усталость“ той части интеллигенціи, которая ищетъ новыхъ основъ для своего міровоззрѣнія.

Вас. Голубевъ.

Соглашеніе, а не сліяніе.

Нужно выяснять, а не замалчивать. Лучше ошибиться и нѣсколько пересолить, чѣмъ быть якобы правыми, пребывая въ молчаніи. Поэтому мы считаемъ, что „инцидентъ“ г. Чирикова нужно выяснять, ибо въ немъ заключается далеко не частный случай, а, несомнѣнно, случай, имѣющій общія причины и тенденціи и заключающійся въ общемъ же вопросѣ, именуемомъ вопросомъ національнымъ. Національный вопросъ на-ряду со многими другими становится въ настоящее время такимъ вопросомъ, который волнуетъ и нашу интеллигенцію. Она пересматриваетъ и его.

Не такъ давно „Русскія Вѣдомости“ въ отвѣтъ на нашу статью, касавшуюся отчасти и вопроса о націонализмѣ, предостерегали насъ, какъ бы мы въ противопоставленіи націонализма космополитизму, которымъ сильно погрѣшала наша интеллигенція, въ особенности въ годъ нашей революціи, не перешли границы и не пошли бы незамѣтно для себя по дорожкѣ „Новаго Времени“,—словомъ, предостерегали насъ отъ опасности, попросту говоря, впасть въ шовинизмъ и въ разнаго рода фобію. Консервативный либерализмъ „Русскихъ Вѣдомостей“, всегда боящійся малѣйшаго уклона вправо и влѣво и потому никогда не ставящій вопросовъ сколько-нибудь прямо, безъ сомнѣнія, не рѣшается не только высказаться по такимъ дѣйствительно острымъ у насъ въ Россіи при

существующемъ режимѣ вопросамъ, каковъ національный, но даже и поставить ихъ. Но жизнь прорывается черезъ кордонъ этого консервативнаго либерализма и ставитъ сама собой острые вопросы. Такъ прорвалась она и въ инцидентѣ г. Чирикова по еврейскому вопросу.

И нечего скрывать, что національный вопросъ стоитъ теперь далеко не такъ, какъ онъ стоялъ у насъ до революціи и во время революціи. Мы все еще думаемъ, что гнетъ исключительныхъ положеній и общій реакціонный режимъ, въ которомъ приходится намъ жить, достаточны, чтобы Россію, русское общество считать находящимися въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ мы находились до 1905 года. На самомъ дѣлѣ это положеніе рѣзко и глубоко различествуетъ. То, что было Россіей пережито за эти послѣдніе годы, не прошло безслѣдно. Не прошла безслѣдно и та борьба внутри общества, внутри различныхъ общественныхъ классовъ и группъ, которая происходила, происходитъ еще и сейчасъ во время, казалось бы, общей борьбы со старымъ режимомъ. Эта внутренняя борьба и измѣненія, несомнѣнно, происходили и между національностями, населяющими русское государство. Было бы ошибочно думать, что въ общей борьбѣ самыхъ различныхъ общественныхъ и національныхъ группъ противъ стараго режима не происходило весьма серьезныхъ междугрупповыхъ столкновеній. И хотя остатки этого стараго режима давятъ на жизнь и до сихъ поръ, объединяя тѣмъ самымъ широкіе слои русскаго населенія въ одномъ стремленіи избавиться отъ стараго режима, но уже не только въ самой этой борьбѣ, а еще больше въ томъ новомъ, что должно быть поставлено на мѣсто стараго, разногласія неизбѣжны. Эти разногласія неизбѣжны, конечно, и въ отношеніи къ національному вопросу. Мало того,— въ происходившей въ послѣдніе годы борьбѣ различныя національныя группы значительно самоопредѣлились,

За эти годы каждой національности, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, много пришлось передумать и перечувствовать. Естественно, что русскимъ людямъ также пришлось задуматься надъ своей національной задачей, тѣмъ болѣе, что задача русскихъ много сложнѣе задачъ недержавныхъ національностей Россійской имперіи, ибо наша національная задача является въ то же время и задачей государственной, а слѣдовательно, и творческой.

Подъ гнетомъ стараго режима русскій человѣкъ, естественно, не разъединялъ себя отъ всѣхъ другихъ недержавныхъ и въ большей или меньшей степени угнетенныхъ національностей. Но хотя старый гнетъ и остался, зато яснѣе стали отношенія русскаго человѣка къ другимъ національностямъ. И вотъ, когда недержавныя національности стали самоопредѣляться, явилась необходимость самоопредѣленія и для русскаго человѣка. И это самоопредѣленіе необходимо, ибо русскій человѣкъ, въ особенности русскій интеллигентъ, меньше всего задумывался надъ собой. Даже въ отношеніи нашей отечественной исторіи мы, русскіе, интеллигенты, едва ли не меньше освѣдомлены сравнительно съ освѣдомленостью нашей относительно исторіи европейскихъ странъ. Общечеловѣческіе идеалы, общечеловѣческія стремленія были для насъ гораздо важнѣе, чѣмъ собственное строительство.

Но, даже по мнѣнію такихъ далекихъ отъ узкаго націонализма людей, какъ Влад. Соловьевъ, прежде чѣмъ быть носителемъ общечеловѣческихъ идеаловъ, необходимо поднять на извѣстную національную высоту самихъ себя. И это чувство самоподъема, видимо, начинаетъ проникать даже въ среду интеллигенціи.

Изъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобы на мѣсто игнорированія своей національности нужно было поставить зоологическій націонализмъ. Какъ не слѣдуетъ, чтобы изъ естественнаго чувства сознанія

своего національнаго достоинства, проявившагося у г. Чирикова, зародился антисемитизмъ. Если въ средѣ русской интеллигенціи поднимутся національныя чувства, если мы противопоставимъ себя, какъ русскихъ, другимъ національностямъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы явились стремленія подавленія другихъ національностей. Наша ошибка была въ томъ, что до сихъ поръ мы сливали себя со всѣми другими національностями, что мы замалчивали особенности, отдѣляющія русскихъ людей отъ другихъ національностей. А это въ концѣ-концовъ равносильно или равненію подъ видъ Homo sapiens, или подъ сверхчеловѣка. Живые же люди, да еще со своимъ историческимъ прошлымъ, со своей культурой ни подъ ту, ни подъ другую мѣрку не подходятъ. Совершившіяся за эти годы событія привели къ тому, что мы начинаемъ переживать начало національнаго развитія каждой изъ національностей, населяющихъ Россію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и начало идейнаго соглашенія, а не сліянія. И хотя старый режимъ, стремящійся всецѣло подавить подвластныя Россіи національности и такимъ путемъ слить ихъ съ русской національностью, остается въ своей силѣ, но это не мѣшаетъ все-же внутренней переработкѣ тѣхъ же національныхъ идей въ средѣ общественныхъ группъ. Отсюда вытекаетъ задача русской интеллигенціи: развивая свою національность, какъ національность государственную, стремиться не къ сліянію съ другими національностями, а къ признанію соглашенія съ ними.

Вас. Голубевъ.

Асемитизмъ.

Нѣкоторые органы большой передовой прессы Петербурга рѣшили, очевидно, совсѣмъ замолчать случай съ гг. Чириковымъ и Арабажинымъ. Это можно было предвидѣть заранѣе. Въ эпоху ассимиляціи нѣмецкихъ евреевъ кто-то пустилъ въ обращеніе слѣдующую формулу: лучшій способъ проявить юдофильство, это—не говорить ни слова ни объ евреяхъ, ни объ ихъ противникахъ. Лучшій ли, не знаю, но, несомнѣнно, удобнѣйшій способъ. Въ нравы и традиціи русской печати ввела его почтенная и заслуженная московская газета, деканъ и образецъ русскаго прогрессизма. Эта газета выдвинулась въ эпоху самой отчаянной травли еврейскаго племени и стойко промолчала въ теченіе 25 лѣтъ на сію щекотливую тему: не обмолвилась ни однимъ звукомъ ни объ евреяхъ, ни объ ихъ литературныхъ гонителяхъ. Примѣръ не остался безъ подражателей, и съ тѣхъ поръ замалчиваніе считается высшимъ шикомъ прогрессивнаго юдофильства. Такой шикъ задавали „Наша Газета“ и „Рѣчь“ по поводу чириковскаго приключенія. Какъ-разъ въ тѣхъ кругахъ, которые весьма близки обѣимъ редакціямъ, объ этомъ случаѣ говорили очень много, а обѣ газеты молчали и, несомнѣнно, думали, что у нихъ это выходитъ очень эффектно и многозначительно: сама, дескать, истина молчитъ нашими устами! Съ послѣднимъ я вполнѣ согласенъ и даже попытаюсь разобраться въ таин-

ственномъ содержаніи этого многозначительнаго безмолвія. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ молчала истина устами почтенныхъ органовъ? Что знаменовала ихъ нѣмота въ этомъ случаѣ?

Но тогда надо начать съ другой загадки: что знаменуетъ самый случай, каковъ его общественный смыслъ? Московскія газеты дали безхитростный и грубоватый отвѣтъ: культурный антисемитизмъ. Г. Танъ какъ-то предсказывалъ, что вмѣсто д-ра Дубровина возстанетъ у насъ когда-нибудь д-ръ Люэгеръ, и это будетъ куда пострашнѣе; и вотъ московскія газеты подумали, что моментъ уже близокъ, и гг. Чириковъ съ Арабажинымъ возвѣстили скорое пришествіе новаго д-ра Дубровина въ исправленномъ и очищенномъ изданіи.

Врядъ ли оно такъ. Прежде всего надо заступиться за гг. Чирикова и Арабажина: когда они увѣряютъ, что ничего антисемитскаго не было въ ихъ рѣчахъ, то они оба совершенно правы. Изъ-за того, что у насъ считается очень distingué помалкивать объ евреяхъ, получилось самое нелѣпое слѣдствіе: можно попасть въ антисемиты за одно только слово „еврей“ или за самый невинный отзывъ объ еврейскихъ особенностяхъ. Я помню, какъ одного очень милаго и справедливаго господина въ провинціи объявили юдофобомъ за то, что онъ прочелъ непочтительный докладъ о литературной величинѣ Надсона. Когда г. Чуковскій констатировалъ тотъ неопровержимый фактъ, что евреи, подвизающіеся въ русской изящной литературѣ, ничего стоящаго ей не дали, очень недалеко было отъ того, чтобы и г. Чуковскаго ославили антисемитомъ. То же самое теперь съ г. Чириковымъ. Хороши или плохи русскія бытовыя пьесы послѣднихъ лѣтъ, я судить не берусь; но г. Чириковъ совершенно правъ, когда говоритъ, что хорошо критиковать ихъ можетъ только русскій,—для котораго вишневый садъ есть реальное впечатлѣніе дѣтства,— а не еврей. Если бы г. Чириковъ сказалъ: „а

не итальянецъ", никто бы въ этомъ не увидѣлъ ничего похожаго на италофобію. Только евреевъ превратили въ какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести, и отъ этого обычая больше всего теряютъ именно евреи, потому что въ концѣ-концовъ создается впечатлѣніе, будто и самое имя „еврей" есть непечатное слово, которое надо порѣже произносить...

Кого особенно несправедливо обидѣли во всей исторіи, это г. Арабажина. Если оставить въ сторонѣ его выпады въ печати противъ сіонизма, которые не стоятъ вниманія прежде всего потому, что г. Арабажинъ въ этомъ вопросѣ некомпетентенъ, то именно онъ ужъ совсѣмъ ничего грѣховнаго не сказалъ. Онъ и вообще (судя даже по тѣмъ пересказамъ, противъ которыхъ онъ печатно протестуетъ, и тѣмъ болѣе по его собственной передачѣ) не выразилъ въ этомъ спорѣ никакихъ собственныхъ взглядовъ. Онъ только констатировалъ, что настроеніе, звучавшее въ словахъ г. Чирикова, свойственно не одному лишь послѣднему, а имѣетъ или можетъ имѣть сторонниковъ въ кругахъ, прикосновенныхъ къ русской литературѣ и русскому театру. Г. Арабажинъ сдѣлалъ даже оговорку, что лично онъ этого настроенія не раздѣляетъ, но что оно все-таки есть, и онъ считаетъ долгомъ обратить на это серьезное вниманіе товарищей-евреевъ. Можетъ-быть, все это было высказано имъ и г. Чириковымъ въ болѣе мѣшковатой формѣ (нельзя же забывать, что споръ былъ въ частной товарищеской компаніи, гдѣ половина собравшихся другъ съ другомъ на „ты"), но по существу ничего антисемитскаго, шовинистическаго, реакціоннаго и по всѣмъ прочимъ статьямъ преступнаго эти нашумѣвшія рѣчи не содержали. Одно только въ нихъ было — *симптоматическое*.

Именно съ этимъ всего неохотнѣе согласятся юдофилы-замалчиватели. Съ ихъ точки зрѣнія ужъ лучше записать гг. Чирикова и Арабажина въ спи-

сокъ отлученныхъ отъ прогресса, чѣмъ признать, что въ рѣчахъ этихъ писателей звучалъ смягченный отголосокъ нѣкоего общаго настроенія, пробивающаго себѣ дорогу въ среднемъ кругу передовой русской интеллигенціи. Спорить тутъ невозможно, документальныхъ доказательствъ не добудешь,— наличность такого настроенія можно установить пока только наощупь, и не всякій захочетъ признаться, что уловилъ въ другихъ или въ самомъ себѣ нѣчто подобное. Но если быть искренними, то вѣдь ни для кого не тайна, что это такъ. Изъ всѣхъ безчисленныхъ толковъ, вызванныхъ чириковскимъ инцидентомъ, явственно звучалъ одинъ общій мотивъ: „это“ не новость, объ „этомъ“ уже давно и много поговариваютъ. Есть, конечно, люди, которые въ такихъ случаяхъ нарочно затыкали уши—и не только себѣ, но и другимъ, въ томъ числѣ и заинтересованной сторонѣ; и пойдетъ эта заинтересованная сторона довѣрчиво дальше по старому пути, не слыша надвигающагося грома, и потомъ будетъ захвачена врасплохъ. Это считается шикомъ прогрессивнаго образа мыслей, и ничего не подѣлаешь съ людьми, которымъ такая тактика по вкусу. Я и не намѣренъ ихъ переубѣждать. Пусть притворяются оглохшими и незрячими. А все-таки назрѣваетъ какое-то облачко и невнятно доносится далекій, еще слабый, но уже непривѣтливый гулъ...

Повторяю: то, что назрѣваетъ въ нѣкоторомъ слоѣ русской интеллигенціи, не есть еще антисемитизмъ. Антисемитизмъ—очень крѣпкое слово, а крѣпкими словами зря не слѣдуетъ играть. Антисемитизмъ предполагаетъ активную вражду, наступательныя намѣренія. Разовьются ли эти чувства когда-нибудь въ русской интеллигенціи, предсказать нелегко; но пока до нихъ еще, во всякомъ случаѣ, далеко. То, чѣмъ вѣетъ теперь, чѣмъ такъ сильно пахнуло изъ-за завѣсы, чуть-чуть приподнятой гг. Чириковымъ и Арабажинымъ, то не антисемитизмъ, а

нѣчто отличное отъ него, хотя родственное и, быть-можетъ, служащее предтечей антисемитизму. Это — *асемитизмъ*. Въ Россіи это слово мало извѣстно, зато за границей, гдѣ куда лучше знаютъ толкъ въ разныхъ оттѣнкахъ жидоморства, оно давно въ ходу. Смыслъ его легко понятенъ. Это не борьба, не травля, не атака: это—безукоризненно корректное по формѣ желаніе обходиться въ своемъ кругу безъ нелюбимаго элемента. Въ разныхъ профессіональныхъ сферахъ оно разно проявляется; въ сферѣ литературно-художественной, съ которой у насъ „началось“, оно приняло бы форму такого разсужденія: я пишу свою драму для своихъ и имѣю право предпочитать, чтобы на сценѣ ея разыграли свои и критику писали свои. Этакъ мы лучше поймемъ другъ друга.

Если хотите, не вижу въ этомъ еще невнятномъ вѣяніи по существу ничего новаго. Ново только то, что объ этихъ вещахъ начинаютъ говорить: прежде считалось, что „эти вещи“ сами собою понятны, вслухъ о нихъ не болтали и просто осуществляли асемитизмъ на практикѣ. И не со вчерашняго дня, а искони. Ибо что есть двадцатипятилѣтнее величавое молчаніе „Русскихъ Вѣдомостей“? Что есть теперешнее молчаніе передовыхъ органовъ? Вотъ уже пять лѣтъ прошло съ кишиневскаго погрома; за это время Россію наводнили книжками и листками, проповѣдующими племенную рѣзню, десятки уличныхъ газетъ разносятъ по всѣмъ угламъ зажженную паклю ненависти къ евреямъ; чуть ли не вся идеологія реакціоннаго движенія сводится къ этой ненависти, и, казалось бы, уже хоть потому, если не изъ рыцарской потребности заступиться за угнетеннаго, полагалось русской передовой печати бороться противъ этой пропаганды. Русская передовая печать почти ничего въ этомъ смыслѣ не сдѣлала. Были постановленія какихъ-то съѣздовъ, чтобы газеты энергично боролись съ юдофобской пропагандой, и тоже не помогло. Не помогло даже изобиліе сотрудниковъ-

евреевъ: знаю по горькому опыту, что самое страстное желаніе поднять голосъ въ защиту своей народности разбивалось за кулисами даже самыхъ смѣлыхъ и боевыхъ органовъ обо что-то неуловимое и неосязаемое. Много интереснаго можно было бы разсказать на эту тему... Да къ чему? Кто того не знаетъ? Теперь образовалось нѣсколько издательствъ для борьбы съ антисемитизмомъ; оставимъ въ сторонѣ вопросъ, много ли помогутъ они дѣлу; но любопытно то, что ихъ руководители очень близко стоятъ къ вліятельной передовой печати и хорошо понимаютъ, что статья въ распространенной газетѣ гораздо полезнѣе брошюры, которая, Бо́гъ вѣсть еще, попадетъ ли въ настоящія руки. И, однако, они вынуждены возиться съ этими брошюрами и не смѣютъ мечтать о борьбѣ съ пропагандой погрома черезъ оппозиціонную прессу. Почему?

Какъ-то я прямо задалъ этотъ вопросъ руководителямъ одной редакціи и выжалъ послѣ множества уклоненій такой отвѣтъ: насъ читаетъ интеллигенція, а она въ такихъ поученіяхъ не нуждается. Было это въ 1906 г. Хорошо. Но теперь у насъ 1909-й. Что-то новое начинаетъ прокрадываться въ русскую интеллигентскую психологію. Если и правда, что тогда русская интеллигенція была иммунизирована отъ юдофобскихъ предразсудковъ, то хватитъ ли у кого-нибудь отваги ручаться, что иммунитетъ сохранился и нынѣ? Я самымъ искреннимъ образомъ настаиваю, что абсолютно не хочу раздувать чириковскій инцидентъ, но нельзя же отрицать, что во всякомъ непредубѣжденномъ человѣкѣ этотъ случай долженъ вызвать по крайней мѣрѣ нѣкоторое подозрѣніе, что не все въ психикѣ средняго русскаго интеллигента осталось по модѣ 1906 года. А передовые органы опять-таки молчатъ. Почему? Казалось бы, послѣдняя оговорка — о совершенной благонадежности просвѣщеннаго читателя — и та отпала. Почему же снова многозначительное безмолвіе?

О, да, очень многозначительно это безмолвіе! Совѣтую глубоко вдуматься въ него читателю обѣихъ національностей. Твердою рукой подписываюсь подъ словами г. Арабажина: здѣсь есть предостереженіе и вамъ, и намъ. Предостереженіе тѣмъ болѣе серьезное, что повѣтріе, первые симптомы котораго теперь насъ такъ переполошили,—далеко не такая новость на нашей улицѣ, какъ это можетъ показаться наивному,—ибо зародыши той *асемитической* тенденціи, на которую такъ безхитростно вслухъ указали гг. Чирковъ и Арабажинъ, давно молчаливо таились во всей тактикѣ русской печати по одному изъ самыхъ трагическихъ вопросовъ россійской жизни...

Владиміръ Ж.

Интеллигенція и національное лицо.

„Инцидентъ“ съ г. Чириковымъ признанъ „исчерпаннымъ“ (см. „Нашу Газету“ отъ 8-го марта). Самъ по себѣ онъ мало интересенъ и будетъ, вѣроятно, скоро забытъ. Но этотъ случай показалъ, что нѣчто поднялось въ умахъ, проснулось и не успокоится. Это проснувшееся требуетъ, чтобы съ нимъ считались и посчитались.

Это нѣчто есть національное лицо.

Есть Россійская имперія и есть русскій народъ.

Русскую „интеллигенцію“ упрекаютъ и обвиняютъ, — и пишущій эти строки принадлежалъ къ самымъ рѣшительнымъ обвинителямъ, — въ томъ, что въ ней слабо развитъ „государственный“ смыслъ. Это вѣрно вообще, но въ одномъ отношеніи въ русской интеллигенціи „государственное“ рѣшительно возобладало надъ „національнымъ“. Не знаменательно ли, что рядомъ съ „Россійской имперіей“, съ этимъ, въ глазахъ всѣхъ радикально мыслящихъ, оффиціальнымъ, казеннымъ чудовищемъ-Левіаѳаномъ, есть тоже „россійская“ соціалъ-демократическая рабочая партія. Не русская, а именно „россійская“. Ни одинъ русскій иначе, какъ слегка иронически, не скажетъ про себя, что онъ „россійскій“ человѣкъ, а цѣлая и притомъ наирадикальнѣйшая партія примѣнила къ себѣ это оффиціальное, ультра-„государственное“, ультра-„имперское“ обозначеніе. Это что-нибудь да значитъ. Это значитъ: она хочетъ быть безразлична, безцвѣтна, безкровна въ національномъ отношеніи.

Вотъ чего—во имя государственности!—захотѣла русская интеллигенція.

Я не буду ставить здѣсь проблемы національнаго государства. Меня сейчасъ интересуетъ не эта сложная и громадная проблема.

Для меня важно сейчасъ подчеркнуть, что ради идеала человѣчной, справедливой и разумной государственности русская интеллигенція обезцвѣчиваетъ себя въ „россійскую“. Этотъ космополитизмъ очень „государственеиъ“, ибо „инородцевъ“ нельзя ни физически истребить, ни упразднить, какъ таковыхъ, т.-е. нельзя сдѣлать „русскими“, а можно лишь воспріять въ единое „россійское“ лоно и въ немъ упокоить. Но позвольте мнѣ, убѣжденному стороннику „государственности“, возстать противъ обнаруживающейся въ этомъ случаѣ чрезмѣрности культа государственнаго начала. Позвольте мнѣ сказать, что такъ же, какъ не слѣдуетъ заниматься „обрусѣніемъ тѣхъ, кто не желаетъ „русѣть“, такъ же точно намъ самимъ не слѣдуетъ *себя* „оброссіивать“. Прошу прощенія за это варварское слово, но его нужно было выдумать, ибо на самомъ дѣлѣ интеллигенція давно „оброссіиваетъ“ себя, т.-е. занимается тѣмъ, что во имя своего государственнаго идеала безнужно и безплодно прикрываетъ свое національное лицо.

Безнужно и безплодно, ибо его нельзя прикрыть.

Когда-то думали, что національность есть раса, т.-е. цвѣтъ кожи, ширина носа („носовой указатель“) и т. п. Но національность есть нѣчто гораздо болѣе несомнѣнное и въ то же время тонкое. Это духовныя притяженія и отталкиванія, и для того, чтобы осознать ихъ, не нужно прибѣгать ни къ антропометрическимъ приборамъ, ни къ генеалогическимъ разысканіямъ. Они живутъ и трепещутъ въ душѣ.

Можно и нужно бороться противъ того, что въ холодныя и безстрастныя велѣнія закона, которыя должны быть основаны на государственномъ началѣ

правового равенства, вторгаются и ихъ суровый строй нарушаютъ эти притяженія и отталкиванія.

Это само собой понятно.

Но „государственная“ справедливость не требуетъ отъ насъ „національнаго“ безразличія. Притяженія и отталкиванія принадлежатъ намъ, они — наше собственное достояніе, въ которомъ мы вольны, мы всѣ, въ комъ есть органическое чувство національности, какова бы она ни была. И я не вижу ни малѣйшихъ основаній для того, чтобы отказываться отъ этого достоянія въ угоду кому-либо и чему-либо, даже въ угоду государственному началу.

Необходимо размежевать эти двѣ области: область правовую и государственную съ одной стороны и съ другой стороны—ту область, въ которой правомѣрно дѣйствуютъ національныя притяженія и отталкиванія. Спеціально въ еврейскомъ вопросѣ это и очень легко, и очень трудно. Очень легко потому, что еврейскій вопросъ формально есть вопросъ правовой, вопросъ простой государственной справедливости. Очень трудно потому, что сила отталкиванія отъ еврейства въ самыхъ различныхъ слояхъ русскаго населенія фактически очень велика и нужна большая моральная и логическая ясность для того, чтобы, несмотря на это отталкиваніе, безповоротно рѣшить правовой вопросъ. Но трудность не только въ этомъ. При всей силѣ отталкиванія отъ еврейства широкихъ слоевъ русскаго населенія изъ всѣхъ „инородцевъ“ евреи всѣхъ намъ ближе, всего тѣснѣе съ нами связаны.

Это культурно-историческій парадоксъ, но это такъ. Русская интеллигенція всегда считала евреевъ своими, русскими, и не случайно, не даромъ, не по „недоразумѣнію“. Сознательная иниціатива отталкиванія отъ русской культуры, утвержденія еврейской „національной“ особности принадлежитъ не русской интелигенціи, а тому еврейскому движенію, которое извѣстно подъ названіемъ сіонизма. Пусть оно по-

рождено юридическимъ положеніемъ евреевъ въ Россіи, но это фактъ. Я не сочувствую нисколько сіонизму, но я понимаю, что проблема „еврейской“ національности существуетъ, что она есть, пожалуй, въ настоящее время даже растущая проблема. А въ то же время нѣтъ въ Россіи другихъ „инородцевъ“, которые играли бы въ русской культурѣ такую роль, какую играютъ евреи. И еще другая трудность: они играютъ ее, оставаясь евреями. Неоспорима роль нѣмцевъ въ русской культурѣ и въ особенности въ русской наукѣ. Но нѣмцы, оплодотворяя русскую культуру, безъ остатка растворялись и растворяются въ ней не индивидуально, а именно въ культурномъ смыслѣ. Не то евреи, если въ самомъ дѣлѣ есть еврейская „національность“, какъ утверждаютъ сіонисты. Допустимъ, что Брюлловъ былъ великимъ живописцемъ (въ чемъ я сомнѣваюсь). Можно спорить о томъ, какая національность, — нѣмецкая или русская,—въ правѣ претендовать на эту честь, но совсѣмъ не тотъ смыслъ имѣетъ вопросъ, былъ ли Левитанъ русскимъ или еврейскимъ живописцемъ. Если бы я даже былъ „антисемитомъ“ и если бы конгрессъ сіонистовъ соборне и оффиціально провозгласилъ его еврейскимъ художникомъ, я бы продолжалъ твердить: а все-таки Левитанъ былъ *русскій* (не „россійскій“!) художникъ. И хотя я вовсе не антисемитъ, я скажу: Левитана я люблю *именно за то, что онъ русскій художникъ*. Можетъ-быть, есть великіе еврейскіе художники, но они въ моей душѣ не шевелятъ и не могутъ шевелить ничего такого, что въ ней поднимаетъ Левитанъ.

Эти чувства,—національныя русскія чувства,—которыя связываютъ меня съ Левитаномъ и могутъ меня отталкивать отъ г. Шолома Аша (съ произведеніями котораго я впрочемъ совершенно незнакомъ и который есть для меня одно лишь „имя“), не имѣютъ ничего общаго съ вопросами о чертѣ

осѣдлости и о процентѣ еврейскихъ студентовъ. И это нужно понять.

Я и всякій другой русскій, мы имѣемъ право на эти чувства,—право на наше національное лицо.

Чѣмъ яснѣе это будетъ понятно и нами, русскими, и представителями не-русскихъ національностей, тѣмъ меньше въ будущемъ предстоитъ недоразумѣній. Рѣшеніе національныхъ вопросовъ можетъ быть основано лишь на моральныхъ и политическихъ принципахъ и не должно зависѣть отъ чувствъ.

Въ тяжелыхъ испытаніяхъ послѣднихъ лѣтъ вырастаетъ наше національное русское чувство. Оно преобразилось, усложнилось и утончилось, но въ то же время возмужало и окрѣпло. Не пристало намъ хитрить съ нимъ и прятать наше лицо.

Петръ Струве.

P. S. Моя статья была написана и сдана въ редакцію раньше, чѣмъ появились статьи Владимира Ж. и В. Голубева. **П. С.**

Національнизмъ противъ національнизма.

Г. Владиміръ Ж. въ „Словѣ“ жаловался на русскую интеллигенцію, на прогрессивную печать и въ частности на нашу „Рѣчь“, что всѣ мы „замалчиваемъ“ еврейскій вопросъ. Г. Ж. подозрѣваетъ въ этомъ замалчиваніи молчаливое отмежеваніе отъ еврейскаго вопроса, „асемитизмъ“. Въ „асемитизмѣ“ онъ видитъ предтечу грядущаго „антисемитизма“ тѣхъ круговъ русскаго общества, которые до сихъ поръ не только оставались чуждыми всякаго національнаго ненавистничества, но и были принципіально и активно ему враждебны.

Г. Ж. можетъ торжествовать. Онъ выманилъ медвѣдя изъ берлоги. П. Б. Струве только-что констатировалъ въ томъ же „Словѣ“, что „нѣчто поднялось въ умахъ, проснулось и не успокоится. Это проснувшееся требуетъ, чтобы съ нимъ считались и посчитались“. Пытаясь опредѣлить это нѣчто, П. Б. Струве называетъ его „національнымъ лицомъ“.

Г. Голубевъ идетъ еще дальше и опредѣляетъ обиженное и потревоженное „нѣчто“ какъ „державную народность“. Державная народность отнынѣ не хочетъ быть „россійской“. Она хочетъ быть „русской“, по утвержденію П. Б. Струве. Она заявляетъ свои права на „національныя русскія чувства“, которыя могутъ ее „связывать“ съ проявленіями національной культуры и „отталкивать“ отъ проявленій именно еврейской, а не нѣмецкой или итальянской культуры. Оскорбленная русская народность признается въ особой „силѣ отталкиванія отъ еврейства широкихъ слоевъ русскаго населенія“. Выгора-

живая пока вопросъ объ еврейскомъ равноправіи, какъ „вопросъ правовой, вопросъ простой государственной справедливости“, русская народность требуетъ въ области „чувствъ“, въ области „отталкиванія“ полной свободы проявленій для „національнаго лица“. Это „наше національное русское чувство“, по признанію П. Б. Струве, „въ тяжелыхъ испытаніяхъ послѣднихъ лѣтъ...возмужало и окрѣпло“. „Не пристало намъ хитрить и прятать наше лицо“,— такъ формулируетъ г. Струве основную мысль своей статьи въ послѣдней фразѣ.

Формулированный такимъ образомъ выводъ далеко выходитъ за предѣлы того случайнаго и черезчуръ уже по-домашнему разыгранаго инцидента между Шоломомъ Ашемъ и Чириковымъ, въ который мы не считали нужнымъ вмѣшиваться. Личная обида г. Чирикова и ея случайное выраженіе, о которомъ, кажется, жалѣетъ самъ авторъ, превращается теперь въ какое-то затаенное чувство всей русской интеллигенціи, которое, наконецъ, „проснулось“ и требуетъ возмездія. И это „чувство“ облеклось въ особую національную державную теорію, властно о себѣ заявляющую. Г. Владиміръ Ж., наконецъ, добился того, что молчаніе кончилось и то страшное и грозное, что прогрессивная печать и интеллигенція старались скрыть отъ евреевъ, наконецъ обрисовалось въ своихъ настоящихъ размѣрахъ.

Націонализмъ противъ націонализма! Идетъ старый споръ о томъ, откуда вѣдьмы,—изъ русскаго Новгорода или изъ жидовскаго Кіева. Человѣку, который въ существованіе вѣдьмы вообще не вѣритъ, трудно принять участіе въ такомъ спорѣ. Съ двухъ сторонъ его объявятъ непосвященнымъ, ибо предметъ спора выше его пониманія. Это и есть то „усложненное и утонченное“, чѣмъ характеризуется „ростъ нашего національнаго чувства“ въ послѣдніе годы.

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ оружіемъ борятся столкнувшіеся противники? Съ одной стороны вы видите

національнзмъ еврейскій, почти въ томъ, наиболѣе яркомъ его проявленіи, которое называется сіонизмомъ. Этотъ національнзмъ есть то же „чувство“ и та же оправдывающая его „теорія“. Чувство есть то же чувство обиды, осложненное тѣми чувствами гнѣва и мести, какія только могутъ отложиться въ душѣ гордаго и безсильнаго народа, безнаказанно оскорблявшагося всегда, но сугубо оскорбляемаго въ тѣ самые послѣдніе годы, когда, по словамъ П. Б. Струве, выросло и окрѣпло наше національное чувство. А теорія? Вотъ она въ немногихъ словахъ.

Вы насъ унижаете,—мы себя будемъ возвеличивать. Вы насъ обзываете паріями,—мы напомнимъ вамъ, что мы аристократы человѣчества. Ваша „сила отталкиванія“ возрастетъ,—мы отвѣтимъ на нее ненавистью къ нашимъ „ассимиляторамъ“, къ каждому изъ насъ, кто послѣ этого все еще захочетъ вамъ протянуть упорно отталкиваемую вами руку, кто пожелаетъ перебросить хоть тоненькую дощечку надъ вами же выкопанной пропастью. Вы насъ гоните,—мы отрясаемъ прахъ отъ ногъ своихъ и уходимъ. Вы отказываете намъ въ будущемъ,—мы будемъ оживлять свое прошлое.

Вы не хотите признать насъ гражданами общаго государства,—мы станемъ гражданами Сіона, мы создадимъ свой національный языкъ, свою литературу, найдемъ свою территорію. Вы объявляете насъ изгнанниками,—мы будемъ громко называть себя иностранцами. И чѣмъ хуже вы будете съ нами обращаться, тѣмъ лучше будетъ для осуществленія нашей великой національной мечты...

П. Б. Струве „понимаетъ“ почву, на которой выросли эксцессы этого больного національнзма. Онъ понимаетъ и только выгораживаетъ русскую *интеллигенцію* отъ всякой отвѣтственности. Но тутъ же онъ переноситъ съ русской интеллигенціи на еврейскій сіонизмъ всю отвѣтственность за „сознательную инициативу отталкиванія“. И тутъ же предъявляетъ свою

обиду,—обиду интеллигента,—и свое право—открыть свое „національное лицо".

Я боюсь, что, открытое въ такую минуту, это лицо будетъ больше походить на изнанку. Мы видѣли такое лицо, искаженное и тоже больное, почти лицо сумасшедшаго и маньяка. Мы видѣли его недавно на трибунѣ Гос. Думы. То ли это лицо, которое П. Б. Струве открываетъ еврейскому націонализму?

Конечно, нѣтъ. „Лицо" П. Б. Струве „усложнилось и утончилось" въ послѣдніе годы. Оно выступаетъ предъ нами тоже со всѣми признаками націонализма, и даже націонализма великорусскаго и великодержавнаго. Но оно утончило и усложнило себя соотвѣтственной теоріей. Интеллигенція,—точнѣе—та часть ея, отъ лица которой говоритъ П. Б. Струве,—это та самая интеллигенція текущей минуты, которая устала отъ политики и жизни и углубилась во всевозможныя „искательства", эстетическія, этическія и философскія. Эта интеллигенція въ потѣ лица своего ищетъ экзотическихъ формулъ и гоняется за экзотическими чувствами. Основная, центральная идея этихъ поисковъ есть идея чего-то неразложимаго, индивидуальнаго, таинственно-открытаго въ духѣ, не постижимаго мыслью, постижимаго чувствомъ, не выразимаго логикой, выразимаго интуиціей и откровеніемъ. Это—то міровоззрѣніе „для немногихъ", которое когда-то, въ началѣ XVIII и въ концѣ XIX вв., создало поколѣніе романтическихъ „геніевъ", то міровоззрѣніе, которое у насъ въ Россіи въ 40-хъ годахъ украсило судороги національнаго лица, тоже тогда „проснувшагося", красивой вуалью богоизбранности. И намъ понятенъ нелѣпый на первый взглядъ фактъ, что съ такимъ лицомъ, во всей его нетронутости, наивности и безпамятности, нашъ интелигентъ XX вѣка можетъ спокойно говорить о своемъ личномъ правѣ „отталкиванія отъ еврейства". Аполитизмъ нашего интеллигента послѣдней формаціи не-

посредственно ведетъ его по наклонной плоскости эстетическаго націонализма, быстро вырождающагося въ настоящій племенной шовинизмъ.

Я тоже думаю, что старой русской интеллигенціи, святой и чистой въ своемъ блаженномъ невѣдѣніи, наступилъ конецъ въ Россіи съ началомъ новой политической жизни. Я тоже увѣренъ, что многія и многія жизненныя утопіи, созданныя этой интеллигенціей на почвѣ той старой святости, скоро отомрутъ, чтобы уже не возрождаться больше. Но я увѣренъ также и въ томъ, что наивный „асемитизмъ“ или „антисемитизмъ“, предъявляющій намъ свои національныя права на существованіе, есть тоже одинъ изъ послѣднихъ пережитковъ нашей блаженной интеллигентской невинности. То настроеніе, которое отвѣчаетъ націонализмомъ на націонализмъ,—нездоровымъ націонализмомъ на нездоровый націонализмъ,—есть лишь случайное, неуспѣвшее сознать себя преломленіе нашей аполитической невинности въ гнилой атмосферѣ современной общественной реакціи. Когда эти люди, слѣпо произносящіе слова, реальный смыслъ которыхъ они забыли или не знали, встрѣтятся съ проекціей своихъ словъ въ живой дѣйствительности, я надѣюсь, что чувство реальности, нынѣ ими утерянное, къ нимъ вернется. Я надѣюсь, что тогда они лучше научатся взвѣшивать свои слова и понимать ихъ общественное значеніе. И я надѣюсь, что время это придетъ скоро, что оно будетъ настоящимъ пробужденіемъ для ближайшаго поколѣнія, не изломаннаго нашей 30-тилѣтней войной; а все то, что теперь плаваетъ на поверхности и заполняетъ авансцену нашей интеллигентской неразберихи, за что теперь цѣпляются алчущія и жаждущія души, разсѣется какъ дурной сонъ или какъ китайскія тѣни нашей стилизованной сцены.

П. Милюковъ.

Полемическіе зигзаги и несвоевременная правда.

Моя статья „Интеллигенція и національное лицо“ вызвала отвѣтную статью П. Н. Милюкова. Къ сожалѣнію, въ этой статьѣ нѣтъ ни малѣйшаго обсужденія вопроса по существу, есть лишь туманныя психологическія сближенія и догадки, которыя я долженъ отклонить, и столь же туманныя соціологическія пророчества, въ которыя я не могу увѣровать. „Національное лицо“, съ которымъ, по моему мнѣнію, „не пристало хитрить“ и которое не слѣдуетъ „прятать“, психологически сближается съ лицомъ какихъ-то, очевидно, крайне правыхъ изувѣровъ, которыхъ г. Милюковъ видѣлъ недавно на трибунѣ Гос. Думы.

Впрочемъ, П. Н. Милюковъ только „боится“, что „національное лицо“, о которомъ я говорю, „будетъ больше походить на изнанку“, и затѣмъ успокаиваетъ своихъ читателей словами, „конечно, нѣтъ“, для того, чтобы въ моемъ лицѣ завинить какую-то часть русской интеллигенціи въ томъ, что она „въ потѣ лица своего ищетъ экзотическихъ формулъ и гоняется за экзотическими чувствами“.

„Аполитизмъ“ такого „интеллигента послѣдней формаціи непосредственно ведетъ его по наклонной плоскости эстетическаго націонализма, быстро вырождающагося въ настоящій племенной шовинизмъ,“— утверждаетъ г. Милюковъ.

Такими полемическими зигзагами П. Н. Милюковъ сперва успокаиваетъ своихъ читателей и затѣмъ снова на ихъ глазахъ сводитъ то „національное лицо“, о которомъ я говорилъ, съ „искаженнымъ и тоже больнымъ почти лицомъ сумасшедшаго и маньяка“ какихъ-то думскихъ изувѣровъ. А въ заключеніе „настроеніе“, которымъ продиктована моя статья, объявляется „нездоровымъ націонализмомъ“, порожденнымъ въ „гнилой атмосферѣ общественной реакціи“, и относительно такихъ людей, какъ я, „слѣпо произносящихъ слова, реальный смыслъ которыхъ они забыли или не знали“, выражается надежда, что они, встрѣтившись съ „проекціей своихъ словъ въ живой дѣйствительности... лучше научатся взвѣшивать свои слова и понимать ихъ общественное значеніе“.

Полемическіе зигзаги кончаются учительнымъ словомъ.

Къ сожалѣнію ни эти полемическіе зигзаги, ни вѣнчающее ихъ учительное слово не могутъ оказать на такихъ людей, какъ я, ни малѣйшаго дѣйствія.

Ибо прежде всего для меня ясенъ притянутый за волосы полемическій смыслъ тѣхъ психологическихъ сближеній, которыя дѣлаетъ почтенный П. Н. Милюковъ. Вѣдь когда онъ огульно осуждаетъ всевозможныя „искательства“,—эстетическія, этическія и философскія,—я въ правѣ спросить: почему же, если эти искательства вообще столь вредоносны, газета „Рѣчь“ систематически преподноситъ ихъ образчикъ своимъ читателемъ въ статьяхъ Дм. С. Мережковскаго? Я не виню въ этомъ газету „Рѣчь“, ибо гораздо раньше эти „искательства“ появлялись на страницахъ редактируемаго мною журнала. Но я говорю объ этомъ для того, чтобы показать, что въ „нездоровомъ націонализмѣ“, мною обнаруженномъ, ни при чемъ „искательства“, о которыхъ идетъ рѣчь, и что по существу вопроса подобное сближеніе ничего не говоритъ.

Далѣе, когда меня пугаютъ „проекціей“ моихъ словъ въ „живой дѣйствительности“, я совсѣмъ не пугаюсь. Просто это не аргументъ. Ибо такъ „аграрную программу“ партіи народной свободы можно опровергнуть ея предполагаемой „проекціей“ въ видѣ или всеобщаго земельнаго поравненія, или даже аграрныхъ погромовъ. И сколько разъ мы встрѣчались съ тѣмъ, что наши взгляды не опровергались по существу, а полемически ставились на очную ставку съ такой ихъ „проекціей“. Повторяю, это не аргументъ въ разсужденіи по существу, а психологическій пріемъ въ полемикѣ.

И когда я писалъ свою статью, я, конечно, не „слѣпо произносилъ“ слова, а хорошо понималъ ихъ „общественное значеніе“ и улавливалъ, какія „проекціи“ пожелаютъ имъ дать.

Итакъ — увы!—мой оппонентъ ничего не сказалъ по существу поднятаго вопроса. Пожалуй, больше его сказала или по крайней мѣрѣ откровеннѣе высказалась „Наша Газета“, недоумѣнно воскликнувшая: „Своевременно ли?“

Въ самомъ дѣлѣ, своевременно ли говорить о „національномъ лицѣ“ и дѣлать тѣ выводы, которые я сдѣлалъ?

Какъ ни велика мудрость, заключающаяся въ этомъ вопросѣ, я ею воспользоваться не могу, ибо я уже совершилъ „несвоевременный“ поступокъ. И потому я постараюсь вкратцѣ еще разъ подчеркнуть свою мысль или, вѣрнѣе, нѣкоторые выводы изъ нея.

Къ національнымъ вопросамъ въ настоящее время прикрѣпляются сильныя, подчасъ бурныя чувства. Чувства эти, поскольку они являются выраженіемъ сознанія своей національной личности, вполнѣ законны, и принципіальное ихъ подавленіе и угашеніе есть глубокая ошибка и великое уродство.

Такое угашеніе загоняетъ эти чувства внутрь, и они могутъ тогда вырываться наружу дѣйствительно

въ искаженномъ и изуродованномъ видѣ и производить настоящія опустошенія. Разумное рѣшеніе вопросовъ права этимъ угашеніемъ національнаго чувства не только не облегчается, а, наоборотъ, затрудняется.

Разъ съ такой щедростью пускаются въ ходъ варварскія слова съ греческимъ отрицаніемъ „а“ и разъ пошелъ рядомъ съ „аполитизмомъ“, выдуманнымъ, кажется, С. Н. Прокоповичемъ, гулять по русской печати „асемитизмъ“, то да позволено мнѣ будетъ высказать, что этотъ самый ужасный „асемитизмъ“ — гораздо болѣе благопріятная почва для правового рѣшенія еврейскаго вопроса, чѣмъ безъисходный бой, мертвая схватка „антисемитизма“ съ „филосемитизмомъ“.

Ни одна нерусская національность не нуждается въ томъ и не требуетъ того, чтобы всѣ русскіе ее непремѣнно любили, еще менѣе въ томъ, чтобы они притворялись любящими ее. И, право, „асемитизмъ“, сочетаемый съ яснымъ и трезвымъ пониманіемъ извѣстныхъ моральныхъ и политическихъ принциповъ и вытекающихъ изъ этихъ принциповъ государственныхъ необходимостей, гораздо болѣе нуженъ и полезенъ нашимъ еврейскимъ согражданамъ, чѣмъ сантиментально-дряблый „филосемитизмъ“, не говоря уже о „филосемитизмѣ“, вынужденномъ или симулированномъ.

И далѣе. Я полагаю, евреямъ полезно увидѣть открытое „національное лицо“ той части русскаго конституціонно и демократически настроеннаго общества, которая этимъ лицомъ обладаетъ и имъ дорожитъ. И, наоборотъ, для нихъ совсѣмъ не полезно предаваться иллюзіи, что такое лицо есть только у антисемитическаго изувѣрства. Вотъ почему, возвращаясь къ вопросу, поставленному „Нашей Газетой“, я скажу и этимъ закончу: правда въ „національномъ вопросѣ“ своевременна, и „національное ли-

цо“, о которомъ я заговорилъ, есть не медузова голова, а честное и доброе лицо *русской* національности безъ которой не простоитъ и „*россійское*“ государство.

Петръ Струве.

Къ полемикѣ о національномъ.

Затрагивать вопросъ о національномъ дѣйствительно, какъ оказывается, небезопасно. Какъ только „Слово“ заговорило о немъ и даже просто поставило его, такъ тотчасъ же и со стороны реакціонной, и со стороны прогрессивной печати началась атака. Шовинисты „Новаго Времени“ готовы насъ зачислить въ свой лагерь. „Рѣчь“ заподозрѣла насъ въ проповѣди „національнаго противъ національнаго“, въ „эстетическомъ національномъ“, „быстро вырождающемся въ настоящій племенной шовинизмъ“. Г. Милюковъ прямо такъ и озаглавилъ свою статью: „Національномъ противъ національнаго“, какъ-будто въ „Словѣ“ во всѣхъ трехъ статьяхъ, по поводу которыхъ пишетъ г. Милюковъ, была чуть ли не проповѣдь вражды одной національности къ другой. Въ качествѣ главнѣйшаго аргумента противъ статей, помѣщенныхъ въ „Словѣ“, выставляется „гнилая атмосфера современной общественной реакціи“, въ которой будто бы и можетъ быть „то настроеніе, которое отвѣчаетъ національномъ на національномъ,— нездоровымъ національномъ на нездоровый національномъ“. Г. Милюковъ объявляетъ поднятіе вопроса о національномъ все тѣмъ же искательствомъ „экзотическихъ формулъ“ и погоней за „экзотическими чувствами“, которыя являются въ результатѣ аполитизма, охватившаго нашу интеллигенцію.

Аргументы эти настолько просты, что въ сущности на нихъ не стоитъ и отвѣчать. Это отписка,

которою все можно объяснить, но которая по существу ничего не объясняетъ, ибо нездоровой атмосферой реакціи можно объяснить все, что намъ не нравится, ссылкой на эту атмосферу можно ото всего отдѣлаться. „Нездоровая атмосфера“ стала своего рода Паулиной. Но, въ такомъ случаѣ, какимъ путемъ и кто же превратитъ нездоровую атмосферу въ здоровую? Или ужъ наше поколѣніе окончательно осуждено на гибель. Но вѣдь и дѣти наши растутъ въ нездоровой атмосферѣ! Это вопросъ далеко не посторонній въ той полемикѣ, которая возгорѣлась около національнаго вопроса. Тѣ, кто возстаетъ противъ поднятія подобныхъ вопросовъ, объясняя ихъ аполитизмомъ, не хотятъ уяснить себѣ того положенія, что не все дѣло въ политикѣ, не все сводится къ правительству и, скажемъ еще общѣе, къ учрежденіямъ. Сама политическая атмосфера, сама реакція и самыя учрежденія являются результатомъ дѣятельности, чувствъ и настроеній людей. Для того, чтобы избыть реакцію, чтобы создать новыя учрежденія, необходима внутренняя работа въ средѣ самого общества, оздоровленіе самихъ общественныхъ силъ. А этому внутреннему оздоровленію можетъ способствовать прежде всего работа мысли, пересмотръ и критическая провѣрка всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые считались якобы рѣшенными, но въ дѣйствительности были лишь восприняты какъ готовый шаблонъ. И если всякое исканіе объявлять экзотическимъ, то общество несравненно дольше останется подъ гипнозомъ и воздѣйствіемъ той самой реакціи, которою объясняется теперь все, что идетъ сколько-нибудь вразрѣзъ съ установившимися шаблонами. То же можно сказать и относительно національнаго вопроса. Этотъ вопросъ рѣшался въ годы нашей революціи исключительно съ политической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія правъ подвластныхъ русскому государству національностей. Но это рѣшеніе вопроса слишкомъ односторонне. Поднимая національный вопросъ, мы

не только не отрицаемъ рѣшенія его съ точки зрѣнія политической, но считаемъ въ этомъ смыслѣ въ главныхъ чертахъ его рѣшеннымъ. Но жизнь, именно та „встрѣча съ живой дѣйствительностью", которая должна, по мнѣнію П. Н. Милюкова, вернуть насъ къ чувству реальности, какъ-разъ и заставляетъ подойти къ національному вопросу съ другой стороны, а именно со стороны чувствъ и настроеній, со стороны внутренней его сущности. Эта же встрѣча съ живой дѣйствительностью говоритъ намъ и о томъ, что отношенія между національностями, населяющими Россію, значительно осложнились послѣ пережитыхъ событій революціоннаго періода. Осложненіе это заключается въ томъ, что русская національность ближе столкнулась съ другими національностями въ политической борьбѣ. Да, въ то время былъ какъ-будто одинъ только врагъ: это—старый режимъ. Но старый режимъ не заключается только въ правительствѣ, а заключается и во многихъ общественныхъ группахъ, изъ которыхъ слагается россійское населеніе.

Русская интеллигенція, пересматривая цѣлый рядъ вопросовъ, должна была остановиться и на такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о монополіи на патріотизмъ и націонализмъ только группъ реакціонныхъ. Слишкомъ легко отдѣлаться отъ этой монополіи пренебрежительнымъ кивкомъ по адресу этихъ реакціонныхъ группъ. Но мы знаемъ, что послѣ нашего пораженія въ японской войнѣ среди русской интеллигенціи дѣйствительно стали смѣшиваться понятія здороваго патріотизма съ чисто зоологическимъ націонализмомъ. Вмѣстѣ съ зоологическимъ націонализмомъ выброшенъ былъ за бортъ и здоровый патріотизмъ. Мы упустили изъ виду, что японскія побѣды подѣйствовали угнетающимъ образомъ и на народное, на національное чувство. Наше пораженіе унизило не только бюрократію, а косвенно и націю. Пораженіе въ японской войнѣ, причины этой войны и ея истинные виновники заставили русскую интеллигенцію

перегнуть палку слишкомъ рѣзко, и мы свое „національное лицо“ дѣйствительно совершенно спрятали.

Пусть П. Н. Милюковъ прочтетъ статьи объ идеѣ русской революціи въ книжкѣ г. Минскаго, и онъ увидитъ тамъ выраженіе общеинтеллигентскаго мнѣнія о томъ, что эта идея заключалась въ космополитизмѣ, въ общечеловѣческихъ задачахъ, въ осуществленіи „соціальнаго гуманизма“, какъ опредѣляетъ идею русской революціи г. Минскій. Русское же „лицо“ исчезло. Русская національность, сложившимся ходомъ исторіи ставшая державной, какъ государственная національность, стушевалась, какъ таковая. Но если эта державная національность, которую опять-таки мы смѣшали съ національностью данной государственности, даннаго режима даже, будетъ оставаться въ этомъ униженномъ видѣ, то не подняться въ Россійской имперіи и никакой другой изъ живущихъ въ ней національностей, не избыть намъ и реакціи.

Мы полагаемъ, что, только поднявъ русскую національность, какъ державную, поднявъ ея внутреннее чувство, ея самосознаніе, ея настроеніе и духъ, достигнемъ мы и того, что будутъ подняты въ своей равноправности и другія національности.

И если мы говоримъ о подъемѣ своей русской національности, то рядомъ съ этимъ говоримъ и о подъемѣ другихъ національностей. Гораздо больше уваженія будетъ по отношенію къ другимъ національностямъ въ томъ случаѣ, если мы будемъ, признавая себя какъ нѣчто особое, признавать и ихъ имѣющими особое лицо, чѣмъ если будемъ сливать въ нѣчто неопредѣленное всѣхъ, валить въ одну кучу и финна, и еврея, и поляка. Ни тотъ, ни другой, ни третій не поблагодарятъ насъ за это сваливаніе въ одну кучу, такъ какъ всѣ они весьма и весьма различны между собой, различны и отъ насъ.

И я въ своей статьѣ ставилъ лозунгомъ „соглашеніе, а не сліяніе“, что не только не означаетъ противопоставленія одной національности другой, а означаетъ признаніе всѣхъ особенностей каждой и уваженіе къ этимъ особенностямъ.

Вас. Голубевъ.

Національный ликъ и патріотизмъ.

Полемизируя съ г. Милюковымъ по вопросу о національномъ и желая доказать, что русское „національное лицо“ игнорировалось до сихъ поръ интеллигенціей, г. Голубевъ ссылается между прочимъ на мои статьи объ идеѣ русской революціи, въ которыхъ будто бы выражено „общеинтеллигентское мнѣніе о томъ, что эта идея заключалась въ космополитизмѣ, въ общечеловѣческихъ задачахъ“, причемъ „русское лицо исчезло“.

Въ этихъ словахъ г. Голубева я не только не узнаю основной мысли своихъ статей, но вижу прямое ея отрицаніе, такъ какъ въ названныхъ статьяхъ я задался цѣлью доказать, что пережитая нами революція была явленіемъ исключительно русскимъ, что въ ней отразились только русская исторія и психологія, что она отличалась по своимъ цѣлямъ отъ всѣхъ подобныхъ европейскихъ движеній и что въ этой своеобразности все ея значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ статьяхъ я доказываю, что „національное лицо“ народа—это его самое завѣтное достояніе, что только маленькія народности, подобно ничтожнымъ личностямъ, мечтаютъ о томъ, чтобы жить какъ всѣ, быть похожими на другихъ. Народы же, создающіе и двигающіе исторію, неизбѣжно самобытны, въ чемъ-то главномъ остаются нерастворимыми, пребываютъ сами собой. Геніальность народная и народная исключительность почти тождественны; геніальныя же личности лишь концентрируютъ тѣ лучи, которые

разсѣяны въ сознаніи народа, ихъ вскормившаго. Почему это такъ, мы не знаемъ, но исторія съ неуклонной послѣдовательностью показываетъ намъ, что этотъ законъ обладаетъ универсальною силой. Будь Гомеръ въ десять, во сто разъ геніальнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, онъ все-таки не могъ бы создать ни одной изъ тѣхъ молитвъ, которыя такъ легко выливались изъ души еврейскихъ пророковъ. Будь Исаія во сто разъ вдохновеннѣе, чѣмъ онъ былъ, онъ не могъ бы нарисовать ни одной изъ тѣхъ картинъ, которыя Гефестъ съ такой легкостью разбросалъ по щиту Ахиллеса. Ликъ народа создается его судьбой, и можно съ увѣренностью сказать, что въ творчествѣ отдѣльной личности или народныхъ массъ нѣтъ ничего такого, что не оправдывалось бы судьбой народа.

Г. Голубевъ страннымъ образомъ перепначилъ, словно вывернулъ наизнанку мысль моихъ статей. Но въ этой невѣрной передачѣ я вижу не простой недосмотръ или разсѣянность, о которыхъ не стоило бы и говорить. Наоборотъ, мнѣ кажется, что тутъ сказалось недоразумѣніе органическое, и г. Голубевъ не увидѣлъ моей мысли, потому что она очутилась въ слѣпой точкѣ его міровоззрѣнія. Объ этой слѣпой точкѣ я бы хотѣлъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что ее раздѣляютъ съ г. Голубевымъ и г. Струве, и другіе наши вновь возникшіе націоналисты. Основная ошибка ихъ заключается въ томъ, что они смѣшиваютъ національную исключительность народа съ его государственной, патріотической исключительностью. Правда, у европейскихъ народовъ мы почти повсюду замѣчаемъ тѣсную связь между націонализмомъ и патріотизмомъ. Чѣмъ сильнѣе національное самосознаніе народа, тѣмъ рѣзче онъ и государственно противополагаетъ себя другимъ народамъ. Таково правило. Но изъ этого правила бываютъ исключенія, и самымъ яркимъ исключеніемъ является исторія евреевъ. Никто не станетъ теперь

отрицать, что христіанство могло возникнуть только среди евреевъ, только на духовной почвѣ, вспаханной словомъ пророковъ и мессіанствомъ. Въ христіанствѣ отразились лучшія черты еврейскаго національнаго облика, и, однако, идея христіанская заключалась въ отказѣ отъ государственнаго патріотизма, въ отмѣнѣ всякаго различія между эллинствомъ и еврействомъ, въ любви, отрицающей всѣ границы, бѣгущей дальше всѣхъ границъ, всеобъемлющей, вселенской. Національная своеобразность выразилась во всечеловѣчности, и теперь, глядя на этотъ процессъ на разстояніи вѣковъ, мы даже можемъ раскрыть его причины и смыслъ.

Выше я сказалъ, что въ личномъ творчествѣ нѣтъ ничего, что уже не заключалось въ національномъ сознаніи. О государственномъ же сознаніи слѣдуетъ сказать противоположное: все его содержаніе обусловлено судьбою личности. Каждая личность, входящая въ составъ народа, удѣляетъ часть своихъ силъ на образованіе государственности, которая должна оградить ее отъ сосѣдей и враговъ. Но процессъ этого образованія бываетъ двоякій: нормальный, устойчивый, когда личность, участвуя въ строеніи государства, не отрекается отъ себя, а утверждаетъ въ государствѣ свою самостоятельность, удесятеряетъ въ немъ свои силы. Процессъ этотъ похожъ на процессъ образованія въ организмѣ твердаго костяка, скелета, который его носитъ и придаетъ отдѣльнымъ членамъ устойчивость и гармонію. Но есть еще другой путь образованія государства, когда личность уничтожаетъ себя въ народѣ, жертвуетъ своими правами для огражденія народной цѣльности, Ростъ подобной ненормальной, неустойчивой государственности напоминаетъ тотъ случай, когда костякъ вмѣсто того, чтобы сложиться внутри организма, окружаетъ его внѣшнимъ покровомъ. Щитъ

черепахи также отчасти защищаетъ ее отъ враговъ, но въ то же время и затрудняетъ ея движенія. Наступаетъ моментъ, когда ростъ такого щита становится роковымъ для черепахи и отдаетъ ее беззащитной въ когти орлу, который, поднявъ неповоротливое животное высоко надъ землей, бросаетъ его внизъ на камень, разбиваетъ внѣшнюю скорлупу и съѣдаетъ его мясо.

Типъ первой государственности мы видимъ у грековъ, римлянъ и у большинства западно-европейскихъ народовъ, типъ второй государственности—у древняго Израиля. Еврейская личность безъ остатка терялась въ народномъ цѣломъ. Вся исторія евреевъ—это повѣсть о союзѣ ихъ съ Богомъ. Для личности союзъ этотъ былъ роковымъ. Судьба еврейской личности символизирована въ Библіи въ судьбѣ Іакова, который изъ борьбы въ Богомъ вышелъ хромымъ: „и вывихнулся суставъ бедра Іакова, когда онъ боролся съ нимъ“. Но Іаковъ не отпустилъ Бога, требуя благословенія, и Богъ въ утѣшеніе сказалъ ему: „Не Іаковъ будетъ отнынѣ называться имя твое, а „Израиль“. Охромѣвъ какъ личность, еврей повѣрилъ въ богоизбранничество свое какъ народа. Патріотизмъ поглотилъ индивидуализмъ, и еврей, подобно черепахѣ, осужденъ былъ носить костякъ своей государственности не внутри себя, а снаружи. И вотъ римскій орелъ поднялъ его въ свои когти, бросилъ внизъ о скалу Сіона и разбилъ. Тогда и произошло чудо богорожденія. Личность, давно отказавшись отъ своего эгоизма во имя народнаго цѣлаго, теперь, съ крушеніемъ этой государственности, перенесла свою любовь дальше, на человѣчество. Патріотизмъ погибъ, а національный ликъ преобразился и засіялъ вѣчнымъ свѣтомъ.

Русское государство сложилось не по типу грекоримскому, а еврейскому. Угроза внѣшнихъ враговъ, начиная съ печенѣговъ, продолжая татарами, кончая западными сосѣдями, оказалась столь огромной, что

вся энергія русскаго духа ушла въ государственность, и московскіе князья, собирая земли, вмѣстѣ съ тѣмъ вбирали въ новообразуемое государство священныя права личности. Іоаннъ Грозный предстоитъ передъ нами какъ абсолютное утвержденіе государственнаго единства и абсолютное отрицаніе личной самоцѣльности. Оттого ростъ русской государственности оказался процессомъ неустойчивымъ. Оттого и русское національное самосознаніе озарилось изнутри свѣтомъ невозможной среди европейскихъ народовъ, непонятной имъ всечеловѣческой жалости и любви. Взгляните въ глубину народной жизни, на такое явленіе, какъ отказъ духоборовъ (въ 1895 г.) отъ ношенія оружія. Русскіе люди, живя въ Закавказьи, въ странѣ покоренной, отказываются во имя какой-то своей крестьянской правды защищать оружіемъ единство Россіи. Конечно, это—измѣна государственному патріотизму, но можно ли считать поступокъ духоборовъ измѣной національному самосознанію, отрицаніемъ своего національнаго лица или, наоборотъ, въ немъ слѣдуетъ видѣть самое рѣшительное выявленіе этихъ національныхъ чертъ? Перенесите взоры на вершины нашей творческой мысли, на Достоевскаго, который по поводу Пушкина заявляетъ, что русская національная особенность заключается во всечеловѣчности, въ умѣніи перевоплощаться въ психологію чужихъ народностей, замѣнять свое узкое домашнее „нѣтъ“ вселенскимъ „да“. Что же это? Самообольщеніе возмнившаго россіянина, или обнаруженіе интимнѣйшей черты русскаго національнаго лика? Взгляните еще выше на послѣднюю вершину русскаго самознанія—на Толстого, прислушайтесь къ его проповѣди объ отреченіи не только отъ личнаго, но и отъ народнаго эгоизма, во имя всеуравнивающей, всепроникающей любви. Такъ неужели и Толстой, въ которомъ весь міръ видитъ воплощеніе всѣхъ лучшихъ свойствъ русской національности,

неужели и онъ космополитъ, неужели и онъ недостаточно, съ русской точки зрѣнія, національненъ?

Гг. Голубевъ и Струве, признавъ себя русскими націоналистами, вмѣстѣ съ тѣмъ сочли логичнымъ примкнуть къ асемитизму, т.-е. сочли нужнымъ духовно оградить себя или, во всякомъ случаѣ, отвернуться отъ еврейскаго національнаго лика. Они были бы правы, если бы свое отрицательное *а* приставили ко всякой другой національности, кромѣ лишь еврейской. Такъ, напримѣръ, русскій національный духъ глубоко агерманиченъ, несовмѣстимъ съ германской національной психологіей, выросшей изъ индивидуализма, изъ личной гордыни рыцаря и горожанина и приведшей къ ницшеанскому культу „бѣлокурой бестіи“ и къ заповѣди: „толкни слабаго“. Но сокровенная сущность семитическаго націонализма — отреченіе отъ личности во имя народа, отъ народа во имя человѣчества — не только не противорѣчитъ русской національной идеѣ, но вполнѣ тождественна съ ней, является ея старшей по возрасту и младшей по силѣ сестрою. Недаромъ пророкъ земли русской Владиміръ Соловьевъ видѣлъ въ духовномъ союзѣ между Россіей и еврействомъ послѣднюю, мистически свѣтлую точку, къ которой движется вся исторія Россіи. Помню, какъ я еще юношей присутствовалъ въ актовой залѣ университета на одной изъ лекцій Соловьева объ еврействѣ. Передъ изумленной тысячной толпой стоялъ блѣдный аскетъ покоряющей красоты, съ тучей довременно посѣдѣвшихъ волосъ надъ молодымъ лбомъ и съ таинственно прикрытыми глазами. Голосомъ глубокимъ, съ частыми напряженными паузами онъ не говорилъ, а, какъ власть имѣющій, вѣщалъ объ обязанности русскаго народа-богоносца духовно слиться съ народомъ еврейскимъ, вѣчно богорождающимъ. Признаться, въ то время слова Соловьева, глубоко волнуя, казались мнѣ парадоксальными, не историческими, и только долго спустя я понялъ ихъ сокровенное значеніе. Еврей

духовно чуждъ всѣмъ народамъ міра и слиться съ ними можетъ, лишь отрекшись отъ себя.' Русской личности органически чужда индивидуалистическая сущность европейца или американца. Но нельзя стать націоналистомъ русскимъ, не дѣлаясь въ то же время націоналистомъ еврейскимъ, и наоборотъ. Тутъ узелъ, связанный судьбою, и людямъ его не разрубить.

Гг. Голубевъ и Струве, соединяя русскій націонализмъ съ асемитизмомъ, лишь обнаружили этимъ, что они сами стоятъ спиною къ русскому національному лику, а націоналистами стали на европейскій образецъ. Французы, нѣмцы, англичане, всѣ—приверженцы къ патріотизму во имя національной идеи. Будемъ же и мы на нихъ похожи, сдѣлаемся какъ всѣ, станемъ не хуже другихъ.

Признаюсь, въ просвѣщенномъ націонализмѣ нашихъ демократически настроенныхъ интеллигентовъ, я вижу менѣе историческаго содержанія, чѣмъ въ „зоологическомъ патріотизмѣ" нашихъ крайнихъ партій. Націонализмъ истинно-русскихъ людей по крайней мѣрѣ исторически подлиненъ. Они тяготѣютъ къ идеалу, которымъ дѣйствительно жила допетровская Русь и отчасти послѣ-петровская Россія. Если бы встали изъ гроба древніе русскіе князья и святители, то они, безъ сомнѣнія, одобрили бы патріотизмъ нашихъ крайнихъ правыхъ, которые въ своемъ національномъ сознаніи остановились, замерли, омертвѣли и въ этомъ отношеніи похожи на ту массу евреевъ, которые и послѣ пришествія Христа продолжали считать себя богоизбраннымъ народомъ и ожидать Мессію. Самъ по себѣ патріотизмъ нашихъ крайне-правыхъ не менѣе естественъ и понятенъ, чѣмъ патріотизмъ монархиста Бисмарка или даже республиканца Клемансо, который изъ общей политической амнистіи исключилъ однихъ антипатріотовъ. Нашимъ крайнимъ партіямъ можно лишь возразить, что ихъ идеалъ, при всей его исторической подлинности, неосуществимъ. Государственность, построен-

ная на подавленіи личности, обречена на гибель. Истинно-русскіе люди хотятъ вернуть нашу исторію на тотъ путь, который неминуемо привелъ бы къ распаду Россіи.

Не то приходится сказать о патріотизмѣ г. Голубева и г. Струве. Въ немъ прежде всего нѣтъ исторической плоти. Это—зачатая въ сумеркахъ аналогій и рожденная въ потугахъ логики мысль.

Этотъ разсудочно построенный русскій патріотизмъ по своей безпочвенности можетъ лишь сравниться съ еврейскимъ патріотизмомъ Владиміра Ж. и его единомышленниковъ. Вѣдь и сіонисты, твердя о націонализмѣ, на дѣлѣ отворачиваются отъ подлиннаго національнаго лика еврейства и радѣютъ лишь о томъ, чтобы быть какъ всѣ, стать не хуже другихъ, создать, какъ всѣ, литературу, хотя бы и третьестепенную, но на своемъ собственномъ языкѣ. Сіонисты забываютъ, что нельзя создать литературу на такомъ языкѣ, какъ еврейскій жаргонъ, на которомъ нѣтъ, наприм., слова для выраженія понятія „весна“. Да, какъ это ни странно, но нужно вслухъ признать тотъ фактъ, что евреи за свои вѣковыя скитанія по Испаніи, Германіи и Польшѣ такъ истощили свою энергію въ одномъ усиліи сохранить свою народную цѣлость и такъ при этомъ сузили свою личную жизнь, что впопыхахъ прямо не замѣтили, не обратили вниманія на такую подробность міровой жизни, какъ приходъ весны. Ну, что же, быль и народу, какъ молодцу, не укоръ. Вѣдь нѣтъ ничего постыднаго въ томъ, что славяне заимствовали свою религію извнѣ, изъ книгъ, написанныхъ какими-то древними евреями. Почему бы потомку этихъ евреевъ, желающему возстановить свою связь съ природой, не заимствовать языкъ у другого, ближе къ природѣ стоявшаго народа? Это ему простится, лишь бы онъ изъ этого языка сдѣлалъ употребленіе, согласное съ его собственной національной идеей, лишь бы онъ помнилъ, что призваніе еврейской національности—это быть вѣчно богорождающимъ,

и на мѣстѣ разрушеннаго храма личности воздвигать новый храмъ вселенскому и вѣчному.

Мнѣ, конечно, возразятъ, что я говорю объ идеальныхъ возможностяхъ, которыхъ дѣйствительность не знаетъ. Да, будничная дѣйствительность ихъ не знаетъ, но въ грозные пережитые нами дни, въ свѣтѣ молній этой великой исторической грозы, кто хотѣлъ, тотъ могъ увидѣть подлинный національный ликъ и русскій, и еврейскій. Въ этомъ свѣтѣ, прежде всего, стало очевиднымъ, что кромѣ государственности внѣшней, насильственной, захватывающей, возможна еще—и не въ мечтательномъ снѣ, а въ исторической яви—другая государственность, восторженно-довѣрчивая, широко дающая, божественно-щедрая.

Н. Минскій.

Сумерки.

Бросили камешекъ въ стоячую воду, и пошли круги, вода взволновалась. Гг. Чириковъ и Арабажинъ сказали на частномъ ужинѣ какое-то, быть-можетъ, неловкое слово; слово подхватили, смыслъ его исказили,—и пошла писать губернія. Изъ слова сдѣлали „дѣло“ и, надо сказать, прескверное дѣло. Прокуроры и слѣдователи, впрочемъ, плохо сговорились между собою, и потому получилось два разныхъ обвиненія. Одни начали обвинять кого-то въ „культурномъ антисемитизмѣ“, другіе — въ преступномъ попустительствѣ, „асемитизмѣ“. Явились и третьи, истинно-откровенные люди, находящіе нужнымъ выковыривать каждое чувствице, которое зашевелится у нихъ въ душѣ, выносить его на публику, бить себя въ грудь и каяться: каемся, каемся,— есть и въ насъ чувствице, не хотимъ скрывать его, каемся публично, всенародно... Конечно, никому не возбраняется пѣть покаянные псалмы и обнажать свою душу.

Не стоило бы и вниманія обращать на всѣ эти интимности, если бы не такое сумбурное время, когда за насильственнымъ затѣненіемъ дѣйствительно живыхъ и серьезныхъ „вопросовъ“ публику угощаютъ всякой ихъ фальсификаціей. Никому не приходило, напримѣръ, въ голову отрицать чувственную сторону въ человѣческихъ существахъ. Романисты писали о любви, поэты ее воспѣвали, гигіенисты пи-

сали трактаты о нормальныхъ проявленіяхъ полового чувства, моралисты устанавливали грани между „средне общественно-необходимымъ проявленіемъ“ этихъ чувствъ и тѣмъ, что выше средняго, — развратомъ.

Но наступили сумерки, и на фонѣ ихъ, какъ изъ земли, выросъ яркій силуэтъ: Санинъ. Этотъ „типъ“ при всемъ честномъ народѣ началъ вдругъ показывать разные фокусы чисто животной чувственности, не осложненной никакими духовно-моральными переживаніями. Въ результатѣ вышелъ „вопросъ“, а изъ вопроса — порнографія... Г. Санинъ не только самъ сталъ развратничать, но и приглашать къ этому другихъ. Люди бросились освобождать свои „тѣла“ отъ накинутыхъ на нихъ цивилизаціей духовныхъ одеждъ. Частный человѣкъ, Санинъ, вдругъ возвысился до человѣка *общественнаго*,— страшно сказать: до проповѣдника „новой морали“...

Никто также въ здравомъ умѣ и твердой памяти не станетъ отрицать существованія религіозныхъ чувствъ. Были и будутъ люди вѣрующіе. *Для себя* они строили храмы, *для себя* устраивали богослуженія, для себя устраивали диспуты о догматахъ вѣры, о божествѣ и его проявленіяхъ. Были и такіе, которые въ душѣ своей таили вѣру, но считали ее глубоко-интимнымъ дѣломъ, частнымъ дѣломъ человѣческой души, не подлежащимъ ни облеченію въ обряды, ни, тѣмъ болѣе, вынесенію на улицу.

Но наступили сумерки, и на фонѣ ихъ—богоискатели. Они схватили образъ кроткаго, страдавшаго за вѣру Христа и потащили его въ шумное и пестрое „общество“... невѣрующихъ людей. Они расписывали яркими красками достоинства великаго Учителя и Его вѣры, давали людямъ невѣрующимъ побивать Его камнями своего невѣрія, своего отрицанія, они примѣшали къ вѣрѣ политику, пытаясь соединить чисто-религіозное движеніе, освобожденіе отъ принудительныхъ догмъ господствующей церкви съ дви-

женіемъ политическимъ, съ освобожденіемъ отъ полицейской опеки государства. Частное дѣло *совѣсти каждаго* стало дѣломъ публичнымъ. Людей стали *принуждать* увѣровать, ибо безъ вѣры, безъ Христовой вѣры... ихъ по-прежнему будутъ тащить въ участокъ. Покайтесь, невѣрующіе, ибо не узрите царства небеснаго. Народъ нашъ вѣруетъ, повѣрьте и вы. Только въ вѣрѣ соединитесь вы съ народомъ.

Такъ звучала въ сумерки проповѣдъ религіи! Искусственно гальванизировались трупы невѣрія, и вливалась въ нихъ... религіозная словесность.

Изъ частнаго дѣла свободной души былъ сдѣланъ „общественный вопросъ", изъ религіи—политика.

Никто также до сихъ поръ не сомнѣвался въ существованіи въ каждомъ изъ насъ національнаго чувства. Лермонтовъ, несмотря на своихъ шотландскихъ предковъ, писалъ:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ *русскою* душой.

Вотъ эта „русская" душа среди другихъ гонимыхъ сказывалась постоянно и у нашихъ эмигрантовъ, какой бы космополитизмъ ни проповѣдывали они въ теоріи, въ идеалѣ. Языкъ, территорія, общность историческихъ традицій связываютъ людей невидимыми нитями и создаютъ въ нихъ то невѣсомое, неуловимое, что можно назвать „національнымъ" чувствомъ.

Какъ источникъ этого чувства, такъ и *существо* его,—существо сложное, живое и живучее,—несомнѣнно законны, и къ вопросу національному во всемъ его объемѣ намъ придется вернуться еще не разъ. Этотъ вопросъ нельзя просто отодвинуть. Но нельзя его и рѣшать съ точки зрѣнія какой-то „державной народности", да еще въ такой моментъ, когда сама-то эта народность ни о какой „державности" помышлять не

можетъ. Но сейчасъ мы хотимъ затронуть только нѣкоторыя стороны этого вопроса.

Сопровождается ли это своеобразное чувство близости людей, создаваемое принадлежностью къ одной націи, чувствомъ „отталкиванія“ ко всѣмъ другимъ національностямъ? На низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія — да, сопровождается. Съ развитіемъ же культуры, съ *утонченіемъ* нравовъ общежитія, наконецъ, съ космополитизмомъ литературы, науки, торговыхъ сношеній и пр., пр. это „отталкиваніе“ не только не даетъ уже себя чувствовать, но, наоборотъ, считается дурнымъ пережиткомъ, атавизмомъ, отъ котораго культурный человѣкъ стремится избавиться. На антисемитовъ, напримѣръ, т.-е. на людей съ сильно развитымъ „отталкиваніемъ“ отъ евреевъ, всякое культурное общество смотритъ теперь какъ на свои подонки, отбросы, которые будутъ вывезены за околицу общества съ дальнѣйшимъ развитіемъ очищающаго вліянія культуры. Образовалось два лагеря: лагерь людей, за чертой культуры находящихся—гонителей евреевъ, черныхъ сотенъ, всѣхъ людей съ болѣе или менѣе ярко выраженнымъ чувствомъ отталкиванія отъ еврея *только потому, что онъ—еврей*, и лагерь людей въ чертѣ культуры,—людей хорошо знающихъ и чувствующихъ національную разницу двухъ типовъ—русскаго и еврея, но *отталкивающихся* или *притягивающихся* къ еврею *не только потому, что онъ еврей*. Для этого послѣдняго лагеря людей принадлежность къ тому или иному культурному слою имѣетъ уже и *чувственно* гораздо большее значеніе, чѣмъ принадлежность къ націи, *каковы бы* ни были ея особенности. Для такихъ людей „истинно-русскій“, мечтающій объ изгнаніи евреевъ изъ своей страны, столь же отвратителенъ, какъ и узкій сепаратистъ—„истинный еврей“ или „истинный полякъ“, мечтающій о сектантскомъ царствѣ *для однихъ евреевъ, для однихъ поляковъ*. И тотъ, и другіе стоятъ *внѣ* современныхъ понятій о культурѣ. Съ ними можетъ быть

культурная борьба, но ихъ вопросы никогда не могутъ стать на высоту вопросовъ общественныхъ.

Но пришли сумерки, и померкли старые боги культуры. Въ средневѣковщинѣ ищутъ новыхъ теорій, мелкія антисемитическія чувствица стремятся вложить и въ душу культурнаго интеллигента. Стремятся даже новымъ людямъ, соціалистамъ, этимъ „гонимымъ міромъ странникамъ“, привить „русскую“ душу въ ея самомъ неприглядномъ видѣ: въ видѣ души, инстинктивно яко-бы отталкивающей другія національности.

Впрочемъ, это, кажется, самый нестрашный изъ сумеречныхъ призраковъ: *россійскіе* мотивы до такой степени громко звучатъ въ душѣ *русскаго* интеллигента, что загнать его въ шовинистическое русло никому не удастся, какія бы теоріи для „соблазна“ одного изъ малыхъ сихъ ни выплывали на сцену. Но стряхнуть съ себя эти сумерки слѣдуетъ: онѣ становятся совсѣмъ ужъ неэстетичны...

Е. Н.

Наброски.

Мнѣ хотѣлось бы сказать теперь нѣсколько словъ о такъ-называемомъ чириковскомъ инцидентѣ.

Но, кстати, почему „Рѣчь“ молчала объ этомъ инцидентѣ?

Съ этимъ вопросомъ къ „Рѣчи“ обращались съ разныхъ сторонъ, подступали съ нимъ настойчиво, какъ съ ножемъ къ горлу. Вопрошало „Новое Время“, вопрошалъ „Разсвѣтъ“ (есть такая сіонистская газета), особливо вопрошалъ г. Владиміръ Ж. въ „Словѣ“. Производился формепный допросъ съ пристрастіемъ, съ употребленіемъ газетной дыбы и моральныхъ испанскихъ сапогъ.

Надо, дескать, нажать въ мѣстахъ особенно чувствительныхъ,—небось, заговорятъ! Дыба и испанскіе сапоги должны вынудить „признаніе“, разумѣется, признаніе въ преступленіи, въ одномъ изъ тягчайшихъ, такъ сказать, государственныхъ преступленій по уголовному уложенію націонализма,—націонализма „Новаго Времени“, или націонализма „Разсвѣта“: уголовный кодексъ-то у нихъ одинъ—въ національной „трусости“ или національной „измѣнѣ“, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Ибо всякій націонализмъ есть воистину огонь поѣдающій, который не выноситъ не то что холоднаго, а просто разумнаго, раціональнаго отношенія къ себѣ; онъ ревнивъ и ненасытенъ и требуетъ горячности, страстности и... подобострастія. Его естественный законъ: кто не за меня, тотъ противъ меня, тотъ—врагъ. И это не только естественный законъ

національнаго, но его естественный, природный грѣхъ, его „рокъ“, который всесильно властвуетъ надъ всѣмъ его идейнымъ и практическимъ развитіемъ.

Но объ этомъ еще рѣчь будетъ впереди. Пока мы еще стоимъ на почвѣ чириковскаго инцидента. Почему „Рѣчь“ молчала о немъ? Мнѣ кажется, что самый инцидентъ даетъ вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вѣдь всѣ тѣ, которые заговорили, спѣшили предупредить, что они высказались только „по поводу“, что самый инцидентъ не стоитъ того, чтобы на него тратили слова, чернила и бумагу. Въ самомъ дѣлѣ, по какому случаю вышелъ этотъ шумъ? Случай совершенно ничтожный и вздорный. Одинъ изъ участниковъ, изъ героевъ инцидента, г. Арабажинъ, кричалъ о немъ въ двухъ газетахъ какъ о „возмутительной исторіи“. Возмутительная—это слишкомъ сильно сказано, но „исторія“,—пожалуй, сконапель истоаръ. Пребывай эта „исторія“ въ своихъ собственныхъ границахъ, публикѣ до нея не было бы рѣшительно никакого дѣла. Тѣмъ болѣе, что въ ней все такъ просто, ясно и естественно, ни интриги, ни загадки, ни сенсаціи, что можетъ иногда привлечь вниманіе публики къ вздорному пустяку. Г. Шоломъ Ашъ написалъ пьесу, которая не понравилась г. Чирикову; г. Чириковъ написалъ пьесу, которая не удовлетворила вкусу театральныхъ рецензентовъ. Г. Шоломъ Ашъ, услышавъ нелестный судъ г. Чирикова, въ горячности заявилъ или предъявилъ отводъ: пьеса его еврейская, а г. Чириковъ русскій, и поэтому онъ не можетъ правильно оцѣнить достоинства пьесы. Эта теорія національной критической подсудности была немедленно усвоена г. Чириковымъ, который и примѣнилъ ее къ оцѣнкѣ своей „Бѣлой вороны“. „Бѣлая ворона“—русская пьеса, а нѣкоторые изъ театральныхъ рецензентовъ, отозвавшіеся о ней неодобрительно,—евреи; слѣдовательно, ихъ отзывъ уваженія не заслуживаетъ. Можетъ-быть,—да, а можетъ-быть,—

нѣтъ; вѣдь и неправильная общая теорія можетъ случайно оправдаться на одномъ конкретномъ фактѣ. Возможно, что пьеса г. Чирикова талантливая, а критики его—слѣпые кроты; возможно это и относительно пьесы г. Шолома Аша и критическаго отзыва о ней г. Чирикова. Но гдѣ ручательство за то, что пьесы этихъ авторовъ должны быть непремѣнно перлами созданія? А если такого ручательства нѣтъ, то вѣдь возможно, что правда была на сторонѣ критиковъ, а не авторскихъ самолюбій. Но на-ряду съ этимъ вполнѣ понятно, откуда появился отводъ о критической неподсудности. Г. Шолому Ашу гораздо легче доказать, что г. Чириковъ—русскій, чѣмъ доказать наличность драматическаго дарованія въ своей пьесѣ; г. Чирикову гораздо легче доказать, что нѣкоторые изъ рецензентовъ „Бѣлой вороны“—евреи, чѣмъ то, что ихъ отзывы о „Бѣлой воронѣ“ были несправедливы. Раздраженное авторское самолюбіе стремится оттолкнуть отъ себя то, что его раздражаетъ, и, разумѣется, самый легкій и общедоступный способъ для достиженія цѣли состоитъ въ томъ, чтобы раздражающій объектъ или субъектъ былъ подвергнутъ дѣйствію тѣхъ національныхъ „отталкиваній и притяженій“, о которыхъ заговорилъ Петръ Струве въ „Словѣ“, „которыя живутъ и трепещутъ въ душѣ“ (слова Струве), да и сами составляютъ душу — душу національности.

Тутъ мы и вступаемъ, наконецъ, въ самую сердцевину вопроса. Потому что и я заговорилъ только по поводу чириковскаго инцидента. Пока раздавался только одинъ крикъ „Бѣлой вороны“, о немъ не стоило говорить; когда на этотъ крикъ отозвались со всѣхъ сторонъ стаи черныхъ воронъ,—о немъ не слѣдовало говорить. Но вскорѣ уже послышался общій птичій гомонъ, и многіе торопливые люди готовы заявить, что это и есть музыка будущаго, что птицы недаромъ запѣли, что это близится новая „весна“, новое „возрожденіе“. И въ особенности, когда при-

шелъ Струве, котораго не помню кто назвалъ Іоанномъ Крестителемъ всѣхъ нашихъ возрожденій, и исполнилъ свое назначеніе, т.-е. освятилъ и далъ имя новому явленію, молчать о немъ рѣшительно невозможно.

„Когда-то думали,— читаемъ мы въ статьѣ Струве,—что національность есть раса, т.-е. цвѣтъ кожи, ширина носа и т. д. Но національность есть нѣчто гораздо болѣе несомнѣнное и въ то же время тонкое. Это—духовныя притяженія и отталкиванія, и для того, чтобы сознать ихъ, не нужно прибѣгать ни къ антропометрическимъ приборамъ, ни къ генеалогическимъ разысканіямъ. Они живутъ и трепещутъ въ душѣ".

Извѣстно ли Струве, что эти поэтически-трепещущія въ душѣ, неосязаемыя „притяженія и отталкиванія" на дѣлѣ выражаются очень часто въ грубыхъ толчкахъ и подзатыльникахъ и въ не менѣе грубыхъ медвѣжьихъ объятіяхъ?

Конечно, это ему небезызвѣстно. И онъ думаетъ спасти національную душу отъ превращенія въ механику насилія путемъ размежеванія двухъ областей: области правовой и государственной, съ одной стороны, и, съ другой стороны — области, въ которой правомѣрно дѣйствуютъ „національныя притяженія и отталкиванія".

Съ виду это очень просто и не вызываетъ возраженій. Но... тутъ есть цѣлый рядъ „но".

Прежде всего, какъ высвободить область государственную и правовую изъ сферы „національныхъ притяженій и отталкиваній?" Вѣдь возможно, — да такъ оно и есть въ дѣйствительности,— что именно въ государственной и правовой области эти національныя притяженія и отталкиванія дѣйствуютъ съ наибольшей силой. Развѣ государственное и правовое творчество находится внѣ вліянія національной души, о которой мы уже знаемъ, что она соткана изъ національныхъ притяженій и отталкиваній? Вотъ въ

томъ же „Словѣ“, гдѣ напечатана статья Струве, В. С. Голубевъ тоже привѣтствуетъ г. Чирикова, какъ первую ласточку національнаго возрожденія, и В. С. Голубевъ заговорилъ о государственной національности и особой ея національной психикѣ въ отношеніи къ прочимъ негосударственнымъ національностямъ. Какъ, напримѣръ, Струве справится въ этомъ вопросѣ съ г. Меньшиковымъ, который національныя притяженія и отталкиванія суетъ въ государственную и правовую область по преимуществу и которому идеальное устройство человѣчества рисуется въ видѣ звѣринца, гдѣ отдѣльные національзмы разсажены за желѣзными рѣшетками отдѣльныхъ государственныхъ клѣтокъ и откуда они выпускаются только для взаимнаго истребленія?

И эта трудность небезызвѣстна Струве. Она предстала передъ нимъ, какъ только онъ коснулся еврейскаго вопроса. Необходимо размежевать двѣ области— это такъ; но „спеціально въ еврейскомъ вопросѣ это и очень легко, и очень трудно. Очень легко потому, что еврейскій вопросъ формально есть вопросъ простой государственной справедливости. Очень трудно потому, что сила отталкиванія отъ еврейства въ самыхъ различныхъ слояхъ русскаго населенія фактически очень велика, и нужна большая моральная и логическая ясность для того, чтобы, несмотря на это отталкиваніе, безповоротно рѣшить правовой вопросъ“.

Нужна большая моральная и логическая ясность. Это вѣдь не бездѣлица, и можно было бы поставить вопросъ, въ какомъ отношеніи находится прогрессъ этой моральной и логической ясности къ многообѣщающему національному „возрожденію“, первой ласточкой котораго былъ г. Чириковъ?

Но мы поставимъ не этотъ вопросъ, а другой. Нужна моральная и логическая ясность, чтобы вытѣснить темныя національныя притяженія и отталкиванія изъ государственно-правовой области; значитъ, въ этой области національныя притяженія и

отталкиванія подчиняются началамъ моральнымъ (государственная справедливость) и логическимъ, вообще разумнымъ (государственная цѣлесообразность).

Но развѣ въ другихъ областяхъ общественной жизни, въ области экономической, въ бытовой сферѣ, наконецъ, просто въ отношеніи человѣка къ человѣку не должно быть мѣста ни нравственному началу, ни началу разумной цѣлесообразности? И когда эти начала приходятъ въ столкновеніе съ національными отталкиваніями, кто кому долженъ уступить, кто надъ кѣмъ долженъ взять верхъ?

Одно изъ двухъ. Или національныя притяженія и отталкиванія довлѣютъ себѣ и не знаютъ надъ собою иного господина, иного бога, кромѣ себя,—тогда не святотатство ли изгнать этого бога изъ его святилища, изъ зданія государственности и права? Или эти національныя притяженія и отталкиванія подчиняются началамъ нравственности и разумной цѣлесообразности,—тогда нѣтъ резона провозглашать ихъ самодержавіе во всѣхъ областяхъ общественной и культурной дѣятельности, кромѣ только государственно-правовой.

Мнѣ кажется, что отъ этой дилеммы нельзя отдѣлаться чисто словеснымъ указаніемъ на область, гдѣ „*правомѣрно* дѣйствуютъ національныя притяженія и отталкиванія“. Ибо въ томъ-то и вопросъ: гдѣ эта область находится и каковы ея границы?

Свою мысль Струве иллюстрируетъ примѣромъ изъ области художественнаго творчества. Но эта тема столь обширная, что о ней надо поговорить особо.

Д. Левинъ.

Наброски.

Бѣжитъ волна, шумитъ волна... Я долженъ былъ остановиться на эстетическомъ примѣрѣ (съ художникомъ Левитаномъ), который былъ приведенъ въ статьѣ Струве для поясненія его мысли — или спутанности этой мысли — о національныхъ притяженіяхъ и отталкиваніяхъ, какъ сущности національной души. Но въ „Словѣ“ появилась новая статья Струве, въ отвѣтъ П. Н. Милюкову, и въ ней есть любопытный пассажъ, въ которомъ указанное выше свойство основной мысли Струве обнаруживается еще яснѣе. „Правда въ національномъ вопросѣ своевременна,— заявляетъ Струве, — и „національное лицо“, о которомъ я заговорилъ, есть не медузова голова, а честное и доброе лицо *русской* національности, безъ которой не простоитъ и *россійское* государство“. Правда всегда своевременна, какъ бы горька она ни была, и даже, напротивъ, чѣмъ горше, тѣмъ своевременнѣе. Но никто не предлагалъ Струве прятать свою правду подъ спудомъ, — вопросъ только въ томъ, точно ли на его сторонѣ горькая правда, или эта горькая правда свидѣтельствуетъ противъ него. „Національное лицо“ не голова Медузы, а честное и доброе лицо русской національности. Нѣчто подобное я не разъ встрѣчалъ даже у г. Суворина и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ,— и я готовъ съ этимъ согласиться по существу, даже когда о національной честности и добротѣ говоритъ г. Суворинъ. Но вотъ чего нельзя понять. Какимъ образомъ честность и доброта, эти

характерныя, типичныя черты національнаго русскаго лица, связываются въ предсгавленіи Струве съ тѣми національными „притяженіями и отталкиваніями", въ которыхъ онъ полагаетъ душу русской, какъ и всякой другой національности? Что такое честность — входитъ ли она въ механику національныхъ притяженій или національныхъ отталкиваній? Что такое въ этомъ же механическомъ смыслѣ доброта? Думаетъ ли Струве, что одни только русскіе люди взысканы отъ Господа честностью и добротой, а всѣ прочіе народы земли, нѣмцы, французы, англичане, коснѣютъ въ злобѣ и подлости? Есть націоналисты, которые такъ думаютъ, которые отдѣляютъ себя отъ остального человѣчества, приписывая себѣ всѣ добродѣтели, а ему всѣ пороки, и дѣлаютъ это съ той цѣлью, чтобы можно было безъ зазрѣнія совѣсти смотрѣть на человѣчество приблизительно такъ, какъ крыса смотритъ на кусокъ сыра. Но если отрѣшиться отъ этой точки зрѣнія, то едва ли найдется положеніе болѣе безспорное, чѣмъ то, что честность и доброта это, во-первыхъ, качества общечеловѣческія, болѣе того, *человѣчныя* по преимуществу, и, во-вторыхъ, что честность и доброта относятся скорѣе къ общечеловѣческой *солидарности*, чѣмъ къ системѣ исключительныхъ національныхъ „притяженій и отталкиваній". Правда, доброта и честность на русскомъ національномъ лицѣ проявляются съ особымъ оттѣнкомъ. Русская доброта отличается, можетъ-быть, отъ нѣмецкой; возможно, что она меньше пропитана сантиментальностью и поэтому въ ней меньше склонности къ самоумиленію передъ собственной чувствительностью, меньше слезоточивости и разслабленности. Этотъ оттѣнокъ можетъ внушить симпатію, но не потому ли, что онъ придаетъ русской добротѣ характеръ большей простоты и *человѣчности*, большей *гуманности?* Другими словами,— что онъ приближаетъ въ извѣстномъ отношеніи русскую доброту къ идеалу *человѣческой* доброты вообще

(хотя въ другихъ отношеніяхъ русская доброта отстаетъ отъ этого идеала дальше, чѣмъ та же доброта у другихъ народовъ). Точно такъ же и русская честность отмѣчена своеобразнымъ національнымъ отпечаткомъ. Русская честность вытекаетъ не столько изъ внутренняго категорическаго императива, поставленнаго волей, не изъ самоутвержденія этой воли, а изъ подчиненія объективной правдѣ, правдѣ объективной дѣйствительности, которую не надуешь,— на то она и дѣйствительность.

„Неправдой весь свѣтъ пройдешь, а назадъ не вернешься". Это имѣетъ и свои хорошія, и свои дурныя стороны. Хорошая сторона или одна изъ хорошихъ сторонъ заключается, напримѣръ, въ томъ, что русская честность рѣже перерождается въ фарисейство, въ самодовольство собственнымъ нравственнымъ превосходствомъ. Черта очень милая и цѣнная, но опять-таки потому, что благодаря ей русская честность выступаетъ безъ щетинистыхъ претензій, въ обликѣ болѣе простомъ и мягкомъ, болѣе человѣчномъ, болѣе *гуманномъ*. Значитъ, привлекательность добраго и честнаго лица русской національности не въ томъ ли и состоитъ, въ чемъ и поскольку сквозь черты этого „національнаго лица" просвѣчиваетъ лицо человѣческое, „ликъ" человѣческій вообще?

„Національное лицо" Струве это—честное и доброе лицо русской національности. Повторяю, я противъ этого по существу не спорю. Но много ли честности и доброты въ современной русской жизни? Отчего „лицо" сіяетъ честностью и добротой, а жизнь темна неправдой черной, темна подлостью и злобой? Оттого,— отвѣчаетъ Струве,—что нѣтъ простора игрѣ „національныхъ притяженій и отталкиваній". Но какъ-разъ тамъ, гдѣ игра эта допускается съ наибольшей свободой, свободой стихійной и сознательной, преднамѣренной, именно въ сферѣ такъ-называемыхъ національныхъ вопросовъ, мракъ русской жизни всего гуще... Если

честность и доброта типичны для національнаго лица, то показать лицо можетъ означать только стремленіе просвѣтить и самую жизнь человѣчностью и добротой.

Но вмѣсто этого Струве предлагаетъ усиленно развернуть систему „національныхъ притяженій и отталкиваній“. Что же онъ намъ показываетъ — національное лицо или національные локти?

Д. Левинъ.

„Отталкиваніе“ или „притяженіе“?

Мои оппоненты не нашли „существа дѣла“ въ моей статьѣ о конфликтѣ двухъ національнизмовъ. Я надѣюсь, что они найдутъ теперь это „существо“ въ прекрасныхъ статьяхъ г. Е. К. и Д. А. Левина. Но оба оппонента отвѣчали и мнѣ—и отвѣчали по „существу“, несмотря на „полемическіе зигзаги“. Оставивъ зигзаги въ сторонѣ, я долженъ констатировать, что и П. Б. Струве, и В. А. Голубевъ теперь укрѣпили и углубили свои тезисы. Но они углубили ихъ, къ сожалѣнію, именно въ томъ направленіи, которое мнѣ казалось и кажется глубоко ошибочнымъ и прискорбнымъ. Вотъ почему не могу и я не вернуться къ темѣ.

В. А. Голубевъ упрекнулъ меня въ томъ, что я обвиняю извѣстную часть интеллигенціи „чуть не въ проповѣди вражды одной національности къ другой“. Я, собственно, не обвинялъ,—я даже оправдывалъ. Послѣ заявленій П. Б. Струве было бы невозможно отрицать усиленіе націоналистической „силы отталкиванія“ въ интеллигентской душѣ новѣйшей формаціи. Но я предположилъ, одинаково съ Е. К., что этотъ печальный фактъ есть лишь одинъ изъ „сумеречныхъ призраковъ“, что онъ не имѣетъ прямой связи съ возросшей „силой отталкиванія въ широкихъ массахъ“, а является только преходящимъ продуктомъ интеллигентскаго каприза мысли, „невиннаго“ въ политикѣ. Я лишь настойчиво указывалъ на вредъ и опасность, которые произойдутъ, если интеллигентская „сила отталкиванія“ будетъ культивироваться въ томъ же направленіи, какъ и массовая.

Что же отвѣчаетъ П. Б. Струве? „Къ національнымъ вопросамъ прикрѣпляются сильныя, подчасъ *бурныя чувства*. Чувства эти, поскольку они являются выраженіемъ сознанія своей національной личности, *вполнѣ законны*, и принципіальное ихъ подавленіе и угашеніе есть глубокая ошибка и великое уродство“. Я предоставляю другимъ опредѣлить, гдѣ точная граница между этимъ санкціонированіемъ „бурныхъ чувствъ“ и... „проповѣдью вражды одной національности къ другой“...

П. Б. Струве утверждаетъ, что сведеніе его взглядовъ „на очную ставку“ съ ихъ послѣдствіями въ дѣйствительности есть „не аргументъ“, а полемическій пріемъ. Но онъ доказываетъ это иллюстраціей, которая обращается противъ него самого. „Такъ и аграрную программу партіи народной свободы можно опровергнуть ея предполагаемой „проекціей“, въ видѣ ли всеобщаго земельнаго поравненія, или даже аграрныхъ погромовъ“,—говоритъ П. Б. Струве. Совершенно вѣрно, отвѣчу я. Если бы наша аграрная программа приводила къ подобнымъ послѣдствіямъ вмѣсто того, чтобы предупреждать ихъ, то это былъ бы сильнѣйшій аргументъ противъ программы. И если общественной „проекціей“ статей П. Б. Струве будетъ поцѣлуй Меньшикова и привѣтствіе „Россіи“, то, какъ хотите, для меня это—сильнѣйшій аргументъ противъ узаконенія „бурныхъ чувствъ“ теоріей П. Б. Струве. Я согласенъ съ г. Е. К., что „бурныя чувства“ надо укрощать, иначе мы рискуемъ остаться съ нашимъ національнымъ лицомъ по ту сторону культуры.

Когда-то П. Б. Струве очень старался привить нашей интеллигенціи идею „государственности“, какъ высшаго цѣлаго, какъ выраженія „національной *россійской*“ идеи. Этотъ фазисъ, „огосударствленіе“ нашей интеллигенціи, П. Б. Струве, повидимому, считаетъ уже достигнутымъ. И теперь онъ предлагаетъ вступить во второй фазисъ: „разгосударствленіе“ *русской* части интеллигенціи, чтобы она могла, свободная отъ госу-

дарственныхъ путъ, показать свое „національное лицо“ другимъ „россійскимъ“ народностямъ. Слово „національный“ по отношенію къ *русской* части населенія, очевидно, уже получило у П. Б. Струве иной смыслъ, чѣмъ имѣло по отношенію къ высшему государственному „россійскому“ цѣлому. Не знаю, спустится ли П. Б. Струве черезъ нѣсколько времени еще на ступень ниже и раскрѣпоститъ ли онъ отъ „русскаго“ національнаго единства „великорусское лицо“. Но его сотоварищъ, В. А. Голубевъ, это уже дѣлаетъ теперь. Въ своей новой статьѣ онъ развиваетъ дальше свою идею о „русской *государственной національности*“, какъ она „сложилась ходомъ исторіи“. Въ аргументаціи П. Б. Струве эта грань между государственной и культурной національностью еще соблюдалась, хотя и чрезвычайно искусственно. У В. А. Голубева грань окончательно стирается. Оперируя надъ *русской* національностью, онъ забываетъ ее „разгосударствить“.

Какъ видимъ, оба автора очень далеко ушли отъ своей исходной точки — невиннаго спора Чирикова съ Шоломомъ Ашемъ. Имъ, однако, нужно къ этой точкѣ вернуться. Нужно показать въ концѣ-концовъ не то „національное лицо“, которому разрѣшаются всякія „бурныя чувства“, а просто „честное и доброе лицо“ русской интеллигенціи, которая хотя многое успѣла позабыть, но многому еще не успѣла научиться. И вотъ начинается болѣе или менѣе искусное вытаскиваніе „честнаго и добраго лица“ изъ этой ямы, въ которую посадили русскаго интеллигента оба автора, — по увѣренію П. Б. Струве, совершенно сознательно.

Оба начинаютъ увѣрять, что вожделѣнная цѣль, равноправіе „россійскихъ“ народностей, лучше всего достигается не старымъ методомъ „сліянія“, а какъразъ ихъ новымъ методомъ „отталкиванія“.

П. Б. Струве пользуется для этого тѣмъ же самымъ терминомъ „асемитизмъ“, толкуя его по-своему и какъ бы не подозрѣвая, что „асемитизмъ“ не выдуманъ г. Владиміромъ Ж., а имѣетъ весьма опредѣлен-

ное значеніе. П. Б. Струве смѣло принимаетъ обвиненіе въ „асемитизмѣ“ и начинаетъ доказывать, что „этотъ самый ужасный асемитизмъ—гораздо болѣе благопріятная почва для правового рѣшенія еврейскаго вопроса, чѣмъ безысходный бой, мертвая схватка „антисемитизма“ съ „филосемитизмомъ“. Аргументація ведется, впрочемъ, довольно коротко. Просто, „филосемитизмъ“ — „сантиментально-дряблъ“, а подчасъ и „вынужденъ или симулированъ“. П. Б. Струве еще стѣсняется сказать прямо: „подкупленъ“. „Асемитизмъ“ же не „притворяется любящимъ“ евреевъ: это и есть „открытое національное лицо“ части общества, настроенной „конституціонно и демократически“, и онъ „гораздо болѣе нуженъ и полезенъ нашимъ еврейскимъ согражданамъ“. Не знаю, согласятся ли съ П. Б. Струве „еврейскіе сограждане“. Знаю только, что конституціонные и демократическіе элементы русскаго общества, мнѣ извѣстные лично, въ огромномъ большинствѣ отъ „національнаго лица“, открытаго П. Б. Струве, предпочтутъ отвернуться.

Другимъ путемъ приходитъ къ тому же благополучному выводу В. А. Голубевъ. По его наблюденіямъ, въ послѣдніе годы „русская національность ближе столкнулась съ другими національностями въ политической борьбѣ“ и, благодаря этому, поняла ошибочность своего прежняго взгляда, „будто одинъ только врагъ—старый режимъ“. Оказалось, что „старый режимъ не заключается только въ правительствѣ, а заключается и во многихъ (?) общественныхъ (стало быть, не національныхъ!) группахъ, изъ которыхъ слагается россійское населеніе“. Казалось бы, что послѣдствіемъ новаго пониманія должна была бы быть болѣе ожесточенная борьба „державной національности“ съ другими, конкуррирующими. Но у В. А. Голубева выходитъ иначе. „Признавая себя какъ нѣчто особое“, мы тѣмъ самымъ будемъ испытывать „гораздо больше уваженія“ и по отношенію къ другимъ національностямъ: будемъ „признавать и ихъ имѣющими особое лицо“ и, „поднявъ

русскую національность, какъ державную, достигнемъ и того, что будутъ подняты въ своей равноправности и другія національности". Такимъ образомъ, и по мнѣнію В. А. Голубева, равноправіе получится не изъ какого-нибудь „фильства", а изъ конкурренціи народностей, которыя „столкнулись въ политической борьбѣ" и одна изъ которыхъ есть—державная народность.

Надо очень ужъ увлечься поисками „національнаго лица", чтобы не замѣтить всей искусственности и натянутости подобной аргументаціи. Повидимому, и сами мои оппоненты не вполнѣ на нее полагаются. Оба они сильно разсчитываютъ, помимо своихъ собственныхъ надеждъ, на „асемитизмъ" и на „уваженіе державной народности" къ недержавнымъ, еще и на „ясное, трезвое пониманіе извѣстныхъ моральныхъ и политическихъ принциповъ и вытекающихъ изъ этихъ принциповъ государственныхъ необходимостей". Я думаю, что, если бы оба они прямо начали съ изложенія тѣхъ „моральныхъ и политическихъ принциповъ", о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то, можетъ-быть, удалось бы сразу, безъ всякихъ хитросплетеній, выйти изъ того сомнительнаго положенія, въ которое они себя поставили. И мы увидѣли бы сразу „честное и добрее лицо" русской интеллигенціи, очень часто плутающей и во всяческихъ добряхъ, иногда страдающей повышенной нервностью и излишней обидчивостью, но всегда, даже въ самыхъ сомнительныхъ положеніяхъ, инстинктивно умѣющей сберечь это свое „честное и доброе лицо"... даже отъ нововременскихъ поцѣлуевъ.

П. Милюковъ.

Открытое письмо П. Б. Струве.

Многоуважаемый Петръ Бернардовичъ!

Пишу вамъ по поводу вашей статьи о національномъ лицѣ. Прошу извиненія за полную откровенность, но скажу сразу: я считаю ваше отношеніе къ чрезвычайно острой проблемѣ крайне поспѣшнымъ и непродуманнымъ до конца. Оговариваюсь, что принципіально я ничего не имѣю противъ основного положенія вашего о „національномъ лицѣ“ и объ отношеніи государственнаго начала къ національному. Поспѣшность же вижу въ томъ, что, выставивъ эту общую схему, вы затѣмъ, въ области примѣненія ея къ еврейскому вопросу, бросили нѣсколько туманныхъ пятенъ, запнулись на Левитанѣ и не сумѣли изъ этой подмѣченной вами же особенности еврейскаго вопроса сдѣлать никакихъ выводовъ. И тѣмъ не менѣе, не сдѣлавъ этихъ выводовъ (а кто знаетъ, въ какой мѣрѣ они подошли бы подъ общую схему?), вы, однако, поспѣшили съ нѣкоторою страстностью противопоставить евреямъ не „россійское“, а „русское“ національное лицо. Долженъ сознаться, что въ вашей статьѣ поразило меня то же, что выступало въ болѣе рѣзкой формѣ въ замѣчаніяхъ Чирикова, какъ они изложены имъ самимъ въ печати. Поразила меня та оборонительная поза, которую вы считаете нужнымъ занять, когда заговариваете о русскомъ національномъ чувствѣ. Отъ кого вы обороняетесь? Кто на васъ нападалъ? Кто вамъ мѣшалъ быть національно-русскимъ человѣкомъ—въ вашемъ благородномъ смыслѣ слова? Между тѣмъ Чириковъ, въ

отвѣтъ на замѣчаніе, что онъ не знаетъ еврейскаго быта (да и почему онъ обязанъ знать его?), вскрикиваетъ, какъ ужаленный: „Да, я русскій, не истинно-русскій, а просто русскій... впрочемъ, мнѣ все равно, какъ вамъ будетъ угодно это признать". *Онъ* съ этимъ выкрикомъ обращается къ евреямъ,—*вы* обращаетесь къ радикальнымъ элементамъ русскаго общества, но ужалены и вы тѣмъ же еврейскимъ инцидентомъ. Мало того,—вы тутъ же, подъ этимъ же впечатлѣніемъ, свидѣтельствуете за счетъ всего русскаго народа, что въ самыхъ различныхъ и широкихъ кругахъ его сила отталкиванія отъ еврейства гораздо значительнѣе силы притяженія, — бросаете неосмотрительно эту тяжелую гирю на вѣсы нашихъ судебъ въ минуту, особенно для насъ трудную, когда именно подъ этотъ напѣвъ наступаетъ намъ на горло вся сплоченная правительственно-реакціонная клика, а до государственныхъ принциповъ правового строя, на которые вы разсчитываете,— какъ вы знаете, — еще очень далеко. И говорили все это,—повторяю,—не вполнѣ продуманное; ибо, повѣрьте, намъ, евреямъ, несмотря на испытанные нами погромы и притѣсненія, эта самая жгучая для всего нашего бытія проблема—о стихійномъ „отталкиваніи" — представляется далеко не столь мрачной, какъ она показалась вамъ въ минуту, когда васъ ужалилъ еврейскій инцидентъ.

И, наконецъ, самое главное, что я хотѣлъ вамъ сказать, что входитъ отчасти въ область вопроса о Левитанѣ и пр. Неужели вы не понимаете, въ чемъ состоитъ націонализмъ группы, разсѣянной среди другого народа,—группы, дорожащей своимъ отъ вѣковъ унаслѣдованнымъ добромъ, но питающейся самымъ интенсивнымъ образомъ окружающею ее культурою,—перерабатывающей изо дня въ день свое изначальное содержаніе, созидающей новыя, смѣшанныя, но столь же богатыя формы, болѣе близкія то къ одной, то къ другой формаціи (Левитанъ, Антокольскій, Рубинштейнъ— у насъ; Гейне, Берне, Марксъ—у нѣмцевъ),—не пони-

маете ли, спрашиваю, національнаго такой группы, которая видитъ свою задачу, свою гордость въ охранѣ и дальнѣйшемъ развитіи своихъ культурныхъ цѣнностей,— которая не отталкивается, а, наоборотъ, находится и должна оставаться въ ближайшемъ соприкосновеніи и взаимодѣйствіи съ культурными элементами, ее окружающими? Иначе, конечно, въ совершенно другихъ, созданныхъ исторіей, условіяхъ творилъ и творитъ то же культурно-національное дѣло русскій народъ, творитъ свободно и естественно, до такой степени естественно, что вы этого какъ-будто и не замѣтили. Думаете ли вы, что національная мощь русскаго народа устоитъ крѣпче, когда вы сведете всю ея гордость къ традиціямъ, которыми она жила и питалась въ качествѣ особаго племеннаго цѣлаго? Вѣдь вы не полагаете, какъ Меньшиковъ, что въ самомъ дѣлѣ и русская мысль, и русское искусство, и все вообще, чѣмъ жива русская интеллигенція и русскій народъ, породившій ее,—что все это сгинетъ, если не будетъ къ нему приставленъ жандармъ. Когда вы недавно писали о націи, когда вы писали о Великой Россіи, — я, сознаюсь, думалъ, что васъ одушевляетъ нѣкая имперіалистская идея, что вы подъ націей разумѣете нѣчто болѣе крупное, чѣмъ доподлинныхъ потомковъ исконныхъ жителей Суздальскаго уѣзда. А оказывается на повѣрку, что другого мѣрила, кромѣ племенного, у васъ нѣтъ, что вамъ, кромѣ дѣла—настоящаго національнаго культурнаго дѣла—нужна для русскаго народа особая племенная загородь да еще съ вывѣскою. Именно племенная, ибо ничего другого вы не придумаете. И въ вашихъ же примѣрахъ Брюлловъ побивается вѣдь „нерастворимымъ“ евреемъ Левитаномъ... Впрочемъ, повторяю, я понимаю и склоненъ уважать и суздальскій націонализмъ, но именно потому спрашиваю: отъ кого вы его обороняете? Для чего вы торжественно собрались въ бой съ трубами и фанфарами? Зачѣмъ вы именно съ нами связываете проповѣдь этого націонализма?

Это грѣхъ противъ истины, и грѣхъ особенно тяжелый потому, что ваша ложная связь идей будетъ злостно использована во вредъ сторонѣ слабѣйшей.

Искренно преданный вамъ.

М. Винаверъ.

P. S. Письмо это было уже написано, когда я прочиталъ вашу вторую статью въ „Словѣ“. Вы нашли уже ярлыкъ для вашего настроенія. Это не антисемитизмъ, а „асемитизмъ“. И съ такой же поспѣшностью, съ какой вы раньше свидѣтельствовали за счетъ всего русскаго народа объ „отталкиваніяхъ“, теперь за счетъ всѣхъ „еврейскихъ согражданъ“ высказываете увѣренность въ огромной для нихъ пользѣ именно отъ этого крылатаго, но весьма... легковѣснаго лозунга. Что есть асемитизмъ? Если это только правовой принципъ, безразличіе вопроса о національности въ области права,— то это пустопорожнее мѣсто, не болѣе. Если же онъ долженъ внѣдриться во всѣ области общежитія, то, какъ вы вообще мыслите такое общежитіе, скроенное изъ асемитизма, аполонизма, аукрайнизма и, конечно, аруссизма? Такъ ли вы ее представляете, какъ это рекомендуется г. Владиміромъ Ж., отъ котораго вы, повидимому, взяли самый „асемитизмъ“? Послушайте, какія онъ вамъ рисуетъ перспективы, — рисуетъ, скажу я, совершенно послѣдовательно: „Въ разныхъ профессіональныхъ сферахъ онъ (асемитизмъ) разно проявляется; въ сферѣ литературно-художественной онъ принялъ бы форму такого разсужденія: я пишу свою драму для своихъ и имѣю право предпочитать, чтобы на сценѣ ее разыграли свои и критику писали свои. Этакъ мы лучше поймемъ другъ друга“. Предлагаю вамъ, съ точки зрѣнія этого дѣленія на „своихъ“ и „не своихъ“ (а вѣдь дѣленіе—и притомъ грубое—придется и вамъ въ концѣ-концовъ установить), — предлагаю вамъ съ

этой точки зрѣнія подойти къ Левитану. Для сіониста Левитанъ есть парадоксъ, ненужная, досадная помѣха, перекашивающая утлую ладью государственно-культурной концепціи сіонизма. Но для насъ, для огромной массы рускаго еврейства и Левитанъ, и Антокольскій есть живыя воплощенія здороваго процесса, который мы желаемъ продолжать и углублять не въ холодной „асемитической“ замкнутости и отчужденности, а въ сферѣ согрѣтаго любовью (именно любовью), свободнаго взаимнаго культурнаго воздѣйствія. И потому, Петръ Бернардовичъ, вамъ слѣдовало бы еще призадуматься раньше, чѣмъ съ такою рѣшительностью говорить о пользѣ „асемитизма“ для „еврейскихъ согражданъ“— и прибавлю отъ себя: и для русскихъ согражданъ.

М. В.

Современныя думы.

„Еврейское засиліе“.

Въ „чириковскомъ инцидентѣ“ интересно не то, что въ дѣйствительности сказалъ Е. Н. Чириковъ, а то, что *послышалось* литераторамъ еврейскаго происхожденія. Имъ послышалось, что Чириковъ протестуетъ противъ „еврейскаго засилія“ въ русской литературѣ. И послышалось потому, что имъ, какъ и большинству евреевъ, приходилось не разъ *чувствовать* непріязненное отношеніе русскихъ писателей къ усиливающемуся вліянію евреевъ въ русской печати.

Дѣйствительно, число лицъ еврейскаго происхожденія среди издателей, редакторовъ, завѣдующихъ отдѣлами и просто сотрудниковъ русскихъ газетъ, журналовъ и другихъ изданій очень велико.

Процентное отношеніе издателей и писателей еврейскаго происхожденія къ таковымъ же происхожденія русскаго неизмѣримо выше процентнаго отношенія еврейскаго населенія къ населенію русскому.

Это—фактъ, который не могутъ оспаривать ни русскіе, ни евреи.

Русскимъ это непріятно,—и непріятно особенно въ настоящее время, когда газетъ и журналовъ въ Россіи сравнительно мало, когда книги идутъ плохо, когда „труженикамъ пера“ тѣсно и среди нихъ царитъ безработица.

Литераторъ, остающійся безъ заработка, невольно чувствуетъ непріязнь къ собратьямъ по профессіи, сумѣвшимъ „устроиться“ или „пристроиться“. Такъ какъ

евреевъ въ русской печати вообще очень много, то немало ихъ и между „устроившимися“. У безработнаго невольно пробуждается непріязненное чувство къ особенностямъ семитской расы: ему кажется, что тотъ или другой писатель устроился не за свои заслуги, а благодаря своимъ еврейскимъ особенностямъ.

Но непріязнь къ еврейству закрадывается въ душу не только безработныхъ, но и устроившихся русскихъ.

Надо помнить, что журнальная и газетная работа не столько объединяетъ, сколько разъединяетъ ея участниковъ, такъ какъ ихъ профессіональною болѣзнью является повышенное самолюбіе. Сотруднику непріятно, когда его „черкаетъ“ редакторъ, и если „черкающій“ редакторъ—еврей, а сотрудникъ — русскій, то оскорбленное самолюбіе легко принимаетъ антисемитскую окраску.

Еще легче пробуждается антисемитизмъ на почвѣ „гонорарныхъ“ недоразумѣній между евреями-издателями и русскими писателями. Наконецъ, и въ еврейкритикѣ, разносящемъ то или другое произведеніе, авторъ, оскорбленный за свое литературное дѣтище, нѣтъ-нѣтъ да и увидитъ „жида“.

Такимъ образомъ, на почвѣ безработицы, денежныхъ недоразумѣній, уязвленныхъ самолюбій и проч. среди русскихъ писателей создается антисемитское настроеніе.

Слагается цѣлый обвинительный актъ противъ евреевъ, участвующихъ въ русской печати, слагается, но не опубликовывается.

Прежде всего евреевъ обвиняютъ въ томъ, что они „тянутъ“ другъ друга, а русскихъ „отстраняютъ“.

Въ этомъ есть доля правды.

У евреевъ подъ вліяніемъ гоненій сильно развито чувство національной солидарности.

Еврей охотнѣе поддержитъ еврея, чѣмъ русскаго. И это тѣмъ болѣе, что ему при этомъ часто приходится поддержать друга дѣтства или „земляка“. „Земляковъ“ среди евреевъ больше, чѣмъ среди русскихъ, главнымъ образомъ благодаря „чертѣ осѣдлости“.

Кромѣ того, и непріязнь со стороны русскихъ, поляковъ и проч. невольно заставляетъ евреевъ крѣпче держаться другъ друга.

Далѣе говорятъ, что евреи принижаютъ достоинство литератора, слишкомъ легко приспособляясь къ требованіямъ „хозяевъ печати“ и вообще легко „примѣняясь къ подлости“.

Съ другой стороны, тѣхъ же евреевъ упрекаютъ въ „высокомѣріи“, принимающемъ форму „наглости“ и „нахальства“.

И здѣсь есть *небольшая* доля правды.

Печальная исторія еврейскаго народа способствовала развитію въ *худшихъ* его представителяхъ какъ приспособляемости къ подлости, такъ и родственной ей наглости. И, конечно, между евреями, участвующими въ русской печати, есть не только лучшіе, но и худшіе представители великаго и несчастнаго народа.

Указываютъ, наконецъ, что писатели еврейскаго происхожденія портятъ русскій языкъ, вносятъ въ него „жаргонный стиль“.

Обвиненіе кажется правдоподобнымъ.

Русскій языкъ для еврейскихъ журналистовъ рѣдко бываетъ „языкомъ материнскимъ“, поэтому имъ трудно проникнуться его духомъ, инстинктивно избѣгать несвойственныхъ ему выраженій.

Дѣйствительно, писатели еврейскаго происхожденія нерѣдко злоупотребляютъ выраженіемъ „пара“, говоря не только „пара чаю“, „пара сапогъ“, но и „пара мыслей“, „пара идей“, нерѣдко неправильно замѣняютъ глаголъ „выйти“ глаголомъ „выступить“ и т. д. („выступить изъ партіи“).

Но въ общемъ, по моимъ наблюденіямъ, писатели еврейскаго происхожденія, какъ представители народа, способнаго къ изученію языковъ, пишутъ не хуже среднихъ русскихъ литераторовъ.

Портятъ русскій языкъ тѣ евреи, которые не призваны быть писателями, которые попали въ литературу потому, что больше „некуда дѣваться“.

Вся бѣда въ томъ, что въ русскихъ газетахъ и журналахъ работаетъ много евреевъ, которые могли бы быть хорошими чиновниками, землемѣрами, агрономами и пр., но совершенно неспособны быть литераторами.

Но гдѣ причина этой „бѣды", этого „зла"?

Причина—въ еврейскомъ безправіи, причина—въ тѣхъ стѣсненіяхъ, которыя ставятся евреямъ на каждомъ шагу и на всѣхъ поприщахъ.

Будь евреи свободны въ выборѣ мѣстожительства и занятій, пользуйся они тѣми же правами, какъ и христіане, по отношенію къ государственной и общественной службѣ, поступленію въ высшія учебныя заведенія и т. д., тогда и въ литературу, и въ революцію шло бы гораздо меньше худшихъ евреевъ, а отъ этого выиграли бы лучшіе какъ евреи, такъ и русскіе.

Если русскіе литераторы недовольны „еврейскимъ засиліемъ", то имъ надо съ удвоенной энергіей бороться за еврейское равноправіе.

Если русскіе люди, несмотря на бревно въ своемъ глазу, такъ хорошо видятъ каждый сучекъ въ глазу еврейскомъ, то имъ необходимо усиленно бороться за устраненіе тѣхъ условій, которыя воспитываютъ еврейскіе недостатки.

Евреи въ Россіи настолько стѣснены, что имъ невозможно существовать безъ обходовъ закона, взятокъ и другихъ приспособленій къ подлости.

Особенно развращающе должна дѣйствовать премія за вѣроотступничество.

Стоитъ еврею креститься, и онъ получаетъ право свободнаго передвиженія, свободныхъ занятій, поступленія на службу и пр. Мнѣ при этомъ вспоминается разсказъ объ одномъ евреѣ, г. Т., который въ „либеральный моментъ" царствованія Александра II былъ назначемъ судебнымъ слѣдователемъ. Прошелъ либеральный моментъ, г. Т. оставался *единственнымъ* въ Россіи судебнымъ слѣдователемъ, но, несмотря на примѣрную службу, не получалъ ни наградъ, ни повышенія.

Прошло много лѣтъ. Министромъ юстиціи сдѣлался

Манасеинъ, терпимо относившійся къ евреямъ. Онъ пригласилъ къ себѣ г. Т. и обѣщалъ ему повышеніе.

Но для этого,—замѣтилъ министръ,—вамъ придется креститься.

— Ваше превосходительство,— отвѣтилъ еврей, — я не крещусь: у человѣка должно быть что-нибудь непродажное.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ министръ, — я ничего не могу для васъ сдѣлать, но позвольте крѣпко пожать вашу руку въ знакъ уваженія.

Креститься еврею или еврейкѣ приходится и для вступленія въ бракъ съ христіанами. Это очень затрудняетъ смѣшанные браки, между тѣмъ славянская раса только выиграла бы отъ примѣси семитской крови.

Путемъ браковъ лучше всего разрѣшился бы и весь еврейскій вопросъ.

Русскимъ слѣдовало бы запомнить слова еврея Т.: „у человѣка должно быть что-нибудь непродажное".

И когда подумаешь, какъ много евреевъ противятся соблазну креститься, то невольно проникаешься уваженіемъ къ этому несчастному народу.

Недостатки евреевъ бросаются въ глаза, такъ какъ они связаны съ непріятными внѣшними проявленіями. Достоинства евреевъ замѣтить труднѣе.

Но если еврейскому народу ставятъ на счетъ каждаго фактора, считающаго себя литераторомъ, то пусть поставятъ ему на счетъ и Спинозу, Маркса, Гейне, Берне, Рубинштейна, Антокольскаго, Левитана...

И пусть не позабудутъ поставить на счетъ русскаго народа тѣхъ „истинно-русскихъ людей", которые среди евреевъ нашли только одного дѣятеля, заслужившаго ихъ любовь и уваженіе. Этотъ дѣятель зовется Евно Азефъ.

Въ заключеніе хотѣлось бы надѣяться, что полемика, вызванная „чириковскимъ инцидентомъ", укрѣпитъ союзъ между лучшими русскими и лучшими евреями для совмѣстной борьбы съ худшими элементами, какъ еврейскаго, такъ и русскаго народа. Человѣчество раз-

дѣляется на много народовъ, которые въ концѣ концовъ сольются въ общечеловѣческій союзъ.

Но человѣчество раздѣляется и на два враждебныхъ другъ другу рода или вида.

Герои одного изъ нихъ—Азефы и Пуришкевичи.

Герои другого—Спинозы и Толстые.

Между этими родами примиренія быть не можетъ. Одинъ изъ нихъ долженъ вымереть, исчезнуть.

Исчезнутъ Толстые—вырожденіе.

Исчезнутъ Азефы—возрожденіе.

Въ величіи Толстыхъ и ничтожествѣ Азефовъ черпаемъ мы радостную увѣренность, что человѣчество идетъ впередъ, къ тому времени, когда у людей не будетъ ничего, ничего продажнаго.

В. Поссе.

Національнизмъ и соціализмъ.

Публицисты „Россіи“ получили, повидимому, приказъ разнести оппозиціонныхъ „націоналистовъ“, пишущихъ въ „Словѣ“.

Въ своемъ усердіи казенные публицисты стараются уязвить національнизмъ соціализмомъ.

„Давно ли,—пишутъ они,—тѣ самые, которые теперь драпируются въ тогу національнизма, заявляли во всеуслышаніе, что они—„почти соціалисты“? А вѣдь никто, надѣемся, не рискнетъ утверждать, что національнизмъ имѣетъ хоть что-нибудь общее съ основой міровоззрѣнія соціалистовъ“.

Надо надѣяться, что это „рискнетъ утверждать“ прежде всего г. предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, который, будучи въ глазахъ „Россіи“ несомнѣннымъ націоналистомъ, выступалъ въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей сторонникомъ государственнаго соціализма. Г. предсѣдатель русскаго совѣта министровъ, навѣрное, не рѣшится отрицать національнизма и французскаго совѣта министровъ, который почти сплошь состоитъ изъ радикаловъ-соціалистовъ и просто соціалистовъ.

Г. Столыпинъ, навѣрное, признаетъ націоналистомъ и соціалиста Милльерана, который задолго до него получилъ отъ русскаго Царя орденъ Бѣлаго Орла.

Онъ, конечно, знаетъ, что на Западѣ вообще немало соціалистовъ, гордящихся своимъ національнизмомъ.

Онъ, навѣрное, помнитъ и неоднократныя заявленія Бебеля въ рейхстагѣ о готовности нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать каждую пядь своей нѣмецкой земли.

Правда, соціализмъ и національнизмъ — слова, подъ которыя подставляются чрезвычайно различныя понятія, но огромное большинство соціалистовъ никогда не

станетъ противопоставлять своему міровоззрѣнію національнымъ, какъ нѣчто съ нимъ непримиримое. Разумѣется, говоря о національнымъ, послѣдовательные соціалисты имѣютъ въ виду право каждой національности на свободное пользованіе своимъ языкомъ и вообще на свободное развитіе національной культуры, а не порабощеніе и поглощеніе одной національности другою. Соціалисты всегда подчеркиваютъ, что они противъ всякаго гнета, въ томъ числѣ и гнета національнаго. Они — національнымъ въ томъ смыслѣ, что съ уваженіемъ относятся къ каждой національности.

Наиболѣе послѣдовательные изъ нихъ безъ колебаній подпишутся подъ слѣдующими замѣчательными словами *національнымъ* Драгоманова: „Самое понятіе объ идеалѣ человѣка составляется у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, а потому прогрессъ этого самаго идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а, напротивъ того, ихъ постояннаго развитія".

Совершенно въ духѣ Драгоманова составлена брюннская декларація русинскихъ соціалъ-демократовъ. „Мы,— говорится въ этой декларации,—убѣждены, что международное могущество пролетаріата разовьется лишь тогда, когда *каждый народъ будетъ вершителемъ своей исторіи*. Мы знаемъ, что соціальное и политическое освобожденіе обусловливаетъ и *національную* эмансипацію. Поэтому русинскіе соціалъ-демократы стремятся къ *національной* свободѣ всего своего народа" и т. д.

Развѣ это не національнымъ?

И развѣ не національнымомъ продиктована національная программа всей австрійской соціалъ-демократіи? „Окончательное урегулированіе вопроса о *національностяхъ* и языкахъ въ Австріи является прежде всего культурнымъ требованіемъ, а потому лежитъ въ жизненныхъ интересахъ пролетаріата"...

„Австрію слѣдуетъ превратить въ демократическое союзное государство *національностей*"... „Всѣ само

управляющіяся области одной и той же націи образуютъ вмѣстѣ *національно* единый союзъ, завѣдующій своими *національными* дѣлами совершенно автономно", и т. д.

Подобный націонализмъ существенно отличается отъ націонализма хотя бы лорда Сольсбери, который называлъ себя „отчасти соціалистомъ"; но такъ же существенно отличается и лордовскій соціализмъ отъ соціализма пролетарскаго. Каковъ соціализмъ, таковъ и націонализмъ!

Но скорѣе можно сказать, что одинъ соціализмъ противорѣчитъ другому соціализму, чѣмъ всякій соціализмъ противорѣчитъ всякому націонализму.

Измѣненіе общественнаго строя въ смыслѣ наивысшаго подъема производительныхъ силъ и созданія для каждаго возможности всесторонне развить свои способности и проявить ихъ въ разумномъ творчествѣ — такова, по моему мнѣнію, цѣль истиннаго соціализма. И для достиженія этой цѣли необходимо признаніе права на свободное развитіе за каждой національностью. Можно, конечно, думать, что въ концѣ-концовъ при возрастающей дифференціаціи личныхъ, индивидуальныхъ особенностей исчезнутъ различія національныя; можно, конечно, желать, чтобы національности слились въ одинъ человѣческій родъ, состоящій изъ разнообразныхъ индивидуумовъ. Но, чтобы это было разнообразіе красоты, а не уродства, необходимо *добровольное*, а не насильственное сліяніе *свободныхъ*, а не порабощенныхъ націй.

Для сліянія многимъ національностямъ придется, вѣроятно, размежеваться.

Къ достойному человѣчества интернаціонализму путь идетъ черезъ достойный каждой націи націонализмъ.

В. Поссе.

У старообрядцевъ.

Въ Москвѣ удалось мнѣ поговорить съ виднѣйшими представителями всероссійскаго старообрядчества. Опредѣленно говорить о настроеніяхъ старообрядцевъ, конечно, трудно. Это—громада, и притомъ разбросанная по всей Россіи, вкрапленная во всѣ ткани крестьянской, мѣщанской и купеческой жизни. Въ такомъ смыслѣ и началъ разговоръ одинъ изъ собесѣдниковъ:

— Вѣдь это не партія, не группа. Это—народъ. Старообрядцевъ по меньшей мѣрѣ четыре милліона въ Россіи. Вонъ Сербія собиралась воевать съ Австріей. А вѣдь старообрядцевъ больше. Народъ. Значитъ, всякія теченія имѣются—и правыя, и лѣвыя, и среднія.

Бытъ старообрядцевъ близко знакомъ мнѣ съ дѣтства. Мнѣ припомнилась строгая замкнутость старообрядческой семьи, гдѣ по религіознымъ причинамъ чрезвычайно забо гливо охраняется чистота русской крови. Національное чувство должно быть здѣсь въ первобытной свѣжести. А такъ какъ національный вопросъ выплываетъ теперь, чуть ли не опережая другія темы дня, то я съ особымъ интересомъ спросилъ главаря старообрядчества:

— А что, старообрядцы не считаютъ себя націоналистами?

Собесѣдникъ взглянулъ на меня съ недоумѣніемъ и даже какъ-будто съ нѣкоторой обидой.

— Нѣтъ... мы...—сказалъ онъ съ маленькой запинкой,—у насъ никакой вражды къ другимъ народностямъ не замѣчается. Мы за равноправіе и свободное сожительство.

Очевидно, собесѣдникъ понялъ слово „національнизмъ“ въ обычномъ, искривленномъ, опошленномъ смыслѣ. Фатальное загрязненіе неповиннаго понятія отъ рукъ союзниковъ и другихъ погромныхъ націоналистовъ!..

— Національнымъ чувствомъ,—поспѣшилъ я разъяснить,—называю я особую, теплую, живую любовь къ своей націи, къ своей родной крови. Безъ всякой вражды къ инородцамъ или чужеземцамъ предпочтеніе и невольное, естественное влеченіе къ своимъ одноплеменникамъ.

— О, это!—просіялъ собесѣдникъ.—Въ такомъ смыслѣ всѣ старообрядцы націоналисты. Да иначе и быть не можетъ. Вы вѣдь знаете, какъ совершаются у насъ браки, какъ держится семья, какъ невольно старообрядцамъ приходилось жаться другъ къ другу.

Онъ подумалъ и мягко, вдумчиво, особымъ согрѣтымъ тономъ продолжалъ:

— Знаете, хорошо, конечно, что преслѣдованія старообрядцевъ заканчиваются. Но было отъ нихъ не одно худо. Они сплачивали старообрядцевъ, заставляли ихъ объединяться, давать отпоръ. Закалялось упорство, развивалась энергія. Охранялась чистота крови. И, знаете, кого старообрядцы въ этомъ отношеніи напоминаютъ? Евреевъ. И тѣхъ, и другихъ цѣлые вѣка преслѣдовали, и тѣ, и другіе научились коллективно обороняться отъ жизни.

Ему, видимо, припомнился удачный примѣръ. Помолчавъ, онъ, тепло улыбаясь, продолжалъ:

— Въ западныхъ губерніяхъ есть старообрядческія села, вкрапленныя въ чуждую среду. Жители терпѣли долгія гоненія отъ чиновниковъ, полиціи, духовенства да отчасти и отъ населенія. Поэтому жили они замкнуто, не роднились, не смѣшивались съ окружающимъ пестрымъ населеніемъ, надѣялись только на себя, на взаимную поддержку. И любопытно, какая вещь получилась. Смѣшанное, текучее населеніе вокругъ старообрядцевъ жалуется на евреевъ, на ихъ юркость, пронырливость, на отбиваніе работы, то-есть, правильнѣе

говоря, жалуются, что евреи практичнѣе, энергичнѣе и находчивѣе ихъ. Но со стороны старообрядцевъ никогда ни одной жалобы на евреевъ не было. Никакихъ непріятныхъ качествъ въ евреяхъ они не замѣчаютъ. Да и понятно: они сами очень упорны, хозяйственны, очень держатся другъ за друга. И живутъ старообрядцы, въ сущности, очень зажиточно. И торговлю изъ ихъ рукъ евреи не вырываютъ, и ремесла, и прочее. Да,— закончилъ онъ съ маленькой самодовольной улыбкой,— и преслѣдованія свою пользу приносятъ. Евреямъ и старообрядцамъ не слѣдуетъ этого забывать.

И мнѣ показался его жизненный примѣръ знаменательнымъ. Національныхъ группировокъ сейчасъ боятся, какъ-будто изъ нихъ неизбѣжно вспыхнутъ погромныя столкновенія. Пріятное наслѣдіе бюрократическаго строя: правительство такъ искусно дѣлало національную работу, что интеллигенція теперь не вѣритъ другъ другу, не вѣритъ и естественнымъ пробужденіямъ здороваго національнаго чувства, боясь такихъ же послѣдствій, какія давалъ казенный націонализмъ.

Но въ простой, естественной жизни не выходитъ ли обратное? Не враждебно ли разрозненное, ослабѣвшее населеніе тѣмъ иноплеменникамъ, которые, опираясь на свои національныя организаціи, успѣшно борются съ житейскими невзгодами (въ частности евреи)?

И не проще ли, не дружелюбнѣе ли будетъ относиться каждая національность къ другой, когда всякая изъ нихъ будетъ опираться на внутреннюю организацію, на внутреннюю самопомощь?

Мой собесѣдникъ—главарь старообрядцевъ—именно эту мысль и подчеркивалъ, причемъ въ словахъ его сквозило искреннее дружелюбіе къ евреямъ и другимъ инородцамъ. И явственно теплилось въ его рѣчи довольное любованіе стойкостью и самостоятельностью старообрядцевъ.

И. Жилкинъ.

Политическія письма.

Когда я читалъ, какъ г. Владиміръ Ж. подкалывалъ еврейскимъ вопросомъ русскую интеллигенцію, я живо вспомнилъ этого милаго и симпатичнаго человѣка, вспомнилъ обычную суровую разсудочность стратегическихъ его соображеній и не могъ безъ внутренней усмѣшки, которую пусть онъ мнѣ проститъ, разбирать его военныя хитрости:

— Хочетъ стравить русскую и еврейскую интеллигенцію, чтобы евреи всѣ писали на жаргонѣ, думали только о красотѣ Сіона и собирались въ Палестину.

Не знаю, какъ у самого г. Владиміра Ж. выходитъ жаргонъ, думаю, однако, что жаргонъ этотъ сильно испортили ему тѣ красивые и пѣвучіе русскіе стихи, которые онъ писалъ когда-то.

Г. Чириковъ нашелъ себѣ сразу и защитника, и прокурора въ г. Владимірѣ Ж., который очень умно защищалъ г. Чирикова, чтобы имъ попрекнуть русскую интеллигенцію за молчаніе по еврейскому вопросу, когда, по его мнѣнію, слѣдовало говорить и говорить.

По словамъ г. Владиміра Ж., если русская прогрессивная печать теперь не говоритъ часто объ еврейскомъ вопросѣ, то это потому, что въ сущности въ душѣ-то она и сама едва ли не рада заминкѣ съ нимъ. Идеалы, Бѣлинскій, Толстой и пр., велятъ стыдиться антисемитизма, но душа-то все-таки русская,— что противъ нея подѣлаешь! И г. Владиміръ Ж. тутъ же прощаетъ лукавицѣ:

— Кто, въ самомъ дѣлѣ, совершененъ на землѣ? Но все-таки пусть она признается,—ну, не антисемитична она, но евреи все-таки ей тошны и она хотѣла бы быть безъ евреевъ!!

Ахъ, дорогой прокуроръ! Отстаньте вы съ этой докукой! Почему она вамъ кажется остроумной? Не до исповѣдей,—довольно допросовъ и кругомъ.

Вы-то и безъ другихъ, конечно, отлично видите то, что ясно и явно стоитъ передъ глазами всѣхъ.

Конечно, это только смѣшно, когда по поводу чириковскаго эпизода г. Струве заявляетъ, что и русскій народъ имѣетъ право на свое „національное лицо“.

Это открытіе смѣшно и забавно напоминаетъ прозрѣніе г. Струве на Елагиномъ островѣ, и октябристы, торжествуя, уже ведутъ г. Струве за носъ въ уголъ, приговаривая:

— А признался теперь, наконецъ! Вотъ и В. Голубевъ заговорилъ о „великодержавной національности русской“. Недавно еще В. Голубевъ такимъ языкомъ въ „Товарищѣ“ не говорилъ! Теперь и вы переходите въ нашу вѣру, теперь и вы согласны, что въ освободительномъ движеніи евреи забрали силу и если его, это освободительное движеніе, ликвидировали, то и правильно, ибо оно было еврейское. А національное чувство только теперь въ васъ просыпается—благодаря намъ!!

„Національное лицо“, которое у себя нащупалъ г. Струве только въ пику нѣкоторымъ ораторамъ ходотовскаго вечера, конечно, забавно, но во всемъ этомъ чириковскомъ эпизодѣ есть и очень серьезная сторона, о которой теперь на передышкѣ освободительнаго движенія, можетъ-быть, и не лишне поговорить.

Это—вопросъ такта въ отношеніяхъ между русской и еврейской интеллигенціей.

Что послѣдняя его частенько и съ весьма напрасной властностью нарушала, отрицать это муд-

рено. Когда въ разгаръ освободительнаго движенія союзы и всякія организаціи пошли въ ходъ, евреи чисто внѣшнимъ образомъ такъ пестрили первый планъ, что дали реакціи злорадную утѣху все движеніе выставить „ненаціональнымъ“, а то и прямо еврейскимъ. Это ложь, но къ этой лжи прибавилось и фактическое засиліе реакціи. Сила солому ломитъ, и если реакція не поставила своего „обвиненія“ серьезно, то все-таки наклеила его на заборъ для прочтенія всѣмъ проходящимъ.

И вовсе не въ томъ была причина этому „обвиненію“ освободительнаго движенія въ ненаціональности, что среди дѣятелей революціи было много евреевъ, вотъ реакція на нихъ и озлилась. Нѣтъ, дѣло было въ большомъ количествѣ маленькихъ и крупныхъ безтактностей, рѣзкостей и обостреній всякаго рода, которыхъ тысячи были походя совершены маленькими и большими дѣятелями изъ евреевъ—въ итогѣ къ большому вреду освободительнаго движенія и самихъ евреевъ.

Теперь, когда эти годы—въ прошломъ, г. Владиміръ Ж., вѣроятно, согласится, что провести еврейскій вопросъ такъ полно, какъ онъ желалъ бы, у движенія тогда реальныхъ силъ не было, и одно умноженіе разговоровъ объ этомъ, конечно, силъ этихъ не прибавило бы, а лишь бы помогло врагамъ общерусскаго движенія, отрицателямъ его государственности.

По существу же своему это обвиненіе русской интеллигенціи въ замалчиваніи еврейскаго вопроса,—конечно, невѣрно. Русскія прогрессивныя газеты чаще и ярче говорили въ защиту евреевъ, чѣмъ газеты, ведомыя еврейской интеллигенціей. Этого тоже г. Владиміръ Ж. отрицать не станетъ, конечно.

Что же—и еврейская интеллигенція асемитична?

Прибавлю тутъ же,—я и одной соломинки вины не кладу на евреевъ за неудачи русскаго движенія. Это было бы лишь малодушіемъ. Движеніе это было

русское, шло оно изъ самыхъ нѣдръ русской вольной души и главная отвѣтственность была за него на русскихъ же, которые и благоволили бы лучше разобраться въ своихъ шансахъ. Положеніе было само по себѣ исключительно трудное, и удачи можно было ждать только отъ случайностей: слишкомъ все вылилось неожиданно и несорганизовано. Но кто-нибудь все-же причиненъ въ томъ, что русскіе зубры съ такимъ наслажденіемъ хлещутъ движеніе 1905—1906 гг. какъ „ненаціональное", „еврейское" и пр.?! Еврейской интеллигенціи приходится принять на себя часть расходовъ за разбитые черепки. Пусть ей это будетъ урокомъ — не къ молчанію и скрытности, а къ болѣе чуткому такту и къ наблюденію за собой самой.

Если бы кто сказалъ обо мнѣ, что я не желаю искренно полной свободы еврейскому народу въ Россіи, вѣря искренно же, что свободный русскій народъ мирно и къ взаимной выгодѣ уживется съ освобожденнымъ еврействомъ, то, вѣроятно, и самъ г. Владиміръ Ж. вступился бы за меня,— немало часовъ провели мы съ нимъ въ разговорахъ на эту тему.

Но спрошу я г. Владиміра Ж.: что же, это было тактично, когда въ моментъ торжества реакціи надъ освободительномъ движеніемъ, когда его заушали, какъ хотѣли, называя и грабежнымъ, и измѣническимъ, и разбойнымъ, и огарочнымъ, и всяческимъ,— было ли это тактично, что именно еврей-публицистъ выскочилъ и возопилъ, насколько хватило въ груди крику:

— Но что же и за сволочь валитъ къ намъ изъ этого освободительнаго движенія?!

Почему вышло такъ, что это сказалъ еврей?

Исторія ничтожная, но очень видная. И если г. Владиміръ Ж. переберетъ только журнально-газетные эпизоды послѣднихъ нашихъ лѣтъ, то не думаю, чтобы онъ призналъ много политическаго такта за перьями иныхъ, именно еврейскихъ публицистовъ.

— Хороши и ваши русачки, — можетъ отвѣтить онъ.

— Да, — соглашусь, — есть отмѣнные! Но ихъ и резонятъ ежедневно, да и разговоръ теперь о нихъ.

Г. Чириковъ, конечно, былъ правъ, когда оттолкнулъ отъ себя то, въ чемъ увидѣлъ попытку стѣснить его свободу сужденія, мнѣнія, установить какое-то старшинство мнѣніямъ. Я радъ, если этой попытки вовсе и не было, какъ утверждаютъ объяснительныя письма, но нисколько не сожалѣю, что вся эта исторія произошла и нѣсколько провентилировала отношенія между русской и еврейской интеллигенціей.

Я помню, какъ-то говорилъ г. Владиміру Ж., что легенда о вѣчномъ жидѣ, о вѣчномъ странствіи еврейства немало принесла вреда евреямъ. Она пріучала и пріучила народы смотрѣть на евреевъ какъ на какое-то „перекати-поле“, которое, если непріятно кому, то только стоитъ понажать... понадавить... смотришь — непріятный народъ и откатится дальше. Онъ, вѣдь, привыченъ откатываться!.. И евреевъ понажимали, понадавливали, какъ кому нравилось.

Въ Россіи, однако, евреи приросли прочно, и г. Владиміръ Ж. никогда ихъ въ Палестину изъ нея не уведетъ. И русскимъ, и евреямъ должно привыкать жить, какъ туземцамъ одной и той же земли, сыновьямъ одной и той же страны, и не бояться говорить другъ о другѣ полную и прямую правду. Вѣдь, неправда это — рабство. Никто его себѣ не захочетъ.

Алексѣй Порошинъ.

Мысли.

Я гдѣ-то читалъ про такой случай: дѣти играли на кучѣ мусора, нашли какой-то круглый металлическій предметъ, стали ковырять его и проч. Предметъ оказался бомбой. Впечатлѣніе такого „случая“ производитъ инцидентъ между Чириковымъ и Шоломомъ Ашемъ, гдѣ была такая же дѣтская забава надъ мусоромъ и гдѣ такъ же подвернулся „предметъ“, который стали ковырять съ дѣтской наивностью и доковырялись до взрыва. Кто бы могъ подумать, что скромный ужинъ у Ходотова завершится пушечной пальбой по всему фронту нашей публицистики, что онъ разожжетъ страсти, съ такимъ трудомъ умиротворенныя, вызоветъ изъ могилъ тѣни прошлаго, разссоритъ вчерашнихъ друзей, заставитъ говорить тѣхъ, кто привыкъ молчать и молчать тѣхъ, кто привыкъ говорить, поколеблетъ партійные устои, поколеблетъ даже устои государственные?.. Я не шучу, господа. Посмотрите, куда заманила насъ чириковская Марія Ивановна—гораздо дальше, чѣмъ въ Севастополь и Ялту, куда она сама была завлечена страстью къ сценѣ. Въ домашнемъ быту Маріи Ивановны произошла драма, близкая къ той, что творится теперь въ русскомъ обществѣ: пріѣхалъ актеръ, устроилъ любительскій спектакль, Марія Ивановна съиграла, заразилась страстью къ сценѣ, начхала на мужа и семью и собралась къ актеру въ Ялту. Роль актера у насъ съиграла „конституція“. Она дала намъ возможность

съиграть въ любительскомъ спектаклѣ, увѣровать въ свои силы и устремиться въ пространство за яркой мечтой, порвавъ съ сѣрой дѣйствительностью. Но, какъ и Марія Ивановна, въ послѣднюю минуту мы раздумали и въ Ялту не поѣхали. Мы остались „дома“,— мы стали тянуть старую лямку, брюжжа и вымещая наше разочарованіе на домашнихъ. Къ числу этихъ домашнихъ относятся и евреи. Неудавшаяся экскурсія въ Ялту заставляетъ насъ ворошить еврейскій вопросъ. Бомба, которую расковыряли наивные пальцы схватившихся драматурговъ, еще никого не убила, хотя многихъ ранила. Но если и впредь дѣти будутъ такъ шалить, если мы не приберемъ нашего мусора и не отдѣлимъ отъ него такихъ предметовъ, какъ начиненныя бомбы, можетъ случиться и хуже...

Къ числу раненыхъ бомбой еврейскаго вопроса пока слѣдуетъ причислить гг. Струве, Голубева и Владиміра Ж. Эти господа, весьма причастные къ освободительному движенію и впослѣдствіи разочаровавшіеся въ немъ, ищутъ, какъ извѣстно, новыхъ путей въ политикѣ. Не такъ давно г. Струве, наткнувшись на идею государственности, воскликнулъ: „Эврика!“ и устремился всѣдъ за этой путеводной звѣздой. Я не слѣдилъ до конца за интереснымъ споромъ между апологетами государственности и апологетами гражданственности, но, думаю, врядъ ли г. Струве удалось одержать побѣду. Вопросъ, какъ и большинство другихъ, повисъ въ воздухѣ полурѣшеннымъ, а г. Струве умолкъ, прислушиваясь, повидимому, къ дальнѣйшимъ фазисамъ творящейся въ немъ эволюціи. Она не шуточна, эта эволюція русской души, если судить по послѣднимъ выступленіямъ ex-издателя „Освобожденія“. Въ противовѣсъ лику человѣческому, которому усердно служилъ и молился г. Струве въ прошломъ, онъ открылъ теперь ликъ „національный“, которому намѣренъ посвятить свои силы въ будущемъ. Этимъ національнымъ ликомъ или „лицомъ“ должны повернуться русскіе къ

евреямъ, полякамъ, нѣмцамъ и инымъ народностямъ; въ свою очередь и этимъ народностямъ разрѣшается облечься въ ликъ, сирѣчь повернуться къ русскимъ соотвѣтствующимъ „лицомъ“. Такимъ образомъ, подъ сводомъ неогосударственности, порабощающей старую гражданственность, имѣетъ расцвѣсти неонаціонализмъ, ведущій черезъ „отталкиваніе“ къ „притяженію“. Г. Струве предлагаетъ упразднить націонализмъ всероссійскій, націонализмъ государственный, раздробивъ его на націонализмы (фанатизмы?) расовые. Раздробивъ цѣлое на части, онъ полагаетъ, что части получатъ новую жизненность, новую опору и оттого выиграетъ цѣлое. Теорія эта можетъ казаться остроумной, но она не нова. Не такъ давно ей посвятилъ рядъ статей г. Меньшиковъ, и статьи эти, слѣдуетъ признать, были много убѣдительнѣе статей г. Струве. Теорія раздробленія на части цѣлаго, ради приданія этимъ частямъ большей силы, жизненности, вообще не нова: она заимствована, кажется, изъ химіи. Быть можетъ, и впрямь расовое самоопредѣленіе выиграетъ отъ раздробленія національнаго чувства. Быть можетъ, евреямъ станетъ легче жить, когда русскіе обратятся къ нимъ своимъ „національнымъ лицомъ“, а евреи къ русскимъ— своимъ. Но какъ поставить эту метаморфозу въ связь съ идеей государственности, которая, по теоріи г. Струве, должна поглотить гражданственность? Подъ сводами такой государственности столпились люди одѣтые въ одинаковыя, соотвѣтствующія стилю обстановки, одежды. Теперь предполагается дать имъ разное одѣяніе, соотвѣтствующее не обстановкѣ, а личнымъ вкусамъ и признаніямъ. Такимъ образомъ, сверху — всѣхъ объединяющая и равняющая государственность, а внутри — всѣхъ разнящая и отталкивающая національность... Теорія, понятно, все трепитъ, но жизнь слагается практикой...

Практика всемірная, а не исключительно-русская, указала, что у евреевъ имѣется лицо „расовое“, а

не національное и что это однообразное расовое лицо вовсе не мѣшаетъ имъ разнообразно націонализироваться. Англійскіе евреи націонализированы англичанами, французскіе — французами, польскіе — поляками, испанскіе — испанцами и даже, частью, русскіе — русскими. У еврейской расы, не имѣющей отечества, выработалась особая легкость къ нанаціональному самоопредѣленію. Такъ люди, лишенные отъ рожденія зрѣнія, развиваютъ въ себѣ осязаніе. Не проникаясь любовью къ отечеству, евреи пронизываются зато симпатіей къ національности: русскій еврей, особенно за границей, часто болѣе насыщенъ русскимъ націонализмомъ, чѣмъ великоросъ.

На мой взглядъ, ничего нѣтъ легче, какъ націонализировать евреевъ: стоитъ имъ лишь предоставить равноправіе. Другой вопросъ, какими экономическими послѣдствіями отразится на русскихъ эта мѣра. Но мы говоримъ объ этикѣ, а не экономикѣ. Съ точки зрѣнія этики, я нахожу теорію г. Струве непріемлемой уже потому, что у евреевъ нѣтъ и не можетъ быть своего собственнаго, еврейскаго національнаго лика, а есть только расовый (семитскій). Нельзя поэтому предложить евреямъ облечься въ личину, которой у нихъ нѣтъ. Что же касается лика расоваго, то углубленіе чертъ его, въ интересахъ государственныхъ, слѣдуетъ признать крайне вреднымъ. Идея государства, какъ мнѣ кажется, заключается въ томъ, чтобы сгладить расовую рознь единствомъ національнымъ. Эта идея дала пышный ростъ великимъ имперіямъ древности. Поэтому еврейскій вопросъ разрѣшится, кажется, не раздробленіемъ общерусскаго „національнаго лица“ на его составныя части, а торжествомъ этого коллективнаго лика надъ раздробленнымъ ликомъ расовымъ.

Рославлевъ.

О монополіи на патріотизмъ.

Полемика по національному вопросу, повидимому, все болѣе и болѣе разгорается. И это хорошо. Національный вопросъ для Россіи въ *данный* моментъ упадка общественнаго настроенія является однимъ изъ тѣхъ, правильное выясненіе которыхъ и даже самая постановка, несомнѣнно, могутъ лучше, чѣмъ какой-либо другой изъ крупныхъ политико-моральныхъ вопросовъ, содѣйствовать подъему общественнаго духа и политической мысли, ушедшей въ послѣднее время отъ политики въ эстетику. Но, чтобы этотъ вопросъ правильно обсуждался, необходимо, намъ кажется, самымъ рѣшительнымъ образомъ устранить argumenta ad hominem. А этого рода аргументовъ такъ много, въ особенности въ „Нашей Газетѣ", что за ними суть дѣла совершенно исчезаетъ. Къ чему всѣ эти жалкія слова о покаяніи, обо мнѣ и г. Струве, какъ бывшихъ освобожденцахъ, къ чему эти указанія на всѣ семь смертныхъ буржуазныхъ грѣховъ, въ которыхъ повинны мы, какъ представители какой-то выдуманной „Нашей Газетой" „новой интеллигенціи"? Грѣхи—грѣхами. О нихъ въ свое время была уже рѣчь, будетъ и впредь. А теперь вопросъ идетъ о національнизмѣ и патріотизмѣ. Еще болѣе странными кажутся намъ аргументы и „Нашей Газеты", и „Рѣчи" въ смыслѣ якобы сочувствія намъ со стороны „Новаго Времени", „Русскаго Знамени" и пр., и пр. Пишущаго эти строки „Новое Время" иной разъ со своеобразнымъ сочувствіемъ цитировало даже и тогда, когда онъ принималъ самое близкое участіе въ „Нашей

Жизни" и Товарищъ". Случалось, вѣдь, что „Новое Время" сочувственно цитировало и другихъ сотрудниковъ изъ того же „Товарища". Развѣ это что-нибудь доказываетъ? Развѣ это аргументъ по существу? А насчетъ покаяній и самокритики,—развѣ та же „Наша Жизнь" и „Товарищъ" мало подвергались нападкамъ со стороны настоящимъ ортодоксовъ?

Думается мнѣ, что всѣ эти argumenta ad hominem мало способствуютъ выясненію сущности вопроса.

Постараюсь отвѣтить по существу на два „пункта", выдвинутыхъ противъ меня: во-первыхъ, о монополизированіи патріотизма правыми элементами, а, во-вторыхъ, по вопросу о державности русской національности. Отвѣчу пока на первый пунктъ.

На мои замѣчанія о томъ, что по вопросу о монополизаціи патріотизма реакціонными группами нельзя отдѣлываться пренебрежительнымъ кивкомъ, „Наша Газета" спрашиваетъ: „Что же, онъ хочетъ конкуррировать съ ними на почвѣ *ихъ* патріотизма? Точно мы не знаемъ. что всюду, во всѣхъ странахъ, господствующія партіи спекулируютъ „патріотизмомъ" Дубровиныхъ и Пуришкевичей и точно демократія не противопоставляетъ имъ съ полнымъ правомъ *свой* „патріотизмъ"! Да, вотъ именно не противопоставляетъ. Въ этомъ все и дѣло. О необходимости этого противопоставленія я и говорю. Да, съ реакціоннымъ патріотизмомъ нужно конкуррировать народнымъ патріотизмомъ.

Ни во время русско-японской войны, ни тѣмъ болѣе тотчасъ послѣ нея мы, въ особенности интеллигенція, національной идеи и патріотизма въ высокомъ смыслѣ этого слова не противопоставили съ достаточной силой „патріотизму" бюрократическому и реакціонному. Въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ черносотенному патріотизму мы такъ и застыли, а если противопоставили ему что, такъ не патріотизмъ, а общечеловѣческіе идеалы, какъ это было, напр. въ средѣ соціалистическихъ партій, тотчасъ послѣ 17-го октября. И даже тогда, когда собралась уже 1-я Гос. Дума и когда уже на-

ступалъ творческій періодъ, переходъ къ самоустроенію народа, а критика должна была отступить передъ положительными задачами, патріотизмъ все-таки понимался нами не иначе, какъ только въ кавычкахъ. Вопросы о достойной ликвидаціи позорной войны, вопросы о судѣ надъ всѣмъ, что привело къ этой войнѣ и что происходило въ ней, если и поднимались тогда, то только случайно. 1-я Дума именно ихъ должна была бы поставить на первую же очередь, а вышло такъ, что иниціативу ликвидаціи войны и суда надъ нѣкоторыми ея героями взяла на себя бюрократія. Общей же идеи о возстановленіи нашей національной силы въ глазахъ хотя бы той же Европы, которая не отдѣляетъ и не можетъ отдѣлять народа отъ бюрократіи, мы не поднимаемъ и до сихъ поръ или поднимаемъ слабо, отводя этого рода вопросамъ третьестепенное мѣсто.

Не шутка и опозореніе самого слова „русскій", превращеннаго въ „истинно-русскій". Я слышалъ, какъ послѣ рѣчи г. Дурново въ Государственномъ Совѣтѣ „о среднемъ" русскомъ человѣкѣ, якобы оправдывающемъ смертныя казни, одинъ несомнѣнно прогрессивный русскій интеллигентъ хотѣлъ ввести въ обиходъ и „средняго русскаго" человѣка съ такимъ же смысломъ, какой приданъ уже „истинно-русскому" человѣку. Безъ сомнѣнія, все это слова. Но слова прививаются и становятся понятіями. Захватъ монополіи патріотизма — правыми группами—это одна изъ весьма и весьма тягостныхъ ошибокъ, допущенныхъ прогрессивной частью нашего общества. Безъ сомнѣнія, напр., Влад. Соловьеву въ его время не нужно было противопоставлять своего національнаго русскаго патріотизма зоологическому націонализму реакціонеровъ или узко-государственному патріотизму Страхова, Данилевскаго, противопоставлявшихъ Россію Европѣ. Въ глубокомъ патріотизмѣ Влад. Соловьева сомнѣній быть не могло. Въ то время, когда онъ писалъ, существованію Россіи ничто не могло угрожать, и Влад. Соловьевъ смѣло могъ говорить только о „нравственныхъ недугахъ" Россіи, остав-

ляя въ сторонѣ „физическіе“. Но и у него русскій патріотизмъ сквозилъ изъ каждой строчки, когда онъ говорилъ не просто о существованіи, а о достойномъ существованіи Россіи. Мы же находимся въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ даже и для существованія Россіи, мы болѣемъ теперь не только нравственнымъ, но и физическимъ недугомъ, а потому задачей нашего патріотизма является соединеніе въ себѣ достойнаго существованія Россіи просто съ ея существованіемъ.

Нельзя забывать настоящаго момента, который мы сейчасъ переживаемъ въ отношеніи международныхъ осложненій и нашего положенія среди другихъ державъ. Постановка вопроса о нашемъ патріотизмѣ и національной идеѣ теперь, когда крикливый шовинистическій патріотизмъ правыхъ и бюрократіи прячется въ кусты, какъ-разъ является своевременнымъ. И „Слово“ было чуть ли не единственной газетой, указавшей на антинаціональный тонъ рѣчи г. Гучкова, когда онъ заявилъ въ Думѣ о нашей слабости. Мы сказали тогда, что г. Гучковъ забылъ о существованіи русскаго народа.

Дѣло не въ еврейскомъ вопросѣ, съ котораго началась вся эта полемика. Дѣло въ болѣе широкомъ національномъ вопросѣ, въ подъемѣ національнаго русскаго чувства, какъ основы единства Россіи. И потому изъятіе патріотизма изъ реакціоннаго лагеря въ прогрессивный теперь является задачей времени, лозунгомъ не въ сторону поддержки реакціи, а въ сторону ея пониженія.

Вас. Голубевъ.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Полемика о національномъ продолжается, но нельзя сказать, чтобы статьи П. Б. Струве и В. С. Голубева, выступившихъ въ „Словѣ“ съ горячей защитой національнаго, много способствовали уясненію даннаго вопроса въ умахъ читателей. Обвиняя своихъ оппонентовъ въ уклончивости, въ нежеланіи давать прямые отвѣты, они сами именно этой болѣзнью и страдаютъ; въ ихъ построеніяхъ очень много недосказаннаго и неяснаго; о многомъ приходится догадываться лишь путемъ сопоставленія отдѣльныхъ фразъ, и въ концѣ-концовъ не вполнѣ ясно даже, въ какой плоскости создаютъ гг. Струве и Голубевъ свои построенія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что вся ихъ проповѣдь — невинныя упражненія на чисто литературныя темы. Г. Струве заявляетъ, что онъ любитъ Левитана, какъ „русскаго“ художника, что, если и есть великіе еврейскіе художники, то они въ его душѣ „не шевелятъ и не могутъ шевелить ничего такого, что въ ней поднимаетъ Левитанъ“, но тутъ же прибавляетъ, что національное чувство, „духовныя притяженія и отталкиванія“ не должны вторгаться „въ холодныя и безстрастныя велѣнія закона“, что „рѣшеніе національныхъ вопросовъ можетъ быть основано лишь на моральныхъ и политическихъ принципахъ и не должно зависѣть отъ чувствъ“. Г. Голубевъ тоже первоначально предполагаетъ трактовать національный вопросъ „со стороны чувствъ и настрое-

ній", противопоставляя такую постановку вопроса его политическому разрѣшенію. При такой постановкѣ вопроса у читателя могло, однако, возникнуть недоумѣніе, какое ему дѣло до художественныхъ вкусовъ и до интимныхъ притяженій и отталкиваній г. Струве. Наличности такихъ притяженій и отталкиваній (и не только конечно, національныхъ) никто никогда не отрицалъ, но тотъ фактъ, что какой-нибудь сѣверянинъ не согласится промѣнять свою хмурую родину на яркое небо Италіи, можетъ представить публицистическій интересъ только въ томъ случаѣ, если изъ этого факта можно сдѣлать какіе-нибудь выводы. И дѣйствительно, мы очень скоро убѣждаемся, что не въ Левитанахъ и не въ естественныхъ до зоологичности притяженіяхъ и отталкиваніяхъ тутъ дѣло.

Уже въ первой статьѣ, подчеркивая, что національное чувство не должно вторгаться „въ холодныя и безстрастныя велѣнія закона", г. Струве тѣмъ не менѣе очень сильно осуждаетъ россійскую соціалъ-демократическую партію за то, что она назвала себя „россійской", а не „русской". Какъ умный человѣкъ, г. Струве не сталъ бы придираться къ словамъ, если бы за словами не предполагалъ вполнѣ опредѣленнаго содержанія, и потому упрекъ с.-д. уже является мостомъ, который долженъ перенести насъ изъ области зоологіи и эстетики въ область политики. Во второй статьѣ, написанной спустя нѣсколько дней, г. Струве идетъ уже гораздо дальше. Здѣсь онъ категорически заявляетъ, что „разумное рѣшеніе вопросовъ права угашеніемъ національнаго чувства не только не облегчается, а, наоборотъ, затрудняется"; тутъ онъ говоритъ о полной законности „сильныхъ, подчасъ бурныхъ" чувствъ, прикрѣпляющихся къ національнымъ вопросамъ и являющихся „выраженіемъ сознанія своей національной личности". Иными словами—„холодныя и безстрастныя велѣнія закона" уже отданы здѣсь во власть чувствъ, да притомъ еще бурныхъ, а всѣ краснорѣчивыя разсужденія о Левитан оказываются не болѣе чѣмъ риторическимъ украшен

емъ. Выразивъ полную готовность строить уже политическую программу на національностическихъ основахъ, г. Струве предпочитаетъ, однако, не договаривать о дальнѣйшемъ, т. е. не вскрывать опредѣленнѣе содержанія такой программы. Объ этомъ читателю приходится либо догадываться путемъ метода исключеній, исходя изъ невозможности наполнить національностическую программу какимъ-либо содержаніемъ, инымъ, чѣмъ вкладываемое въ нее „Новымъ Временемъ", либо основываться на такихъ отдѣльныхъ выраженіяхъ, какъ признаніе готовности реабилитировать даже „бурныя" чувства, прикрѣпляемыя къ національному вопросу. Конечно, и тотъ, и другой методъ достаточно ненадеженъ, но при расплывчатости построеній г. Струве ему придется винить самого себя, если читатели поставятъ его въ близкое сосѣдство съ такими группами, отъ которыхъ онъ готовъ отшатнуться.

Менѣе осторожный и болѣе простодушный г. Голубевъ отличается въ своихъ построеніяхъ большой прямолинейностью. Онъ все время говоритъ о „державной" русской національности, печалуется, что эта „державная" національность остается „въ униженномъ видѣ", говоритъ о необходимости поднять „русскую національность, какъ державную". Какъ видимъ, здѣсь уже не только положенъ мостъ, но и совершился полный переходъ въ область политики, причемъ политики достаточно опредѣленной. Какіе тутъ Левитаны, когда рѣчь идетъ о поднятіи русской національности, какъ *державной?* Понятіе „державности" болѣе или менѣе ясно, и очень трудно согласовать задачу поднятія русской національности, какъ державной, съ признаніемъ принципа правоваго равенства національностей, устанавливаемаго г. Струве. Есть и у Голубева и еще одна фраза, которая можетъ быть истолкована въ еще болѣе опредѣленномъ смыслѣ; это—заявленіе о томъ, что онъ считаетъ національный вопросъ съ политической стороны „въ главныхъ чертахъ рѣшеннымъ". Сопоставленіе этого заявленія съ приведенной выше формулировкой поло-

жительной задачи рисуетъ вполнѣ опредѣленную программу. Если съ политической стороны національный вопросъ рѣшенъ въ главныхъ чертахъ, то всѣ притязанія поляковъ, евреевъ и другихъ инородцевъ на гражданское равенство и признаніе правъ ихъ языка не имѣютъ подъ собой почвы; вмѣсто этого надо поднимать русскую національность и поднимать ее какъ державную. Ну чѣмъ не нововременская программа?

Мы помнимъ, что писали до сихъ поръ гг. Струве и Голубевъ, и потому намъ трудно допустить мысль о сознательномъ поворотѣ ихъ въ сторону узкаго и неизбѣжно реакціоннаго шовинизма. Охотно готовы по этому заранѣе признать возможность ошибки съ своей стороны и неправильнаго пониманія ихъ мыслей. Но пусть они спокойно перечтутъ свои статьи и посмотрятъ, какіе практическіе выводы изъ этихъ статей можно сдѣлать. Вѣдь недаромъ же и „Новое Время“, и „Россія“ выразили имъ свое полное сочувствіе. „Новое Время“ по поводу словъ г. Голубева заявляетъ, что „это такая справедливая программа, что подъ нею подпишется и антисемитическое изувѣрство“, а „Россія“ видитъ въ проповѣди г. Струве противопоставленіе русскаго націонализма „еврейскому засилью“ и очень его за это одобряетъ.

Г. Струве, возражая своимъ оппонентамъ, категорически отвергаетъ ссылку на „проекцію“, какую его слова могутъ дать „въ живой дѣйствительности“, считая подобную ссылку не аргументомъ по существу, а полемическимъ пріемомъ. Но развѣ публицистъ можетъ игнорировать то, какимъ образомъ его слова будутъ поняты его читателями? Вѣдь пишетъ онъ для этихъ читателей, и потому ссылка на возможность извращеннаго пониманія извѣстныхъ мыслей никакъ не можетъ быть названа простымъ полемическимъ пріемомъ. Она прежде всего обязываетъ къ пересмотру своихъ построеній и къ болѣе точной ихъ формулировкѣ, чего такъ недостаетъ и г. Струве, и г. Голубеву, а если все-таки и этимъ способомъ нельзя избѣжать грубыхъ недоразумѣ-

ній и рѣзкихъ непониманій, это значитъ, что есть что-то въ общественной атмосферѣ, мѣшающее трезвому обсужденію данныхъ вопросовъ. Во всякомъ случаѣ, за гг. Струве и Голубевымъ остается долгъ передъ публикой: разъ они начали говорить, надо ужъ высказываться болѣе понятнымъ языкомъ, который не оставлялъ бы мѣста всевозможнымъ недоразумѣніямъ.

А. Максимовъ.

Національнизмъ и патріотизмъ.

Пестрыя картины россійскаго калейдоскопа продолжаютъ мелькать передъ сонными глазами русскаго обывателя. Недѣля объ Азефѣ смѣнилась недѣлей о кадетскомъ министерствѣ; недѣля антипольскаго выступленія г. Щегловитова смѣнилась недѣлей національно-русскаго или антиеврейскаго, какъ окрестила его правая печать, выступленія части русской интеллигенціи. Эта послѣдняя недѣля оказалась особенно „жаркой“. Въ пылу полемики людямъ, конечно, не до нѣжностей; но та линія рѣзкостей, которая раздѣлила два спорящихъ лагеря,—линія слишкомъ уже, пожалуй, страстная въ нашемъ сонномъ царствѣ,—показываетъ, какихъ больныхъ вопросовъ современности кто-то неосторожно коснулся...

Именно неосторожно. Сначала какіе-то мало воспитанные писатели потащили въ печать частный инцидентъ, мѣсто которому самое большее въ частномъ же третейскомъ судѣ, а ужъ никакъ не въ печати. Отъ этого неосторожнаго шага, какъ выразился одинъ публицистъ, „взорвалась бомба“. Осколки бомбы полетѣли въ разныя стороны, однихъ задѣли, а другихъ и серьезно ранили... Кто именно оказался серьезно раненымъ,—не трудно догадаться, но сейчасъ мы не объ этомъ хотимъ говорить. Мы хотимъ коснуться существа вопроса, поскольку вообще это существо можетъ быть сколько-нибудь полно выяснено въ газетныхъ статьяхъ.

Существо вопроса,—какъ оно выяснилось въ спорѣ, —состоитъ въ томъ, что русской интеллигенціи брошено обвиненіе въ ненаціональности, въ отсутствіи у ней „національнаго лица“. Къ этому обвиненію привязана теорія „неонаціонализма“, необходимости свободно проявлять свои кровныя черты (расовыя или культурныя?), хотя бы эти черты проявлялись въ чувствѣ „отталкиванія“ отъ другихъ національностей. Съ другой стороны, заявляется, что несчастье Россіи въ томъ, что патріотизмъ, національное чувство, экспропріированы правыми лагерями, а у лѣвыхъ лагерей его нѣтъ. Надо выдумать „лѣвый патріотизмъ“, надо противопоставить патріотизму реакціонному патріотизмъ прогрессивный. Въ этомъ послѣднемъ лозунгѣ собственно пока все существо вопроса: Есть или нѣтъ у насъ прогрессивный патріотизмъ? Нѣтъ, — отвѣчаютъ новые націоналисты. Есть, — отвѣтимъ мы и подкрѣпимъ это не простымъ утвержденіемъ, а исторической справкой.

Въ чемъ можетъ заключаться прогрессивный патріотизмъ? Въ укрѣпленіи *единой народной* Россіи, въ ростѣ *народной* культуры, въ созданіи такой общей государственной крыши, подъ которой могли бы свободно развиваться и *самоопредѣляться* всѣ исторически связанныя съ этой единой Россіей народности (національности). Только такая народная, свободная Россія можетъ завоевать престижъ и въ международной своей позиціи. Все, что внѣ этой программы, все это антипатріотично или, вѣрнѣе, ложно-патріотично. И не странно ли, что именно эту программу утвердилъ внезапно проснувшійся національный *народный* инстинктъ? Въ самомъ дѣлѣ, ни годы страшнѣйшаго голода, когда крестьяне умирали отъ цынги и тифа, ни самыя жестокія формы эксплоатаціи рабочаго, ни политическій гнетъ, сковывавшій всякое проявленіе самодѣятельности, ни, наконецъ, широкая, страстная и безстрастная, всюду проникающая, пропаганда революціонеровъ не могли ни *поднять* русскій народъ, ни

слить его въ единомъ движеніи. Народъ забитый, народъ униженный *внутри* Россіи молча сносилъ всѣ невзгоды своего существованія. Онъ молчалъ, онъ изрѣдка подергивался судорогами, но онъ не могъ найти единой *національной* идеи, которая опредѣлила бы линію его борьбы.

Но вотъ случилось историческое событіе. Народъ русскій, терпѣливый внутри, оказался *безсиленъ* вовнѣ. Его національная мощь оказалась дутой. Злорадный хохотъ другихъ странъ надъ безсиліемъ русскаго колосса смертельно оскорбилъ разбитое *національное лицо*.

И оно выступило...

Именно національное, а не революціонное лицо показала русская революція. Эта связь русско-японской войны, русскаго пораженія съ русской революціей — не случайна. Она закономѣрна. Внѣшняя обида, а не внутреннія страданія заставили русскій народъ пересмотрѣть коренные устои своей жизни. Онъ ихъ пересмотрѣлъ и безповоротно размежевалъ истинный, прогрессивный патріотизмъ отъ патріотизма ложнаго.

Провозгласивъ свободу политическаго и національнаго самоопредѣленія подъ единой россійской крышей, прогрессивный русскій націонализмъ вовсе не проявлялъ въ періодъ всей революціи какихъ-либо чертъ „отталкиванія“ отъ другихъ національностей. Напротивъ, на поляхъ Ляояна и въ моряхъ Цусимы погибли русскіе, евреи, поляки, мусульмане, армяне и пр., и пр. Во время русскаго освободительнаго движенія *братались* тѣ же національности и клялись бороться за свободу—внутри цѣлаго—*каждой* національности. Что это значитъ?

Можно ли сказать, что въ этомъ „революціонномъ“ братаніи проявился антинаціонализмъ движенія? Или, наоборотъ, слѣдуетъ признать, что именно въ этомъ братаніи сказался здоровый инстинктъ, безсознательное чувство *самосохраненія единой* державы,

каковы бы ни были ея политическія и государственныя формы? Или все освободительное движеніе не поняло само себя, жестоко ошиблось? Всѣ эти вопросы о характерѣ и тенденціяхъ освободительнаго движенія, не вызваннаго, а *стихійно вспыхнувшаго* послѣ *внѣшней* неудачи, имѣютъ первостепенную важность, разъ уже зашла рѣчь о „національныхъ сущностяхъ". Съ анализа этого глубоко-патріотическаго движенія и нужно начинать разсмотрѣніе „русскаго державнаго лица".

Не слѣдуетъ забывать, что русская революція вспыхнула въ XX вѣкѣ, когда развивающійся капитализмъ и его требованія толкаютъ всѣ государства къ сплоченію, а не къ разъединенію. Лозунгъ „единая Германія", „единая Франція", „единая Австрія" перекинулся и на Россію, идущую въ своей соціально-экономической эволюціи по тому же пути. Національнизмъ поэтому у насъ развивается и будетъ развиваться *россійскій*, а не *русскій* или *великорусскій*. Вотъ этотъ россійскій національнизмъ мы и видѣли въ 1905—6 годахъ.

И только тогда, когда стали спадать волны освободительнаго движенія, появился на сцену, какъ болѣе или менѣе широкое общественное движеніе, патріотизмъ другой, патріотизмъ и національнизмъ, отталкивающій всѣ другія національности. Именно этотъ патріотизмъ провозгласилъ русскую національность державнымъ хозяиномъ земли россійской, позабывъ, что и всѣ остальныя народности проливали въ *равной мѣрѣ кровь* за спасеніе державной мощи этой земли... Только-что провозглашенная освободительнымъ движеніемъ программа—общая правовая, *государственная* крыша съ широкими правами національной автономности и съ правомъ участія каждой національности въ общероссійскихъ дѣлахъ—была снова объявлена программой разрушительной, вредной и для внѣшней мощи Россіи. И встали съ тѣхъ поръ лицомъ къ лицу двѣ программы, и нѣтъ между ними ничего третьяго.

Теперь это *третье* намъ обѣщаетъ дать. Что же именно? Въ чемъ можетъ выразиться *практически* эта третья, прогрессивная, національно-патріотическая программа? Какія черты отличія отъ программы освободительнаго движенія можетъ она носить? Скажутъ, что освободительное движеніе, руководимое безпочвенными интеллигентами, сдѣлало много ошибокъ. Вѣрно. Но вѣдь ошибки были въ тактикѣ, а не въ программѣ, не въ цѣли, не въ *существѣ* движенія. У широкихъ массъ цѣль была и будетъ одна: добыть политическую свободу, обезпечить право на трудъ и на просвѣщеніе и этимъ укрѣпить пошатнувшуюся мощь государства. Идетъ ли онъ къ этой цѣли, спотыкаясь и блуждая по невѣдомымъ тропинкамъ, или идетъ къ ней прямо, безошибочно,—это безразлично. Кто можетъ указать вѣрные пути,—тому честь и слава. Но что цѣль эта—возстановленіе *народной* мощи и *народной* силы,—единственная цѣль, могущая претендовать на званіе цѣли по преимуществу патріотической,—должно быть безспорнымъ для тѣхъ, кто видитъ физическую рану, нанесенную Россіи японской войной, показавшей и легкую ранимость въ корнѣ больного и въ корнѣ начавшаго гнить организма...

Но еще большее выступленіе національнаго лица *державной русской* народности со всѣми ея традиціонными особенностями подниметъ русскую мощь, а лишь сліяніе національнаго лица *угнетенной русской* народности со всѣми другими *угнетенными* же народностями въ борьбѣ за общероссійскую свободу залѣчитъ всѣ наши раны и обнажитъ не искаженныя, а настоящія національныя лица...

Къ этому надо прибавить еще одно соображеніе или, скорѣе, вопросъ,—да можетъ ли вообще изъ рабовъ состоять нація? Не начинается ли самое сложеніе націи лишь съ момента *народной* свободы? Можетъ ли рабское лицо быть лицомъ національнымъ? Или оно можетъ быть лишь зоологически-ра-

совымъ съ болѣе или менѣе рѣзко выраженными физически-племенными, а не національными чертами, — понимая „націю“ какъ совокупность культурныхъ особенностей? Мы думаемъ, что нѣтъ. Лицо раба не можетъ имѣть національныхъ чертъ. При такомъ отвѣтѣ связь *освободительнаго* отъ рабства движенія съ здоровымъ націонализмомъ еще ярче, еще рельефнѣе...

Итакъ, россійскій или русскій націонализмъ? И если русскій, — то каково его содержаніе, чего онъ хочетъ, кого отталкиваетъ и что къ себѣ притягиваетъ?

Е. К.

Къ „газетной бурѣ“.

Маленькій фактъ, имѣвшій мѣсто за чайнымъ столомъ на квартирѣ г. Ходотова, неожиданно вывелъ на сцену большіе вопросы, и брошенная г. Чириковымъ въ пылу полемическаго задора фраза о русской и еврейской культурѣ, выросла въ общій и страстный споръ о національнизмѣ, со всѣми тѣми осложненіями, какими обычно осложняется у насъ этотъ вопросъ. Обостренность и страстность спора „Слово“ объясняетъ тѣмъ, что основной вопросъ полемики о русскомъ національномъ лицѣ „дѣйствительно назрѣлъ“, что въ „русскомъ обществѣ ощущается потребность національнаго самопознанія“, что „сознается теперь вредный пробѣлъ недавняго прошлаго—болѣзненная совѣстливость своихъ національныхъ особенностей“.

Такъ ли это? Не слѣдуетъ ли чѣмъ-либо другимъ объяснить обостренность, страстность спора, которую вызвали статьи газеты „Слово“? Развѣ нужно искать объективныхъ причинъ, когда на-лицо та удивительная постановка, какую получили важные и сложные вопросы дѣйствительности на страницахъ „Слова“?

Пусть вопросъ о „русскомъ національномъ лицѣ“ дѣйствительно назрѣлъ и дѣйствительно русскимъ обществомъ ощущается потребность національнаго самопознанія („вредный пробѣлъ недавняго прошлаго—болѣзненная совѣстливость своихъ національныхъ особенностей“), мы оставляемъ на совѣсти „Слова“,— такого пробѣла мы не знаемъ, но честь возбужденія

страстности и обостренности спора „Слово“ безусловно можетъ оставить за собой.

Уже въ самомъ поводѣ, по которому возникъ споръ, кроется неправильность его постановки. Ибо когда отвлеченный вопросъ о націонализмѣ и національномъ лицѣ соединяется съ больнымъ для современности еврейскимъ вопросомъ, то неизбѣжно привлекаются къ спору кошмары русской дѣйствительности, въ центрѣ которыхъ стоитъ злосчастный еврейскій вопросъ.

„Споръ“, такимъ образомъ, сталъ сразу на зыбкую почву. Публицисты газеты „Слово“ не только не стали на другую почву, а, наоборотъ, съ культурной плоскости свели споръ на политическую, осложнивъ поднятый чисто культурный вопросъ вопросами патріотизма и государственности. Этимъ они совершили логическую ошибку. Пустивъ же въ оборотъ слова, которыя не были сколько-нибудь удовлетворительно объяснены и оговорены, они совершили ошибку сугубую — общественно-политическую, вызвавшую ту бурю, для которой не приходится искать объективныхъ причинъ.

Если бы намъ сказали просто: свои національныя черты нужно любить; нужно стремиться къ проявленію и развитію творческихъ возможностей, которыя таитъ въ себѣ національный характеръ; нужно культивировать свой языкъ, свою литературу, свое искусство, заботливо оберегая ихъ національныя черты; нужно гордиться проявленіями національнаго генія, его успѣхами среди другихъ народовъ и его вліяніемъ на общій прогрессъ; въ настойчивыхъ заботахъ о національномъ творчествѣ нужно создавать благопріятныя условія для его развитія, содѣйствуя культурному національному самосознанію.....

Если бы въ такой культурной плоскости былъ поднятъ споръ, то, вѣроятно, и спора не было бы. Ибо творческая любовь къ своему національному лицу, въ указанномъ смыслѣ понимаемая, есть обще-

признанный факторъ человѣческаго прогресса, и эта дѣятельная любовь къ своему нужна для культурнаго развитія каждаго народа и для успѣшнаго движенія впередъ человѣчества вообще.

И такіе вопросы мы готовы были бы считать вопросами своевременно поднятыми, такъ какъ у насъ, русскихъ, недостаетъ національнаго энтузіазма, мы не любимъ *дѣятельно* свое національное лицо и съ постыднымъ равнодушіемъ относимся къ своему національному генію, чему выразительнымъ примѣромъ можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что на музей имени великаго русскаго человѣка и художника слова Л. Н. Толстого со всей полуторастамилліонной Россіи собрано до сихъ поръ только три тысячи рублей.

Но въ кругѣ всѣхъ этихъ безспорныхъ вопросовъ пѣтъ мѣста вопросамъ патріотизма и государственности. Ибо эти послѣдніе являются вопросами не русской національности, а *общероссійскими* вопросами; они касаются въ равной мѣрѣ всѣхъ національностей, населяющихъ Россійскую имперію, и то или иное разрѣшеніе ихъ для всѣхъ равно обязательно. Патріотизмъ россійской государственности въ смыслѣ живого стремленія къ созданію сильной страны, свободно развивающей свою мощь и счастливой счастьемъ всѣхъ населяющихъ ее національностей, — это должно быть общимъ здоровымъ чувствомъ всѣхъ живущихъ въ Россіи національностей, а не одной только русской. И такое чувство не одна лишь мечта. Оно существуетъ и проявляется постольку, поскольку существуютъ нормальныя условія для общественнаго развитія въ нашей странѣ. И даже поэтическая любовь къ роднымъ полямъ и долямъ не является монопольнымъ чувствомъ для однихъ русскихъ людей, а составляетъ общее чувство для всѣхъ „инородцевъ“, выросшихъ въ нашей странѣ и сроднившихся съ нею, и такую любовь хорошо показалъ неоднократно поминаемый въ „спорѣ“ Левитанъ, проникновенно изображавшій природу нашей страны. Такая любовь къ

родинѣ-Россіи проявляется также въ жгучей тоскѣ по ней у всѣхъ вынужденно живущихъ въ отдаленіи отъ нея, независимо отъ того, къ русской, или еврейской, или татарской національности они принадлежатъ, была ли имъ родина матерью или злою мачехою.

Вопросы патріотизма и государственности сами по себѣ—огромные вопросы, но они совершенно неправильно соединены были на страницахъ „Слова“ съ вопросомъ національнымъ, первоначально поставленнымъ, какъ проблема культурная.

И, какъ культурная проблема, вопросъ о національностяхъ и національныхъ лицахъ не носитъ въ себѣ внутреннихъ противорѣчій. Одно національное лицо не должно быть противопоставляемо другому національному лицу, его развитіе не нуждается въ такомъ противопоставленіи. Самосознаніе и національное творчество одной національности должно развиваться вмѣстѣ и рядомъ съ самосознаніемъ и творчествомъ другой. Это—линіи параллельныя, а не перекрещивающіяся, и онѣ вмѣстѣ ведутъ къ одной общей цѣли—наибольшему общечеловѣческому прогрессу, залогъ котораго въ самобытномъ и свободномъ, возможно болѣе полномъ и разностороннемъ развитіи всѣхъ національныхъ творческихъ силъ. Всякая теорія отталкиванія одной національности отъ другой создаетъ опасность для безболѣзненнаго развитія данной страны и общечеловѣческаго прогресса, такъ какъ она создаетъ оправданіе междунаціональной вражды и направляетъ самосознаніе въ ложную сторону—*отъ* національнаго и общечеловѣческаго прогресса, а не *къ* нему.

В. Хижняковъ.

Поворотъ.

„Наша Газета“ въ спорѣ по національному вопросу, слава Богу, наконецъ, перешла отъ ссылокъ на наши „грѣхи“, на наше „прошлое“, отъ уподобленія насъ „Новому Времени“ и отъ прочихъ аргументовъ ad hominem (если не считать сердитой полемики въ отдѣлѣ „Печати“ „Нашей Газеты“, гдѣ все еще и сердятся, и выходятъ „изъ себя“) къ аргументамъ по существу. На этой почвѣ продолжать споръ стоитъ, ибо здѣсь мы видимъ прежде всего признаніе важности самаго предмета спора, что до сихъ поръ упорно отрицалось нашими оппонентами. Г. Хижняковъ, напр., хотя и конфузливо, и съ противорѣчащими другъ другу оговорками, но все-же рѣшается сказать: „пусть вопросъ о русскомъ національномъ лицѣ дѣйствительно назрѣлъ и дѣйствительно русскимъ обществомъ ощущается потребность національнаго самосознанія“. Мы очень рады этому признанію *). Но изъ его статьи трудно уяснить, въ какой же „плоскости“, по его выраженію, онъ признаетъ своевременность этого спора. „Если бы,—говоритъ онъ,—въ культурной плоскости былъ поднятъ споръ, то, вѣроятно, и спора бы не было“. А ниже восемью

*) Мы очень рады этому признанію еще и потому, что одинъ изъ пунктовъ спора о своевременности его можно считать поконченнымъ. Но чтобы споръ былъ дѣйствительно плодотворенъ, надо устранить и многія другія недоразумѣнія и прежде всего надо перестать подсиживать насъ на отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, упуская изъ виду весь контекстъ нашихъ статей. Вѣдь только въ полемическомъ азартѣ можно истолковать слова изъ моей статьи о томъ, что я считаю національный вопросъ „въ главныхъ чертахъ рѣшеннымъ“ такъ, какъ это истолковалъ г. Максимовъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Изъ всего контекста моей статьи ясно вытекало, что національный вопросъ въ отношеніи другихъ національностей, населяющихъ Россію, можно считать въ главныхъ чертахъ рѣшеннымъ *идейно*, въ кругахъ прогрессивныхъ слоевъ русскаго общества. А г. Максимовъ понялъ эти слова въ смыслѣ рѣшенности вопроса въ русской дѣйствительности и, приложивъ свой шаблонъ, тотчасъ же воскликнулъ: „Ну чѣмъ не нововременская программа!“ То же самое провозшло и со словомъ „державность“ и со словами „отталкиваніе и притяженіе“.

строками онъ „такіе вопросы“ уже „готовъ считать вопросами своевременно поднятыми“, причемъ, что для насъ особенно важно, своевременность поднятія такихъ вопросовъ г. Хижняковъ объясняетъ тѣмъ, что „у насъ, русскихъ, недостаетъ національнаго энтузіазма, мы не любимъ *дѣятельно* свое національное лицо и съ постыднымъ равнодушіемъ относимся къ своему національному генію“. Справедливыя слова, г. Хижняковъ! Отъ души привѣтствуемъ васъ! Вотъ ради этого-то мы и подняли весь споръ и внесли въ него ту страстность, которую вы въ насъ осуждаете. Вы сказали теперь то, что мы говорили все время. Да, именно, „у насъ, *русскихъ*, недостаетъ національнаго энтузіазма“, да, „мы не любимъ дѣятельно свое національное лицо и съ постыднымъ равнодушіемъ относимся къ своему національному генію“. Наконецъ-то „Наша Газета“ поняла въ чемъ дѣло! И когда мы говорили не о россійскомъ національномъ лицѣ, а о *русскомъ*, то мы скорбѣли именно о томъ, что мы, *русскіе*, постыдно равнодушны къ своему національному генію. Но между „Словомъ“ и „Нашей Газетой“ существуетъ и глубокая разница, хотя есть, повидимому, надежда договориться и относительно дальнѣйшаго.

Разница между нами заключается въ томъ, что мы считаемъ необходимымъ „*дѣятельно* любить свое національное лицо“ не только въ „культурной плоскости“, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ нашего національнаго существованія. Этой дѣятельной любви, по нашему мнѣнію, недостаетъ намъ, русскимъ, и въ области нашей государственности, и въ области нашего патріотизма. Думаемъ, что не станетъ отрицать и „Наша Газета“ необходимости любить свое государство, разумѣется, не въ томъ ненормальномъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ сейчасъ. Думаемъ, что дѣятельной любви къ своему національному лицу недостаетъ намъ и въ той области общественныхъ отношеній, которая тѣсно связана съ понятіемъ

патріотизма. Если намъ скажутъ на это, что намъ нечѣмъ гордиться ни въ области нашей государственности, гдѣ многое основано на насиліи и подавленіи другихъ національностей, ни въ области патріотизма, монополію на который взяли реакціонеры, то мы отвѣтимъ на это, что не все и не всегда и въ нашей государственности, и въ нашемъ патріотизмѣ было зломъ. Наша государственность строилась не только на насиліи, она строилась исторически и геніемъ русскаго народа, ибо въ исторіи этого строительства были высокіе моменты выступленій народа на защиту нашей государственности, хотя бы отъ внѣшнихъ враговъ. Тѣмъ болѣе, не разъ бывали у насъ и высокіе порывы *народнаго* патріотизма во всѣ вѣка нашей исторіи. Къ несчастью, за темными сторонами нашей оффиціальной государственност и ипатріотизма мы совершенно упустили изъ виду и пренебрегли свѣтлыми сторонами какъ народной государственности и патріотизма, такъ и той борьбы за внутреннее оздоровленіе и за внѣшнее освобожденіе и величіе нашего государства, въ которой такъ много было народнаго русскаго героизма.

Но намъ говорятъ, что вопросы патріотизма и государственности — это вопросы *общероссійскіе*. Да, конечно, общероссійскіе. Да, конечно, они касаются всѣхъ національностей, населяющихъ Россію. Но въ большей степени они касаются насъ, русскихъ, ибо мы, русскіе, ходомъ исторіи оказались во главѣ строительства россійскаго государства, какъ и во главѣ россійской культуры, на почвѣ которой возросли и Пушкинъ, и Гоголь, и Толстой. Мы, русскіе, особенно въ послѣдніе годы, и особенно интеллигенція, совсѣмъ забыли о себѣ, о поднятіи своего русскаго „національнаго энтузіазма“, растворяя себя въ общероссійскомъ и даже космополитическомъ энтузіазмѣ и тѣмъ ослабляя борьбу за оздоровленіе нашей внутренней жизни. Да, эта борьба ослаблена была тѣмъ, что въ процессѣ ея главнѣйшія изъ на

селяющихъ Россію національностей раздѣлились внутри и частью боролись не противъ общаго врага—стараго бюрократическаго режима вмѣстѣ съ нами, а за себя каждый въ отдѣльности, за собственное освобожденіе. То угнетеніе, которое испытывали національности отъ обрусительной политики стараго режима, они невольно переносили и на русскую народность. Это фактъ, съ которымъ необходимо считаться...

Насъ упрекаютъ далѣе въ томъ, что будто бы мы противопоставляемъ наше національное лицо другимъ лицамъ. Да, мы противопоставляемъ, что и необходимо для „дѣятельной любви“ своей національности. Но это противопоставленіе никоимъ образомъ не разумѣетъ враждебности, подавленія или угнетенія одной національностью другихъ. Этого мы не проповѣдывали и не проповѣдуемъ. А если понимать насъ въ такомъ смыслѣ, то вѣдь и „дѣятельную любовъ къ своему національному лицу“ въ „культурной плоскости“ можно истолковать какъ противопоставленіе другимъ національностямъ. И если справедливо посылается г. Хижняковымъ упрекъ *русскимъ* въ томъ, что они не любятъ дѣятельно Льва Толстого и что они не въ состояніи собрать нѣсколькихъ десятковъ тысячъ на домъ-музей его имени, то еще большихъ упрековъ заслужили мы, какъ русскіе же, въ томъ, что не въ силахъ *дѣятельно* полюбить лучшій строй государственной жизни, ибо мы же вѣдь, русскіе, являемся основой нынѣшнихъ ненормальныхъ порядковъ. Точно также мы же, какъ именно русскіе, заслуживаемъ упрека и въ томъ, что не имѣемъ сильнаго общественнаго мнѣнія, проникнутаго такимъ глубокимъ патріотизмомъ, который бы не допустилъ нашего униженія въ балканскомъ конфликтѣ. Вѣдь это униженіе касается прежде всего насъ, русскихъ, ибо государственность у насъ русская все-же. Такъ вотъ чего требуетъ дѣйствительная логика, г. Хижняковъ, если уже вы рѣшились стать на почву національности въ „культурной пло-

скости“ и посылать справедливые упреки въ недѣятельной любви къ русскому національному генію.

Насъ постояно попрекаютъ еще терминомъ „державный“. Въ слѣдующій разъ мы постараемся подробно разъяснить наше пониманіе этого термина въ отдѣльной статьѣ, а теперь замѣтимъ, что державность русской и даже точнѣе (исторически) великорусской народности едва ли можетъ быть оспариваема, ибо россійская государственность, какъ и россійская культура (поскольку о ней можетъ быть рѣчь) несомнѣнно создана *русской* народностью, а не „россійскими“ народами, изъ чего не слѣдуетъ, чтобы державность русскаго народа была связана съ подавленіемъ другихъ національностей, съ ограниченіями ихъ школы, языка, пропорціональнаго представительства въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, почему мы и говорили о „соглашеніи, а не сліяніи“. И намъ ничуть не страшны попреки насъ въ „націолистической пропагандѣ“ со стороны „Нашей Газеты“, ибо она со своимъ сердитымъ „бормотаньемъ“ въ отдѣлѣ „Печать“ объ якобы историческихъ законахъ „классовъ раздѣленій“, какъ „*основы* (курсивъ „Нашей Газеты“) народной жизни въ XX вѣкѣ“, не только явно противорѣчитъ въ томъ же № помѣщенной статьѣ г. Хижнякова или статьѣ Е. К. въ „Правдѣ Жизни“, совершенно исключающихъ „національныя преломленія“ въ „классовыхъ раздѣленіяхъ“, но и обнаруживаетъ свою кружковую узость. Въ изученіи исторіи обозрѣватель печати изъ „Нашей Газеты“ дальше „дѣтскихъ разсказовъ“ для юныхъ марксистовъ сочиненія г. Каутскаго, видимо, не желаетъ идти, хотя, конечно, и знаетъ, что марксистская литература, назовемъ хотя бы Шпрингера, пошла въ національномъ вопросѣ куда глубже Каутскаго.

Вас. Голубевъ.

Національное самосознаніе и патріотизмъ.

Въ нѣсколько дней создавшаяся обширная газетная литература по національному вопросу и ея полемическій характеръ свидѣтельствуютъ о томъ, что выдвинута проблема, затрогивающая важные жизненные интересы. Интересы эти настолько важны и жизненны, что намъ глубоко понятна та тревога, которую во многихъ возбуждаетъ самая постановка проблемы. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы постановку проблемы можно было счесть „неосторожностью", чтобы ее можно было снять съ очереди указаніемъ на то, будто бы она является однимъ изъ подозрительныхъ „исканій", характеризующихъ „сумерки реакціи". Только всестороннее обсужденіе проблемы и способно устранить опасность тѣхъ ея „проекцій", къ которымъ будто бы угрожаетъ свестись весь ея „жизненный смыслъ". Въ виду этого въ нашихъ глазахъ чрезвычайную важность пріобрѣтаетъ правильность постановки проблемы: намъ, наприм., кажется, что ошибочность въ ея постановкѣ у авторовъ, высказывавшихся до сихъ поръ, была главной причиной той тревоги, какая сказалась въ „полемическихъ зигзагахъ" при обсужденіи вопроса.

Коренной ошибкой въ постановкѣ національной проблемы, съ нашей точки зрѣнія, явилось смѣшеніе понятій — національнаго самосознанія и патріотизма,

особенно рѣзко сказавшееся въ статьяхъ В. С. Голубева. В. С. Голубевъ началъ свои статьи съ постановки *національнаго* вопроса, выдвинулъ вопросъ о цѣнности національнаго самосознанія „державной“ національности и какъ-то незамѣтно вопросъ о національномъ самосознаніи замѣнилъ вопросомъ о *патріотизмѣ*.

Говоря о послѣдствіяхъ японской войны и о томъ угнетающемъ впечатлѣніи, какое японскія побѣды произвели на „народное, національное чувство“, г. Голубевъ и самъ какъ-будто стремится выйти изъ узкихъ относительно рамокъ національнаго самосознанія „державной“ народности. По крайней мѣрѣ, непосредственно передъ этимъ онъ говоритъ о *„патріотизмѣ* („Вмѣстѣ съ зоологическимъ національнымъ выброшенъ былъ за бортъ и здоровый патріотизмъ“). Но изъ дальнѣйшаго мы видимъ, что „здоровый патріотизмъ“ г. Голубевъ сводитъ къ подъему національнаго самосознанія „державной“ народности, каковому и придаетъ исключительно важное значеніе, утверждая, наприм., что если „державная“ національность останется въ современномъ „униженномъ видѣ“, то „не подняться въ Россіи и никакой другой изъ живущихъ въ ней національностей, не избыть намъ и реакціи“. Въ отвѣтъ своимъ оппонентамъ г. Голубевъ опять говоритъ о патріотизмѣ, даже статью озаглавливаетъ: „О монополіи на патріотизмъ“, рѣчь же въ этой статьѣ опять-таки идетъ о національномъ самосознаніи „державной“ народности, или, по терминологіи автора, о „русскомъ національномъ чувствѣ“. Эта спутанность понятій (не только терминологіи) создаетъ недоразумѣнія, и ихъ накопилось уже немало. Надо, наконецъ, рѣзко и рѣшительно разграничить понятія національнаго самосознанія и патріотизма. Политическое объединеніе населенія страны, достигшее извѣстнаго уровня государственнаго самосознанія, само по себѣ еще не создаетъ и національнаго объединенія. Политическое,

государственное объединеніе создастъ идею отечества, патріотизмъ — принципъ интеграціи въ противоположность дифференцирующему принципу національнаго самосознанія. Этимъ уже устанавливаются тѣ рамки, въ которыхъ правомѣрно развитіе національнаго самосознанія. Если имѣть въ виду тѣ практическіе результаты, во имя которыхъ мысль и чувство прогрессивныхъ публицистовъ направились сейчасъ въ сторону разбираемыхъ вопросовъ, то, казалось бы, именно примѣръ японской войны, именно задача „избыть реакцію“ лучше всего освѣщаютъ надлежащую постановку проблемы. Не національный подъемъ „державной“ народности, *а патріотизмъ* всѣхъ національностей, образующихъ „имперію народовъ“, можетъ и долженъ возродить цѣлое — Россію. Сказаннымъ опредѣляется и то отношеніе, какое вызываетъ къ себѣ теорія о „притяженіи и отталкиваніи“, какъ о существѣ національности. Если бы національное самосознаніе вызывало притяженіе къ своему и отталкиваніе отъ чужого, развитіе его у „недержавныхъ“ народностей, дѣйствительно, грозило бы обратить государство въ разсыпавшуюся храмину. Такъ и смотрѣлъ на дѣло старый режимъ: „обрусѣніе“ вытекало изъ воззрѣнія, согласно которому національное самоопредѣленіе недержавныхъ народностей, создавая и усиливая ихъ „отталкиваніе“ отъ народности „державной“, расшатываетъ зданіе государственнаго могущества. И противъ „обрусѣнія“ во имя „цѣлости государства“ нечего возразить тѣмъ, кто „отталкиваніе“ относитъ къ сущности національности. Но мы думаемъ, что этотъ взглядъ, опасный практически, невѣренъ и теоретически: не въ „отталкиваніи и притяженіи“ заключается сущность сложнаго культурно-психологическаго явленія, опредѣляемаго словомъ національность. „Отталкиваніе и притяженіе“ является случайнымъ, наноснымъ моментомъ въ національномъ самосознаніи, *производнымъ* другихъ жизненныхъ факторовъ. Разграничи-

вая понятія національнаго самосознанія и патріотизма, мы думаемъ, что объединеніе политическое государственное единство — патріотизмъ не влекутъ за собой денаціонализаціи, національнаго безразличія. Патріотизмъ не исключаетъ національнаго самосознанія, равно какъ въ свою очередь и національное самосознаніе не искчючаетъ патріотизма. Быть патріотомъ „великой Россіи“ вовсе не равносильно отказу отъ сознанія своей малорусской, польской, еврейской etc. національности, равно какъ сознаніе своей еврейской, польской, малорусской національности — не препятствіе къ патріотизму россійскому. Патріотизмъ въ Россіи долженъ быть именно россійскимъ, что вовсе не приводитъ къ тому „оброссіиванію“, противъ котораго протестуетъ П. Б. Струве, какъ противъ „безнужнаго и безплоднаго прикрыванія своего національнаго лица“. Его разсужденія на эту тему основаны на явномъ недоразумѣніи. Что касается національнаго самосознанія, обнаруженія своего національнаго лица, то оно въ нашихъ глазахъ является крупной культурной цѣнностью.

Но даже и теперь, когда, по справедливому замѣчанію В. С. Голубева, мы „болѣемъ не только нравственнымъ, но и физическимъ недугомъ“, національный вопросъ въ Россіи съ точки зрѣнія „державной“ національности долженъ оставаться тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ по опредѣленію Вл. Соловьева — „вопросомъ не о существованіи, а о *достойномъ существованіи*“.

Только такая постановка національной проблемы не допускаетъ никакихъ угрожающихъ „проекцій“ ея.

Мих. Могилянскій.

Русскіе, великороссы и россіяне.

Въ прогрессивной русской печати происходитъ нѣчто, совершенно невозможное еще такъ недавно: дебатируется вопросъ о великорусскомъ націонализмѣ, и, — что самое важное, — націонализмъ этотъ находитъ защитниковъ въ этой печати. Совершенно не важенъ тотъ поводъ, благодаря которому возникли эти дебаты. Важно лишь то, что вопросъ поставленъ, и, можетъ быть, важно для характеристики момента и россійской дѣйствительности вообще еще и то, что для того, чтобы быть поставленнымъ, онъ долженъ былъ пройти черезъ специфическій не для одной только Россіи оселокъ національныхъ сужденій, способствующій точнымъ гранямъ этихъ сужденій и ясной дифференціаціи ихъ въ сторону и во внѣ гуманитаризма,—черезъ сужденіе объ еврейской національности.

Однако, вопросъ о великорусскомъ націонализмѣ, будучи поставленнымъ, не нашелъ еще той точной плоскости, въ которой онъ только и можетъ быть разрѣшенъ. Плоскость эта пока еще только нащупывается въ многочисленныхъ статьяхъ Струве, Голубева, Милюкова, Е. К. и другихъ, разсѣянныхъ по всему лагерю прогрессивной печати и успѣвшихъ за нѣсколько дней составить уже цѣлую литературу. Литература эта весьма неравноцѣнна. Наименьшую цѣнность представляютъ статьи Е. К., въ которыхъ, въ сущности, говорится не о національномъ вопросѣ, а о тѣхъ тѣняхъ, которыя явились автору въ „су-

меркахъ" и заслонили передъ нимъ вопросъ. Почти о томъ же, но не безъ возможности подойти къ существу вопроса говоритъ и Милюковъ. Углубляютъ вопросъ и вскрываютъ его содержаніе, дѣлая это, правда, не безъ тревоги и не безъ оправданій, лишь Струве и Голубевъ.

Въ ихъ статьяхъ вопросъ ставится слѣдующимъ образомъ. Великорусская народность имѣетъ свое собственное національное лицо, отличное отъ лицъ всѣхъ другихъ народностей имперіи, отличное также и отъ лица россійскаго интеллигента вообще. Лицо это великорусская народность должна проявить во всѣхъ областяхъ своего быта и существованія, а такъ какъ эта народность къ тому же—народность державная, то она должна проявить это лицо и въ имперской, т.-е. россійской государственности.

Но и эта постановка, такъ сказать, лишь извлечена изъ ихъ статей, ибо въ нихъ она слегка расплывается, благодаря вплетенію постороннихъ моментовъ вродѣ споровъ объ „отталкиваніяхъ и притяженіяхъ", объ „асемитизмѣ" и пр., или же затушевывается крайне неточной терминологіей, въ которой вмѣсто „великорусскій" употребляется „русскій", иногда даже „россійскій".

Примемъ изложенную выше постановку, очищенную отъ постороннихъ наслоеній, рожденныхъ случайностью повода къ возникновенію всего вопроса. Нѣсколько словъ о національномъ лицѣ великорусскомъ. Лицо это къ настоящему времени, несомнѣнно, является лишь намекомъ на нормальное. Покровы этого лица, способные покрыть лишь великорусскія черты, столѣтіе и болѣе растягивали вширь, стараясь натянуть сначала на все русское, потомъ на все россійское, имперское. Результатомъ этого процесса растягиванія явилось то, что два другихъ русскихъ, но не великорусскихъ лица, а частично также и всѣ перусскія лица имперіи оказались прикрытыми чужой кожей, а великорусское лицо предстаетъ передъ

нами въ расплывчатомъ и нехарактерномъ для него видѣ: какое-то общее всѣмъ и чужое всѣмъ россійское лицо. Это случилось, правда, только съ интеллигенціей, но интеллигенція у всѣхъ народовъ какъразъ и является главной носительницей національнаго лица.

Оставимъ, однако, метафору о лицѣ и будемъ говорить прямыми словами. Попытка обрусить, вѣрнѣе — обвеликорусить всю Россію, попытка, не закончившая своего дѣйствія и нынѣ, оказалась гибельной для живыхъ національныхъ чертъ не только всѣхъ недержавныхъ имперскихъ народностей, но и, прежде всего, для народности великорусской, во имя которой и въ пользу которой она производилась. Произошло это не потому, что не прилагались соотвѣтствующія правительственныя усилія, а потому, что культурныя силы великорусской народности для этого оказались слишкомъ слабы. На Западѣ денаціонализировались слабыя культурно народности въ пользу сильныхъ и денаціонализировались какъ слѣдуетъ, безъ остатка, какъ это случилось, напр., съ валлійцами, шотландцами, французскими и нѣмецкими разновидностями, какъ это случилось и случается въ Англіи, Франціи и въ Сѣверной Америкѣ даже съ евреями, народомъ, особо устойчивымъ въ національномъ отношеніи. Въ Россіи вышло иначе; не-великороссы, втянутые въ орбиту обрусѣнія, не воспринимали новой національности настолько, чтобы совершенно забыть о старой: никто изъ такихъ лицъ не назоветъ себя, напр., великороссомъ, хотя евреи, напр., въ Англіи и Франціи называютъ себя англичанами и французами bona fide. Денаціонализированные въ Россіи нѣмцы и другіе, далекіе по національности люди, пожалуй, еще становятся великороссами безъ остатка. Струве, напр., несмотря на свою фамилію и своихъ предковъ, несомнѣнно, великороссъ, но трудно сказать то же о людяхъ польскихъ, малорусскихъ, еврейскихъ и др. фамилій и

предковъ; русскими, благодаря неопредѣленности этого термина, они себя еще, пожалуй, назовутъ, но не великороссами.

Теперь, повидимому, приходитъ время, когда дальнѣйшая половинная денаціонализація, наблюдавшаяся донынѣ въ Россіи, идетъ къ концу, ибо каждая національность хочетъ имѣть собственное лицо, хочетъ его и великорусская, и такіе половинные въ національномъ отношеніи люди начинаютъ становиться лишними на всеобщемъ, хотѣлъ бы надѣяться, братскомъ національномъ пиру Россійской имперіи. Въ дальнѣйшемъ явленій денаціонализаціи не будетъ вовсе, или если кто денаціонализируется, - а это случается во всемъ мірѣ, и грѣха въ этомъ нѣтъ,— то денаціонализируется безъ остатка, вродѣ того, какъ это случилось съ небезызвѣстнымъ въ Австріи нѣмецкимъ націоналистомъ по фамиліи Свобода и его противникомъ чешскимъ націоналистомъ Краузе.

Случится это въ Россіи, конечно, не завтра, — для этого нужны годы, можетъ-быть, не одно поколѣніе, но что къ этому идетъ, это—несомнѣнно. И первымъ этапомъ въ этомъ движеніи является возрожденіе великорусской народности, для которой настало время обрѣсти свое собственное лицо, не присвоивая ему монопольнаго названія — ни русскаго, ибо на названіе „русскій“ существуетъ среди народовъ Россіи еще два претендента, историческія права которыхъ на это званіе въ худшемъ случаѣ не меньше правъ великорусскаго народа; ни россійскаго, ибо на это названіе вправѣ претендовать, кромѣ трехъ русскихъ племенъ, еще и всѣ имперскія народности нерусскаго и даже не-славянскаго корня.

И такое отграниченіе великорусской народности отъ ея русскихъ и не-русскихъ сосѣдокъ и сестеръ по единому государству, несомнѣнно, будетъ только полезно для нея. Экстенсивное донынѣ развитіе ея превратится въ интенсивное, корни прочнѣе войдутъ въ родную почву, кругообращеніе крови станетъ нор-

мальнымъ, лицо ея очистится и оздоровѣетъ, какъ оздоровѣютъ и всѣ національныя лица имперіи.

Но есть нѣчто уже и теперь, что можетъ и должно остаться навсегда единымъ во всѣхъ національныхъ лицахъ имперіи, и это единое есть и будетъ главнымъ образомъ великорусскимъ, — это россійская государственность. Эта часть національнаго сознанія, легче всѣхъ другихъ подверженная разрушенію и смѣнѣ, разрушенная въ части къ нашему времени и нынѣ созидаемая вновь, и должна стать тѣмъ цементомъ, который послужитъ для укрѣпленія связи между всѣми имперскими національностями. Пріоритета великорусской народности въ этомъ направленіи не оспариваетъ никто изъ всего имперскаго національнаго хора; державность великорусской народности остается за нею, и это будетъ тѣмъ общимъ, что свяжетъ ее со всѣми народами имперіи, что будетъ принадлежать только ей и что въ то же время будетъ достояніемъ всѣхъ другихъ.

Державность великорусской народности должна стать ея національнымъ „притяженіемъ“, „отталкиваніемъ“ ея пусть будетъ ея національное углубленіе, расчистка и оздоровленіе темнаго и запущеннаго содержанія ея національнаго сознанія. Русскій по племени, не великороссъ по національности, россіянинъ по государственности, пишущій эти строки, привѣтствуетъ начало этой работы; глубоко убѣжденъ, что такіе привѣты раздадутся со стороны представителей всѣхъ имперскихъ національностей, ибо то, что эта работа началась въ лагерѣ прогрессивномъ и демократическомъ, ручается за то, что она будетъ проведена такъ, какъ она должна производиться, т.-е. на основѣ великаго и неприкосновеннаго принципа: natio nationi res sacra.

М. Славинскій.

Къ вопросу о національномъ.

Роковымъ образомъ мы идемъ къ этому вопросу, который еще такъ недавно былъ совершенно чуждъ русской интеллигенціи, а теперь выдвинутъ жизнью такъ рѣзко, что отъ него уже не отчураешься. Русско-японская война, революція и потомъ реакція съ ея „національными союзами“ и другими уродливыми проявленіями чувства, которое при большей сознательности нашего общества вылилось бы въ совершенно иныя формы, — поставили передъ нами проблему, что значитъ быть русскимъ и хорошо ли, важно ли для развитія Россіи, чтобы ея граждане именно чувствовали себя русскими. Полемика, завязавшаяся по этому вопросу, чрезвычайно характерна; кажется, послѣ „Россіи и Европы“ Данилевскаго, грозной отповѣди на нее Соловьева и статей покойнаго проф. Градовскаго это первыя выступленія того сознанія, которое просыпается наподобіе инстинкта самосохраненія у народовъ въ минуты угрожающей имъ опасности. Національномъ—чувство прежде всего боевое. Когда народности, господствующей въ государствѣ и чувствующей свою отвѣтственность за его сохраненіе и благополучіе, угрожаетъ опасность именно какъ народности государственной, она испытываетъ особенно остро свое національное *я* и подъ знаменемъ его собираетъ тѣхъ, кому дорога цѣлость государства. Мининъ былъ несомнѣннымъ національномъ—великороссомъ, когда онъ призывалъ народъ къ защитѣ Московскаго царства отъ поляковъ, шведовъ и казаковъ-малороссовъ; ему было дорого то національное начало, ко-

торое было чуждо окраинным казакамъ, и здѣсь государственное сознаніе слилось съ чувствомъ своей народной отдѣльности. Этотъ націонализмъ общаго характера не связанъ тѣснымъ образомъ съ тѣми или иными особенностями быта: саксонцы, баварцы, пруссаки отказались отъ употребленія въ литературѣ своихъ мѣстныхъ нарѣчій, которыми они пользовались до Лютера, и стали писать на языкѣ, созданномъ Лютеромъ и его послѣдователями. Австрія даетъ примѣръ того, что народности, даже различныя по своему племенному происхожденію, могутъ быть проникнуты однимъ національнымъ чувствомъ, извѣстнымъ у насъ подъ неправильнымъ названіемъ австро-славизма. Не трудно представить себѣ мусульманина-татарина, еврея, литовца, прибалтійскаго нѣмца, которые любятъ Россію какъ свою родину, лишь въ ней чувствуютъ себя хорошо, готовы бороться за ея развитіе и крѣпость. Это—націонализмъ строительный, государственный, создающійся общей исторіей и общими интересами; онъ часто покоится гдѣ-то подъ порогомъ сознанія, но, проникая иногда и у нѣкоторыхъ въ сознаніе, принимаетъ именно указанныя формы.

Теперь мы испытываемъ потребность въ пробужденіи именно такого націонализма, такъ какъ лишь на его основахъ можно дать Россіи утраченную ею отпорную силу и вдохновить творческими стремленіями ея государственное строительство. Для этого же необходима борьба съ націонализмомъ физіологическимъ, который коренится въ томъ, что народность сильнѣйшая стремится навязать народностямъ слабѣйшимъ государственный бытъ, имъ чуждый или ихъ ограничивающій. Поляки въ Познани стали настражу своей народности лишь тогда, когда правительство Пруссіи признало въ нихъ элементъ, для государственной цѣлости опасный, подлежащій искорененію, именно какъ этническій элементъ, — и лишь тогда поляки стали силой, дѣйствительно угрожающей нѣмецкой государственности. Но лужичане въ той же Германіи не представляютъ явле-

ній національзма опаснаго, потому что боевая сторона его направлена къ отстаиванію такихъ цѣнностей, которыя государство должно признавать безъ всякой для себя опасности.

Споръ о національзмѣ можно было бы свести къ слѣдующимъ положеніямъ: народности, достигшія извѣстнаго культурнаго развитія, предъявляютъ къ государству требованіе на признаніе за ихъ культурой тѣхъ правъ на самоуправленіе и національную школу, которыя заключаются въ разумной децентрализаціи государственнаго управленія; добровольно соглашаясь на эти требованія, государство дѣлаетъ національзмы провинцій для него неопасными; но если между нимъ и этими національзмами начинается борьба, то государство находится въ положеніи больного, у котораго нарушено соотвѣтствіе красныхъ и бѣлыхъ шариковъ въ крови. Борьба между народностями равноправными менѣе вредитъ государству, нежели борьба между государствомъ, которое говоритъ отъ имени господствующей народности, и этими національзмами, принимающими въ такихъ случаяхъ характеръ оперативныхъ стремленій.

Въ ту эпоху нашей исторіи, которая началась со времени аннексіи Босніи,—факта, имѣющаго громадное значеніе для нашего національнаго пробужденія,—становится яснымъ, что нашъ государственный національзмъ долженъ изливаться въ еще болѣе широкое море,—въ море славянства. Тогда онъ охватитъ еще болѣе широкіе предѣлы и пріобрѣтетъ европейское значеніе. Но,—увы!—насъ раздираетъ нелѣпая, ненужная война между государствомъ и народами, составляющими его.

А. Погодинъ.

„Обманъ и лицемѣріе“ или „реакціонность“?

Какъ легко и быстро за наши статьи по національному вопросу сопричислила насъ прогрессивная интеллигенція къ лику реакціонеровъ, такъ же быстро и ничтоже сумняся оффиціозная печать усмотрѣла въ нашихъ статьяхъ „обманъ и лицемѣріе“. Въ томъ и другомъ случаѣ сказалась одна и та же точка зрѣнія, привычная и удобная, на которую стоитъ только стать, чтобы сразу же одержать легкую побѣду надъ противникомъ. И эта легкость оцѣнки настолько соблазнительна, что примѣнена къ намъ не только въ полемикѣ со стороны газетъ, гдѣ въ разгарѣ спора еще вполнѣ понятна недостаточная продуманность существа спора и аргументовъ противника, но тотъ же трафаретъ примѣнили и публицисты толстыхъ журналовъ, какъ, напр., это сдѣлалъ г. Н. Іорданскій въ апрѣльской книжкѣ „Современнаго Міра“. Не будемъ отвѣчать на всѣ тѣ обвиненія, заподозрѣванія и даже попросту брань, отъ которыхъ при чтеніи статьи г. Іорданскаго прямо звонъ стоитъ въ ушахъ. Цѣна всѣмъ этимъ заподозрѣваніямъ и припискѣ къ реакціонному лагерю настолько незначительна, что достаточно противопоставить обѣ эти стороны, чтобы видѣть, какъ происходитъ такимъ образомъ своего рода нейтрализація. Постараемся все-же вникнуть въ суть всѣхъ этихъ „полемическихъ красотъ“ и отвѣтить по существу.

Отъ насъ требуютъ конкретной программы, требуютъ, чтобы мы точно сказали, чего хотимъ, какое содержаніе мы вкладываемъ въ наше понятіе національ-

лизма и въ нашъ призывъ къ подъему національнаго чувства. Но при этомъ противникѣ наши изъ прогрессивнаго лагеря сами уже спѣшатъ подъ эти понятія и призывы подставить то содержаніе, которое имъ мерещится и къ которому они издавна привыкли подъ вліяніемъ сложившихся понятій о реакціонномъ, зоологическомъ націонализмѣ и казенномъ патріотизмѣ *). Г. Іорданскій, напр., пишетъ, что „провозглашеніе державныхъ правъ русскаго народа логически и психологически влечетъ за собою не только подавленіе иноплеменниковъ. Оно столь же легко можетъ повлечь и почтеніе къ исконнымъ устоямъ русской жизни, созданнымъ работою „коренного строителя русской земли"—великорусса, и признаніе петербургскаго византійства. А „подъемъ національныхъ чувствъ", по его же мнѣнію, „угрожаетъ и политической европеизаціи Россіи, и нормальнымъ взаимоотношеніямъ различныхъ народностей къ россійскому государству".

Что касается программъ, то мы полагаемъ, что это дѣло послѣднее. Наше время не время программъ, а выработки новаго міросозерцанія, углубленія и критической провѣрки многихъ изъ тѣхъ программъ, которыя еще не такъ давно считались аксіомами. Мы скажемъ больше. Задачей настоящаго момента является даже не столько конкретизированіе содержанія различныхъ положеній и программъ, сколько именно подъемъ и углубленіе чувствъ и общихъ идей, ибо однимъ изъ тяжелыхъ признаковъ нашего времени является упадокъ чувствъ и настроеній и безъидейность. Нельзя жить изжитыми настроеніями, нельзя творить новую жизнь по старому шаблону. И эти новыя настроенія и новое творческое отношеніе къ жизни въ дѣйствительности уже наступаютъ. Укажемъ, напр., въ сферѣ ра-

*) Кстати, намъ совершенно напрасно приписывается терминъ „націонализмъ", разумѣющій по установившемуся понятію національный эгоизмъ. Мы все время говоримъ о подъемѣ національныхъ чувствъ, о національномъ самосознаніи, лицѣ и пр., а не о націонализмѣ.

бочей и крестьянской жизни на особенный подъемъ кооперативнаго движенія, которому интеллигенція придаетъ глубоко-важное значеніе, притомъ же съ исключеніемъ изъ него политики, на принципѣ безпартійности и внѣклассоваго отношенія къ кооперації. Можно ли это явленіе объяснить только невозможностью политическаго движенія рабочихъ массъ при настоящихъ условіяхъ? Конечно, нѣтъ, ибо не лучшія политическія условія были у насъ и въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ до 1905 г., а тогда смотрѣли на кооперацію какъ на жалкій палліативъ при капиталистическомъ строѣ и даже считали ее вредной затѣей, какъ отвлекающей рабочія массы отъ классовой и политической борьбы. Давно ли наша интеллигенція равнодушно и даже отрицательно относилась къ внѣшней политикѣ, къ подъему нашего международнаго престижа и къ военной нашей силѣ? И развѣ возможны были еще такъ недавно тѣ проявленія патріотическихъ чувствъ со стороны оппозиціи въ лицѣ не только кадетъ, но и трудовиковъ, какія мы только-что наблюдали въ Гос. Думѣ по поводу выраженія сочувствія признанію независимости Болгаріи? И развѣ эти чувства навѣяны только духомъ противорѣчія, какъ бы въ пику германофильствующимъ правымъ? Думаемъ, что только „Россія“ способна усмотрѣть и здѣсь „обманъ и лицемѣріе“, ибо, съ одной стороны, она органически не способна понимать и чувствовать искренность, а съ другой — въ ея пониманіи патріотизма и „подъема національныхъ чувствъ“ дѣйствительно разумѣется то, что понимаетъ подъ этими, къ несчастью, дѣйствительно „загаженными“ словами г. Іорданскій. Но вѣдь вольно же ихъ такъ понимать.

Какъ извѣстно, въ скоромъ времени предстоитъ юбилей Полтавской побѣды. Это одно изъ величайшихъ событій въ русской исторіи готовятся чествовать, съ одной стороны, по казенному, съ другой—по черносотенному шаблону. Но по существу-то? Нельзя же отрицать чествованія съ точки зрѣнія самой тѣсной, органической

связи этой побѣды съ той европеизаціей, въ которой г. Іорданскій видитъ „идейное наслѣдство россійской интеллигенціи“? А вѣдь отношеніе къ этому чествованію со стороны интеллигенціи уже ясно. Вполнѣ можно понять и равнодушіе, и недовѣрчивость ея къ этому чествованію вслѣдствіе той атмосферы, которая окружаетъ уже его. Но вѣдь это не доказательство по существу. А между тѣмъ именно эта причина въ концѣ-концовъ является для нашей, особенно современной, интеллигенціи важнѣйшимъ аргументомъ противъ патріотизма, противъ подъема національныхъ чувствъ и т. п. Однако, при болѣе глубокомъ отношеніи къ этимъ чувствамъ, этимъ понятіямъ и этимъ фактамъ не слѣдуетъ ли стать на совершенно другую точку зрѣнія, не на точку зрѣнія „наоборотъ“ и отрицанія, а на иную, на точку зрѣнія включенія этого рода чувствъ въ свою среду, въ свою атмосферу, въ свои прогрессивныя понятія?

Но намъ говорятъ, что патріотизмъ — есть понятіе не узко-національное русское, а общероссійское, а что мы говоримъ преимущественно о подъемѣ національныхъ чувствъ державной національности, т.-е. въ концѣ-концовъ великорусской. Да, мы это говорили. И говорили на томъ основаніи, что, напр., въ указанныхъ выше случаяхъ проявленіе патріотическихъ чувствъ тѣсно связано съ русской государственностью, а также, что еще болѣе важно, съ отвѣтственностью за событія. Когда выражаются проявленія патріотическихъ чувствъ по поводу признанія независимости Болгаріи, то главная отвѣтственность и исторически, и въ настоящій моментъ лежала и лежитъ именно на русскихъ людяхъ. Уже самый фактъ положенія другихъ національностей, какъ подвластныхъ и особенно угнетаемыхъ современнымъ режимомъ, въ значительной мѣрѣ слагаетъ съ нихъ эту отвѣтственность и, напротивъ, сильнѣе налагаетъ ее на насъ.

Мы не разъ уже говорили, что задачей настоящаго момента является поднятіе національнаго чув-

ства русскихъ. Есть ли это отказъ отъ „европеизма для возрожденія новаго азіатства въ русской жизни“? Есть ли это пріобщеніе къ „эпигонамъ славянофильства“, поддерживающимъ „полицейскій абсолютизмъ, и человѣконенавистническое угнетеніе не-великорусскихъ народностей“, какъ думаетъ г. Іорданскій? Говорить и писать можно все, что угодно. Но г. Іорданскій упускаетъ изъ виду, что идти слѣпо за тѣмъ европеизмомъ, который дѣйствительно составляетъ „идейноен аслѣдство россійской интеллигенціи“,—не значитъ еще идти въ сторону того интернаціонализма и космополитизма, о которомъ говоритъ онъ въ концѣ своей статьи, полагая, что „наличность рабочаго класса“, враждебнаго будто бы по своей природѣ всякому націонализму, является „вѣрнымъ свидѣтельствомъ неизсякаемости европейскаго теченія россійской мысли“. Правда, такіе теоретики національной проблемы, какъ Шпрингеръ, для г. Іорданскаго не указъ. Но идеи европейскаго пролетаріата, выраженныя, напр., на брюннскомъ партейтагѣ, служатъ достаточно сильнымъ свидѣтельствомъ тому, что и пролетаріатъ не исключаетъ національнаго самоопредѣленія и національныхъ чувствъ.

Было время, когда европеизмъ для насъ являлся синонимомъ идеаловъ при рѣшительномъ отрицаніи всего русскаго.

Но теперь наступаетъ другое время. И если мы далеко еще не достигли идеала европейской культуры и государственности и если стремленіе къ европеизаціи надолго останется еще неудовлетвореннымъ, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы мы не дорожили своимъ, не заботились о подъемѣ своего національнаго самосознанія. Необходимости для насъ началъ европейской культуры и государственности теперь не приходится доказывать. За нихъ нужно только бороться. Но успѣшность-то самой борьбы, какъ показали событія послѣднихъ лѣтъ, во многомъ зависитъ отъ силы нашего національнаго самосознанія.

До сихъ поръ, когда шла рѣчь о подъемѣ національныхъ чувствъ, то подъ этимъ разумѣлось національное самодовольство, ибо нація совсѣмъ не могла проявлять себя. Это самодовольство потерпѣло страшное крушеніе. Теперь настало время подумать о національномъ самосознаніи на почвѣ европейскихъ формъ государственности, къ которой мы все-же приблизились.

Вас. Голубевъ.

„Національное лицо“.

Это, гг., не кто иной, какъ нѣкоторый старый вашъ знакомецъ, явившійся въ новой маскѣ на маскарадъ теперешней россійской „неразберихи“.

Вы его давнымъ-давно знаете. То, съ чѣмъ онъ теперь выступаетъ, носило прежде другія клички. Оно не всегда было реакціонное, не всегда отзывалось политикой и гегемоніей Держиморды. Оно и *болѣе четверти вѣка назадъ* зангрывало съ либерализмомъ, со славянофильскимъ отвкусомъ и безъ онаго.

Не могу (при всемъ моемъ нежеланіи примѣшивать къ этому, якобы *новому,* вопросу что-либо личное) не припомнить, что въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ *я* напечаталъ (полуанонимно) статью въ тогдашнемъ толстомъ петербургскомъ журналѣ „Слово“ подъ названіемъ:

„Нашимъ національ-либераламъ“.

Тогда, какъ вы также припомните, послѣ торжества нѣмцевъ надъ Франціей и всеобщаго поклоненія „великому“ канцлеру, возвѣстившему царство „желѣза и крови“ въ прусской палатѣ и въ общегерманскомъ рейхстагѣ, громче всѣхъ выступали такъ-называемые *„національ-либералы“*.

Вотъ эту популярную кличку я и попытался приложить, mutatis mutandis, къ нашимъ патріотамъ новаго тогда оттѣнка, принадлежавшихъ къ интеллигенціи высшаго сорта, къ нѣкоторымъ профессорамъ, изъ которыхъ одинъ пользовался большой популяр-

ностью и какъ бойкій публицистъ въ газетѣ „Голосъ“.

Я лично, и довольно долго, знавалъ этого профессора-публициста, посѣщалъ даже его лекціи въ университетѣ по каѳедрѣ государственнаго права и у него на квартирѣ, и у себя.

У него было сложное credo: смѣсь либерализма съ государственнымъ консерватизмомъ и съ симпатіями въ сторону славянофильской доктрины.

Но такой „націоналъ-либералъ“ половины 70-хъ и начала 80-хъ годовъ не выдумывалъ никакого „національнаго лица“. Онъ былъ при разныхъ непослѣдовательностяхъ своей „платформы“ все-таки гораздо опредѣленнѣе и цѣльнѣе. Онъ не видѣлъ надобности проповѣдывать теорію своего *великорусскаго* расоваго обличья. Онъ былъ самъ достаточно южноруссъ и панславистъ. Его кругозоръ былъ шире.

И все-таки тѣ, кто въ тогдашней публицистикѣ стоялъ *за* освободительное движеніе, не могли быть одного лагеря съ этимъ „націоналъ-либераломъ“, и въ такомъ духѣ написано было и мое обращеніе въ журналѣ „Слово“.

Прошло больше четверти вѣка, и вотъ изъ-за какой-то газетной полемики, изъ-за желанія непремѣнно провозгласить какую-то новую истину является этотъ старый знакомецъ подъ маской, на которой написано: „Національное лицо“.

Читатели моихъ бесѣдъ знаютъ, что я никогда почти никого изъ живыхъ не называю по фамиліи. Воздержусь и на этотъ разъ.

Но развѣ это не курьезный фактъ, что въ данную минуту ярыми *великорусскими* націоналистами являются люди завѣдомо нѣмецкой расы!

Кто были борцами славянофильства въ области великорусской народной поэзіи и новой изящной словесности?

Нѣмцы: покойные Гильфердингъ и Орестъ Миллеръ, который хотя и перешелъ въ православіе, но

родился въ Остзейскомъ краѣ, отъ отца и матери нѣмцевъ и лютеранъ.

Это показываетъ между прочимъ, что процессъ обрусѣнія происходитъ у насъ очень успѣшно, и такихъ нѣмцевъ, какъ гоголевскій Кругель (въ „Игрокахъ“), можно считать сотнями.

Но при чемъ же тутъ „національное лицо“? — спросимъ мы, если подъ этой метафорой разумѣть не *россійскую* а *великорусскую* національность? Напротивъ, такія превращенія нѣмцевъ въ русскихъ патріотовъ-славистовъ прямо ведутъ къ признанію того, что подъ „національнымъ лицомъ“ (или „обличьемъ“, — какъ говорятъ поляки) слѣдовало бы признавать всю совокупность духовной и матеріальной культуры общерусскаго племени въ его развѣтвленіяхъ.

Гораздо толковѣе и существеннѣе была бы постановка вопроса: наша изящная словесность, какого она происхожденія въ подавляющемъ своемъ составѣ и содержаніи — общерусскаго (т.-е. *россійскаго*) или *великорусскаго*? Это было бы особенно кстати въ пору гоголевскихъ дней!

Характерно во всей этой полемической шумихѣ то, что у насъ недавніе марксисты (т.-е. люди, которые должны стоять *надъ* всѣмъ такимъ „жупеломъ“ государственности и обостроеннаго націонализма) на нашихъ глазахъ полегоньку переходили къ радикальному перерожденію своего недавняго символа вѣры.

Сначала полубуржуазный либерализмъ, потомъ и другіе компромиссы, вплоть до проповѣди грозной Россіи, со смакованіемъ такого существительнаго, какъ „держава“, и прилагательнаго, какъ „державный“, а потомъ и преклоненія передъ идоломъ „государственности“.

Давно ли въ нашей передовой печати кличка „государственникъ“ (пущенная когда-то въ русскую печать какъ-разъ пишущимъ эти строки) была далеко

не почетнымъ прозвищемъ, а теперь... „nous avons changé tout cela!“ — какъ мольеровскій докторъ!

Какое бы ни пріобрѣли мы „національное лицо“, но если оно будетъ возстановлено путемъ такого, хотя бы и добровольнаго, *хамелеонства*, — лучше не имѣть никакого и оставаться „безъ особыхъ примѣтъ“.

П. Боборыкинъ.

Почему мой знакомый спряталъ „свое національное лицо".

— Вы гдѣ были у заутрени?

Если задаютъ этотъ вопросъ, то больше для того, чтобы, во-первыхъ, самой или самому можно было сказать: „мы всегда въ Удѣлахъ", „мы въ Пажескомъ", „мы въ домовой церкви графа Х." и т. д., а, во-вторыхъ, для того, чтобы можно было поговорить о своихъ и чужихъ дамскихъ туалетахъ.

Мой знакомый, котораго я спросилъ, гдѣ онъ былъ у заутрени, — ни въ Удѣлы, ни въ Пажескій не вхожъ, почему и отвѣтилъ, что пошелъ со своимъ другимъ знакомымъ, французомъ, на паперть Исаакіевскаго собора показать современному цивилизованному язычнику и нечестивцу, какъ у насъ на „святой" Руси празднуютъ воскресеніе Распятаго.

— Ну,—разсказываетъ, — пошли. Народу много. На углахъ портиковъ собора горятъ въ чашахъ срываемые холоднымъ вѣтромъ огни. На фонѣ чернаго неба верхніе факелы озаряли, то сильнѣе, то слабѣе, громадную массу купола. Соборъ кажется еще болѣе гигантскимъ, и во всей картинѣ есть несомнѣнная своеобразная величественность.

Обошли соборъ кругомъ и встали въ переднемъ ряду лицомъ къ сѣверу; напротивъ у панели стояли экипажи и автомобили; сильные рефлекторные фонари одного, словно прожекторы, бросали странный отблескъ на булыжники мостовой, какъ-будто кто набросалъ на нихъ пучки свѣжей и очень чистой соломы.

Народъ густыми толпами стоялъ на ступеняхъ лѣстницы и на самой площади,—стоялъ, какъ всегда стоитъ русская толпа, молчаливо и смирно. Было такъ холодно, что все походило на рождественскую, а не на пасхальную ночь.

Впереди толпы, на площади, образовался довольно широкій проходъ, очевидно, оставленный для крестнаго хода. Я предупредилъ своего пріятеля-француза, говорившаго по-русски „карашо“ и „пожалюста“, что при прохожденіи процессіи надо будетъ снять шапки. Живетъ онъ въ Россіи всего нѣсколько мѣсяцевъ, изъ богатаго русскаго языка знаетъ два указанныхъ слова и еще тѣ, которыя покойный Лейкинъ называлъ „съѣдобными“. Впрочемъ, по его увѣренію, il s'est tire d'affaire pas mal и никогда не жаловался на непріятности, обязанныя малому знакомству съ языкомъ Пушкина. На мое предупрежденіе насчетъ шапокъ онъ, хотя и пробормоталъ, что il fait froid de loup, но, разумѣется, согласился снять, ибо въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ.

Продолжаемъ мы смотрѣть и вдругъ видимъ посерединѣ оставленнаго прохода идетъ быстрыми шагами, держа фуражку въ лѣвой рукѣ, какой-то „классный полицейскій чинъ“ и не кричитъ, а оретъ, весь красный отъ натуги:

— Шапки долой! Долой шапки!

Французъ спросилъ меня: что случилось? Я недоумѣвалъ, почему классный полицейскій чинъ такъ оралъ. Никакой процессіи не было, а онъ, весь красный, возбужденный своимъ собственнымъ крикомъ, съ какимъ-то упоеніемъ и ненавистью кричалъ:

— Долой шапки, шапки долой!

Толпа молча снимала шапки; я слукавилъ, возмущенный крикомъ, приказомъ снять шапку, я не перевелъ французу этихъ двухъ словъ и рѣшилъ разыграть роль тоже непонимающаго русскій языкъ.

Полицейскій, поравнявшись съ нами, стоявшими

въ первомъ ряду, и, замѣтивъ насъ въ шапкахъ, подскочилъ къ намъ и озлобленно въ упоръ заоралъ:

— Шапки долой!

Мой французъ въ довольно неакадемической фразѣ спросилъ меня, что ему отъ насъ нужно; я по-французски же отвѣтилъ. Классный полицейскій чинъ, очевидно, не ожидалъ наткнуться на представителей союзной націи. Услышавъ французскій говоръ, онъ нѣсколько понизилъ тонъ, но по-прежнему возбужденно и строго сказалъ:

— Я говорю: шапки надо снять!

Мы опять обмѣнялись французскими фразами.

Онъ стоялъ передъ нами и говорилъ:

— Шапочки нужно снять.

Среди окружающихъ послышался сдержанный смѣхъ.

Въ этотъ только моментъ изъ-за поворота показались верховые жандармы, фланговыя ихъ шеренги кололи одной шпорой лошадей, тѣ нервно перебирали задними ногами, поворачивая крупы къ толпѣ, поневолѣ поддававшейся назадъ, несмотря на тѣсноту и на то, что проходъ былъ совершенно свободенъ.

Полицейскій офицеръ, убѣдившись, что мы по-русски не понимаемъ быстро поднялъ обѣ руки и, тихонько приподнявъ котелокъ съ головы моего пріятеля, сказалъ:

— Вотъ, что надо сдѣлать! Шапочки снять!

За жандармами шла процессія съ хоругвями,—ее опять замыкалъ взводъ конныхъ жандармовъ.

Мой французъ, видя полицію, кавалерію и возмущенный жестомъ полицейскаго офицера, сердито нахлобучилъ свой котелокъ; я сдѣлалъ то же.

Процессія прошла быстрымъ шагомъ.

Мы повернули и пошли. Дошли до крѣпости. Въ темнотѣ ночи едва бѣлѣлась масса крѣпостного собора. Вдругъ блеснуло желтое яркое пламя, и довольно долго спустя раскатился грохотъ пушечнаго выстрѣла. Затѣмъ блеснулъ второй огонь, освѣтившій

платформу и профиль бастіона, и раскатился второй пушечный выстрѣлъ. Затѣмъ еще и еще блестѣли огни, бѣлый пороховой дымъ потянулся вдоль Невы.

— Ah, ce n'est pas comme chez nous,—сказалъ мнѣ современный цивилизованный язычникъ.

C'est drole quand même de saluer par le tir d'artillerie la résurrection du Christ,—впрочемъ, сейчасъ по своей скверной гальской привычкѣ онъ поигралъ словами:—tout á l'heure ou nous a *tiré* nos chapeaux—et voilà que maintenant on *tire* le canaux.

Я, спрятавшій передъ класснымъ полицейскимъ чиномъ свое національное лицо и притворившійся непонимающимъ такія національныя русскія слова, какъ „Шапки долой!"—ничего не отвѣтилъ.

Когда мы возвращались по Невскому, на немъ горѣла иллюминація, а мой французъ все приставалъ ко мнѣ съ вопросомъ:

— Et dites donc, est-ce vrai, que la nation russe est trés chretiènn?

Я эту фразу могу перевести,—она значитъ: „Неужели правда, что русская нація очень христіанская нація?"

А. Васильевъ.

Прибавленіе

Открывающая сборникъ статья „Интеллигентская обособленность“ является возраженіемъ г. И. въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, № 48, на статью „Обособленіе интеллигенціи“. Слѣдующая—„Соглашеніе, а не сліяніе“—А. Максимову тамъ же, № 49, на статью „Національнизмъ и космополитизмъ“. Замѣченный уже во время печатанія книги, этотъ въ сущности маловажный пробѣлъ равно какъ и другой моментъ полемики (г. Дубровскій—„Рѣчь“ и г. Голубевъ—„Слово“) будутъ въ случаѣ выхода II изданія восполнены.

Благодарю, не ожидалъ!..

Сенсаціонное извѣстіе!.. Писатель Чириковъ, написавшій пьесу „Евреи", оказался антисемитомъ...

Дѣйствительно—сенсаціонное... Настолько сенсаціонное, что когда мнѣ перевели на русскій языкъ замѣтку изъ еврейской петербургской газеты „Фрайндъ", впервые провозгласившую объ этомъ удивительномъ происшествіи, я долго стоялъ передъ зеркаломъ души своей и съ изумленіемъ разглядывалъ „новаго антисемита", съ часу на часъ готоваго, по описанію „Фрайндъ", поступить въ союзъ русскаго народа... Ничего, однако, похожаго на антисемита я не усмотрѣлъ...

Скажите, пожалуйста, кто бы могъ думать!.. Никто. Ни одна петербургская газета не воспользовалась этимъ сенсаціоннымъ событіемъ, и я уже хотѣлъ махнуть рукой: „Могущій *это* вмѣстить, да вмѣститъ!.."

Однако, со страницъ „Фрайндъ" это извѣстіе по телефону перескочило въ Москву, въ № 47 „Русскаго Слова" и въ № 48 „Ранняго Утра", причемъ въ „Русскомъ Словѣ" приведена *приблизительно* моя скверная рѣчь, а въ „Раннемъ Утрѣ" прекрасныя рѣчи Ш. Аша, Дымова и Шайкевича, причемъ я оказался посрамленнымъ на всѣхъ пунктахъ...

Разъ интимная бесѣда въ гостяхъ попала на страницы газетъ, гдѣ съ легкостью треплется, на радость Бобчинскимъ и Добчинскимъ, мое имя, я вынужденъ сказать, сколько тутъ правды и сколько клеветы.

„Приблизительно" переданная рѣчь моя, на основаніи которой я превращенъ въ антисемита и духовнаго соучастника союза русскаго народа, передана настолько приблизительно, что отъ нея отдаетъ чистѣйшей клеветой. Вотъ, въ общихъ чертахъ, „событіе" и моя рѣчь.

Въ гостяхъ у артиста Ходотова читалась пьеса г-на Шолома Аша „Бѣлая кость". Пьеса, какъ правильно отмѣчено „Русскимъ Словомъ", вызвала среди русскихъ писателей и журналистовъ нѣкоторое недоумѣніе тенден-

ціей автора—идеализировать одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, Розу, на нашъ взглядъ самую заядлую мѣщанку изъ мелко-буржуазнаго еврейскаго мірка, способную вызвать одну лишь антипатію.

Начались споры. Недоумѣніе русскихъ писателей еще болѣе усилилось, когда авторъ пьесы сказалъ искреннюю, горячую рѣчь, смыслъ которой сводился къ тому, что мы, русскіе, не можемъ понять этой бытовой пьесы, и чтобы Роза предстала предъ нами въ надлежащемъ ореолѣ героини фанатическаго склада, спасающей еврейскую аристократическую кровь, необходимо быть евреемъ или прожить съ ними 5000 лѣтъ. Никто изъ присутствующихъ евреевъ-писателей и журналистовъ на это Ш. Ашу не возразилъ. Когда очередь говорить о пьесѣ дошла до меня, я, отдавъ должное достоинствамъ пьесы и указавъ на ея недостатки, перешелъ къ затронутой авторомъ темѣ. Я сказалъ, что если мы, русскіе, оказываемся неспособными понять еврейскую бытовую пьесу, то отсюда слѣдуетъ, что и вы, еврейскіе писатели и журналисты, не можете вполнѣ понять и почувствовать нашъ русскій бытъ. Подтверждаю это: многое „*бытовое*“ изъ русской жизни въ художественномъ воспроизведеніи на сценѣ рождаетъ въ моей душѣ цѣлую цѣпь воспоминаній, настроеній и переживаній, которыхъ оно не рождаетъ въ душѣ еврея, и наоборотъ. Затѣмъ я высказалъ свое недоумѣніе, почему нѣкоторые изъ присутствующихъ писателей съ „модернистскимъ пошибомъ“ и журналистовъ, очень свирѣпо относящихся къ бытовымъ пьесамъ, въ данномъ случаѣ, при обсужденіи пьесы г. Ш. Аша,—пьесы узко-бытовой (изъ быта польскихъ евреевъ),—совершенно забыли о провозглашенной ими же смерти быта, а совсѣмъ напротивъ,—одинъ изъ нихъ, не слышавшій даже пьесы и пріѣхавшій послѣ чтенія ея, сказалъ очень лестное слово для автора, а относительно идейности пьесы заявилъ, что никакихъ идей не требуется. Не слѣдуетъ ли отсюда, что умеръ только русскій бытъ, а еврейскій остался?.. Далѣе я говорилъ о томъ, что такое отношеніе къ быту несовмѣстимо съ идеей національности, что національность и бытъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что я сожалѣю только о томъ, что среди части еврейской интеллигенціи за послѣднее время идея національности начинаетъ превалировать надъ другими идеями; говорилъ, что началось это съ отдѣленія отъ с.-д. партіи; что на меня, русскаго интеллигента, воспитаннаго на безплотныхъ идеалахъ братства и равенства, это произвело когда-то весьма грустное впечатлѣ-

ніе; что если мнѣ, русскому интеллигенту, торопятся прежде всего и громче всего сказать, что „мы—евреи", то мнѣ позволительно вспомнить, что я—русскій...

Въ этомъ мѣстѣ со стороны слушателей-евреевъ послышался неодобряющій шорохъ и шопотъ, который, задѣвъ мое національное самолюбіе, заставилъ меня сказать:

— Да, русскій, не „истинно-русскій", а просто русскій... Впрочемъ, мнѣ все равно, какъ вамъ будетъ угодно это признать... И если вы заявляете, что мы, русскіе, неспособны понимать вашихъ бытовыхъ пьесъ, то мнѣ остается пожалѣть, что меня критикуютъ не русскіе, такъ какъ большинство критиковъ петербургской прессы—евреи...

Вотъ весь матеріалъ, на которомъ долженъ дѣлаться тотъ или другой выводъ...

Ни о какомъ захватѣ русской литературы евреями я не говорилъ,—это клевета. Да и глупости такой и сказать не могъ, ибо русскую литературу съ такими колоссами, какъ Гоголь, Пушкинъ, Некрасовъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Чеховъ, никто не можетъ захватить, хотя бы и такіе умные евреи, какъ это описано въ „Раннемъ Утрѣ".

Никакихъ угрозъ, что „мы вамъ покажемъ", что „мы будемъ бороться противъ васъ" и т. д., какъ это сообщено въ „Русскомъ Словѣ", я не дѣлалъ,—это клевета.

Если, присутствуя въ гостяхъ, гдѣ имѣются евреи-интеллигенты, достаточно сказать, что я—русскій, чтобы попасть въ антисемиты и чуть ли не въ члены союза русскаго народа, то это съ несомнѣнностью подтверждаетъ только то, что я говорилъ: „гипертрофію" національности, становящуюся націонализмомъ...

Извиняюсь передъ читателемъ, что приходится занимать его вниманіе своей персоной по этому „семейному инциденту", раздутому гг. Бобчинскими до событія значительной важности.

Евгеній Чириковъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Источники.

I. Воспроизведенные.

1. **Вас. Голубевъ.** Интеллигентская обособленность. *Слово*, № 720.
2. **Вас. Голубевъ.** Соглашеніе, а не сліяніе. *Слово*, № 731.
3. **Вас. Голубевъ.** Къ полемикѣ о національнизмѣ. *Слово*, № 734.
4. **Вас. Голубевъ.** О монополіи на патріотизмъ. *Слово*, № 736.
5. **Вас. Голубевъ.** Поворотъ. *Слово*, № 741.
6. **Вас. Голубевъ.** „Обманъ и лицемѣріе“ или „реакціонность“. *Слово*, № 761.
7. **Петръ Струве.** Интеллигенція и національное лицо. *Слово*, № 731.
8. **Петръ Струве.** Полемическіе зигзаги и несвоевременная правда. *Слово*, № 734.
9. **П. Милюковъ.** Національнизмъ противъ національнизма. *Рѣчь*, № 68.
10. **П. Милюковъ.** „Отталкиваніе“ или „притяженіе“. *Рѣчь*, № 70.
11. **Д. Левинъ.** Наброски. *Рѣчь*, № 69.
12. **Д. Левинъ.** Наброски. *Рѣчь*, № 72.
13. **Е. К.** Сумерки. *Наша Газета*, № 59.
14. **В. Хижняковъ.** Къ „газетной бурѣ“. *Наша Газета*, № 64
15. **Е. К.** Національнизмъ и патріотизмъ. *Правда Жизни*, № 16.
16. **В. Поссе.** „Еврейское засиліе“. *Слово*, № 736.
17. **В. Поссе.** Національнизмъ и соціализмъ. *Слово*, № 753ъ
18. **Алексѣй Порошинъ.** Политическія письма. *Новая Рус.*, № 69.
19. **Мих. Могилянскій.** Національное самосознаніе и патріотизмъ. *Слово*, № 748.
20. **Н. Минскій.** Національный ликъ и патріотизмъ. *Слово*, № 750.
21. **А. Погодинъ.** Къ вопросу о національнизмѣ. *Слово* № 737.

22. **М. Славинскій.** Русскіе, великороссы и россіяне. *Слово*, № 736.
23. **А. Васильевъ.** Почему мой знакомый спряталъ „свое національное лицо". *Слово*, № 754.
24. **И. Жилкинъ.** У старообрядцевъ. *Слово*, № 761.
25. **П. Боборыкинъ.** Національное лицо. *Русское Слово*, № 73.
26. **М. Винаверъ.** Открытое письмо П. Б. Струве. *Рѣчь*, № 70.
27. **Рославлевъ.** Мысли. *Петербургскія Вѣдомости*. № 59.
28. **А. Максимовъ.** Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. *Русскія Вѣдомости*, № 61.
29. **Евгеній Чириковъ.** Благодарю, не ожидалъ. *Русское Слово*, № 50.

II. Не использованные.

А. Газеты:

1. *Новая Русь*, № 64. Письмо въ редакцію. **К. Арабажинъ.**
2. *Новая Русь*, № 65. Письмо къ товарищамъ-литераторамъ. **Евгеній Чириковъ.**
3. *Новая Русь*, № 66. Письмо въ редакцію. **Шоломъ Ашъ, Осипъ Дымовъ, К. Арабажинъ.**
4. *Новая Русь*, № 74. О національномъ самоопредѣленіи. **Евгеній Чириковъ.**
5. *Слово*, № 741. Капелька націонализма. **И. Жилкинъ.** Прекрасное pendant къ одному изъ тезисовъ „Современныхъ мыслей" В. Поссе.
6. *Наша Газета*, № 60. Передовая статья.
7. *Слово*, № 739. Передовая статья.
8. *Россія*, №№ 1024, 1028. Передовыя статьи.
9. *Слово*, № 753. Обзоръ печати. Реплика „Россіи".
10. *Слово*, № 739. Обзоръ печати. Реплика „Правдѣ Жизни", № 16, на статью Е.К. „Націонализмъ и патріотизмъ" и „Русскимъ Вѣдомостямъ", № 61, на статью А. Максимова „Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ".
11. *Правда Жизни*, № 17. **Ѳ. Маловѣръ.**
12. *Слово*, № 736. Обзоръ печати. Реплика Ѳ. Маловѣру.
13. *Наша Газета*, № 68. **Д. Философовъ.**
14. *Слово*, № 749. Обзоръ печати. Реплика Д. Философову.
15. *Новое Время*, № 11846, 11854. „Среди газетъ и журналовъ". Реплики „Рѣчи", № 69, на статью „Наброски" Д. Левина и „Слову", № 734, на статьи „Полемическіе зигзаги и несвоевременная правда" Петра Струве и „Къ полемикѣ о націонализмѣ" В. Голубева.

16. *Новое Время*, № 11853. Замѣтки **А. Ст—ина** и „Среди газетъ и журналовъ". Реплика „Рѣчи", № 68, на статью П. Милюкова „Націонализмъ противъ націонализма".
17. *Слово*, № 746. Оплеваніе. **А. Вергежскій.** Отвѣтъ „Рѣчи", № 79, на статью Д. Мережковскаго „Головка виснетъ".
18. *Современное Слово*, № 465. Чириковскій инцидентъ. **М.**
19. *Раннее Утро*, № 49. Пѣла, пѣла пташечка. **Musca.**
20. *Голосъ Москвы*, № 60. Творцы антисемитизма. **Громобой.**
21. *Русское Знамя*, № 59. Проклятый Іуда. **А. Булатовичъ.**
22. *Одесскія Новости*, № 7765. „Національное лицо" г. Струве. **Сѣдой.**
23. *Кіевская Мысль*, № 61. Передовая статья.

Б. Журналы:

1. *Русская Мысль*, № 1—4. Статьи **П. Струве.**
2. *Образованіе*, № 3. Рецидивъ славянофильства. **Г. К. Градовскій.**
3. *Современный Міръ*, № 4. Политическое обозрѣніе. Новые Минины-Пожарскіе. **Ник. Іорданскій.**
4. *Московскій Еженедѣльникъ*, № 1—15. Статьи **А. Погодина** и кн. **Е. Н. Трубецкаго.**
5. *Разсвѣтъ*, № 13 — 14. Назойливая ассимиляція **Ю. Бруцкусъ.**
6. *Еврейскій Міръ*, № 4. Національное лицо г. Струве, отталкиваемое національнымъ лицомъ Шоломъ Аша. **С. Вермель.**

В. Книги:

1. **Р. Шпрингеръ.** Національная проблема. Спб. 1909.
2. **Отто Бауэръ.** Національный вопросъ и соціалъ-демократія. Спб. 1909.
3. **М. Б. Ратнеръ.** О націонализмѣ и территоріальной автономіи. Спб. 1909.
4. **Х. Житловскій.** Соціализмъ и національный вопросъ. Спб. 1909.
5. **„Серпъ".** Сборникъ II и рядъ изданій вообще. Спб. 1909.
6. **Н. Минскій.** На общественныя темы. Спб. 1909 (конфисковано).

Оглавленіе.

Стр.

Ф. Мускатблитъ.—У „разбитаго корыта"... (Вмѣсто предисловія)..... 5

В. Голубевъ. — Интеллигентская обособленность. 17
— Соглашеніе, а не сліяніе..... 21

Владиміръ Ж. — Асемитизмъ..... 25

П. Струве. — Интеллигенція и національное лицо..... 32

П. Милюковъ.— Націонализмъ противъ націонализма. 37

П. Струве.— Полемическіе зигзаги и несвоевременная правда..... 42

В. Голубевъ.— Къ полемикѣ о націонализмѣ..... 47

Н. Минскій.— Національный ликъ и патріотизмъ..... 52

Е. К.— Сумерки..... 61

Д. Левинъ. — Наброски I..... 66
— Наброски II..... 72

П. Милюковъ.— „Отталкиваніе" или „притяженіе"?.... 76

М. Винаверъ.— Открытое письмо П. Б. Струве..... 81

В. Поссе. — Современныя думы..... 86
— Націонализмъ и соціализмъ..... 92

И. Жилкинъ.— У старообрядцевъ..... 95

Алексѣй Порошинъ.— Политическія письма..... 98

Рославлевъ.— Мысли..... 103

В. Голубевъ.— О монополіи на патріотизмъ..... 107

А. Максимовъ.— Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ..... 111

Е. К.— Націонализмъ и патріотизмъ..... 116

Стр.

В. Хижняковъ.— Къ „газетной буръ“..... 122
В. Голубевъ.— Поворотъ..... 126
М. Могилянскій.— Національное самосознаніе и патріотизмъ..... 131
М. Славинскій.— Русскіе, великороссы и россіяне..... 135
А. Погодинъ.— Къ вопросу о націонализмѣ..... 140
В. Голубевъ.— „Обманъ и лицемѣріе“ или „реакціонность“?..... 143
П. Боборыкинъ.— „Національное лицо“..... 149
А. Васильевъ.— Почему мой знакомый спряталъ свое „національное лицо“..... 153

Прибавленіе.

Е. Чириковъ.— Благодарю не ожидалъ..... 159
Указатель..... 162

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Н. Валентиновъ. Э. МАХЪ И МАРКСИЗМЪ. Цѣна 60 коп.

Н. Валентиновъ. МЫ ЕЩЕ ПРИДЕМЪ!... О современной литературѣ. „Жизнь человѣка“ и „Царь-Голодъ“. Цѣна 35 коп.

Череванинъ. СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ И ВОЗМОЖНОЕ БУДУЩЕЕ. Аграрная проблема и ея рѣшеніе борющимися партіями.—3-я Дума, причины ея появленія и ея будущее. Цѣна 1 руб. 10 коп.

О КРИТИКѢ И КРИТИКАХЪ. Статьи: А. Куприна, Е. Чирикова, А. Каменскаго, О. Дымова, Сергѣева-Ценскаго, С. А. Венгерова, К. Чуковскаго и др. Цѣна 75 коп.

Л. Тарасевичъ. ПУТИ ДУХА И ТѢЛА ВЪ ЛЮБВИ. Цѣна 40 коп.

О. Уайльдъ. ПОРТРЕТЪ ДОРІАНА ГРЭЯ. Переводъ *С. Бердяева.* Цѣна 75 коп.

О. Уайльдъ. ПОРТРЕТЪ МИСТЕРА W. Н. Перев. съ англ. *С. А. Бердяева.* Цѣна 45 коп.

О. Уайльдъ. НИГИЛИСТЫ. Пьеса изъ русской жизни въ 3-хъ дѣйств. съ прологомъ. Цѣна 40 коп.

Г. Сенкевичъ. СУДЪ ОЗИРИСА. Перев. *Я. Мацкевича* и *И. Хвойника.* Цѣна 65 коп.

Всѣ изданія книгоиздательствъ „ЗАРЯ“ и „БИБЛІОТЕКА ДЛЯ ВСѢХЪ“.

Книгоиздательство „ЗАРЯ“

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ „**Сотрудникъ Провинціи**“, Москва, уг. Тверского бульвара и Малой Бронной.

Типографія «Общественная Польза». Бол. Тверская-Пасковъ д. 26.

Москва